

Юрий
ПОМИНОВ

Блестки

Издание
третье,
дополненное

Павлодар, 2020

УДК 821(574)
ББК 84 (5 Каз.– Рус.)
П 55

Поминов Ю.Д.
П 55 «Блёстки»: Юрий Поминов. Изд. 3-е, дополненное.
Павлодар, ТОО «Дом печати», 2020 – 310 стр.

ISBN 978-601-7614-15-7

Спасибо моим друзьям, которые помогли издать эту книгу.

Юрий Поминов – автор книг «Крупяной клин» (1990 г.), «Помню и люблю» (1993 г.), «Характеры» (1997 г.), «Живу» (1998 г.), «Мои современники» (1999 г.), «Между прошлым и будущим» (2002 г.), «Блёстки» (2003 г.), «Хроника смутного времени» (книга первая – 2007 г.), «Хроника смутного времени» (книга вторая – 2009 г.), «Хроника смутного времени» (книга третья – 2010 г.), «Избранное» (2011 г.), «Свет отчего дома» (2011 г.), «Просто жизнь... Записки редактора» (2013 г.), «Друзей моих прекрасные черты» (2013 г.), «Блёстки». Издание второе, дополненное (2014 г.), «Что пройдёт, то будет мило». Очерки и рассказы (2014 г.), «Просто жизнь... Записки редактора» (2015 г.), «Просто жизнь... Записки редактора» (2017 г.), «Как я был...» (2018 г.). Печатался в казахстанских и российских журналах «Простор», «Нива», «Аманат», «Журналист», «Огонёк», в альманахе Ростовской писательской организации «Южная звезда», литературном альманахе «Казахстан – Россия», коллективных сборниках «Лик земли», «Талант владеть землёй», «Отцовское поле», «Книга надежд» («Новая проза Казахстана»), «Был случай».

УДК 821(574)
ББК 84 (5 Каз.– Рус.)

ISBN 978-601-7614-15-7 © Юрий Поминов, 2020
© Павлодар, ТОО «Дом печати», 2020

Блѣстки

Это чувство возникает у меня всякий раз, когда я время от времени начинаю ворошить свои старые бумаги. В «отработанном» журналистском блокноте (где-нибудь прямо на обложке – чтобы позаметнее), на обрывке замызганного тетрадного листа или потёртой сигаретной пачки, на украшенной замысловатыми вензелями старой визитке нет-нет да и встретишь короткую, сделанную второпях запись... За ней чем-то захватившая тебя когда-то житейская ситуация, картинка с натуры, понравившийся образ, а то и вовсе одна-единственная фраза.

Что-то теперь воспринимаешь равнодушно, уже не помнишь – зачем писал и по какому поводу, а что-то по-прежнему обжигает, рождает цепь воспоминаний, будоражит душу... И почти всякий раз охватывает досада: сколько слов отправлено в белый свет, а вот эти, куда более сочные, искренние, томятся взаперти. В «правильные» журналистские материалы они не вписались, поскольку не могли не нарушить привычный строй мысли, рассказами тоже не стали. Хотя короткими новеллами, миниатюрами вполне могли стать...

Мне кажется, пришла пора выпустить их на волю. И я это делаю с неожиданным для самого себя волнением.

Я называю их «блѣстки» и пишу уже без малого полвека. Это третье издание «Блѣсток», в него вошли и новые сюжеты, а также разного рода истории, которыми так богата наша жизнь.

У нас в семье...

Талисман

4

Впечатления детства – самые яркие. И подчас – самые неожиданные: с течением лет забываются события, казавшиеся в пору их свершения наиважнейшими, а какая-нибудь мелочь, пустичок из детства помнятся всю жизнь...

В четвертом классе мне делали операцию аппендикита в участковой больнице, за два десятка километров от нашего совхоза. Конечно же, я отчаянно трусил, но меня согревала и успокаивала одна-единственная мысль: пока я в носках – всё должно быть хорошо... Дело в том, что утром мать, помогая мне собраться в больницу, сама одела на меня носки. И потом, оставшись один, я внушил себе: раз носки на мне, я по-прежнему связан с ней, и значит, она как бы рядом со мной.

Когда за мной пришли на операцию, меня тревожило только одно: надо будет снимать носки или нет? Для меня это был вопрос жизни и смерти.

Разумеется, носки пришлось снять...

Операция была без наркоза, но помню её плохо: прикосновение к животу чего-то металлически-холодного, укол... Затем перед глазами окровавленный червяк с белыми вкраплениями внутри – аппендикс, его мне показал хирург...

Всё это время в мозгу билась одна и та же мысль: носки, ведь я снял их ненадолго, они ещё хранят прикосновение материнских рук, главное – побыстрее их надеть.

От операционной до палаты я шёл сам. Едва добрался до кровати – взялся за носки.

– Ты что, с ума сошёл? – рванулась навстречу сопровождавшая меня сестра.

Но, к счастью, она опоздала: носки уже были на мне.

...Без малого шестьдесят лет минуло с того времени, и как же мне жаль порой, что нет у меня теперь такого заветного талисмана, который так же, как тогда, мог бы придать уверенности в трудную минуту, подарить надежду...

Ножик

(кое-что о педагогике)

Не помню точно, сколько мне было лет – наверное, семь-восемь, не больше. Я был в доме у друзей моих родителей – дяди Саши и тети Тоси Агеевых, оказался в комнате один и вдруг увидел ножик, вернее, ножичек. Это был не простой ножичек с одним лезвием, нет, их было два – большое и маленькое, а ещё шило и открывашка для консервов. Он был не плоский и не толстый и так хорошо, удобно ложился в руку, ласкал и холодил ладошку... Никогда ещё я не видел таких ножиков, у меня учащенно билось сердце... А что если я возьму его? Может, никто и не заметит... А может, он им вообще не нужен – иначе почему лежит просто так? Нет никаких сил положить ножичек на место. Я возьму его... На время... Поношу, поиграю, а потом принесу и положу обратно...

Я взял ножик, запросился домой. «Ты же только пришёл, – сказала тетя Тося, – куда спешишь?!» – «Мне надо домой», – тихо сказал я и испугался: а вдруг она поймет, спросит: «Что это у тебя в кармане?» И я ушёл.

Дома никак не мог найти укромное место, чтобы получше рассмотреть свою добычу. Восторг, радость куда-то улетучились... Ножичек теперь доставлял мне беспокойство. Спрятать бы его! Но куда? А вдруг найдут? Казалось, ножик вот-вот прожжёт мой карман.

– Ты что такой взерошенный? – спросила мать, – не заболел?

Я вяло помотал головой, отвёл глаза.

– Что с тобой? Почему у тебя рука в кармане? Что у тебя там?

Я непроизвольно вытащил руку – вместе с ножиком.

– Откуда это у тебя?

– Нашёл...

– Где?

Я больше не мог носить в себе свою страшную тайну и, опустив голову, выдавил:

– У Агеевых...

Она всё поняла. Не было никаких трёпок, хотя по этой части мать была очень быстра на руку, ни даже внушений. Мне было велено пойти и отдать ножик, сказать, что случайно положил в карман и забыл... Что я и сделал.

Потом я ещё «находил» авторучку. Верхняя часть корпуса у нее отвинчивалась, открывая пипетку, которой закачивались внутрь чернила. Это было нечто фантастическое – я опять не устоял. В доме у нас таких вещей никогда не водилось, и мать меня опять застукала. И снова не наказала, а велела вернуть.

С тех пор – как бабка отшептала...

Но к хорошим ножикам и авторучкам я до сих пор равнодушен, друзья и коллеги часто дарят их мне. И теперь у меня целые коллекции и ножичков, и авторучек.

В первый пар

За свою уже не столь короткую жизнь мне довелось побывать в приличном количестве бань. Были среди них многообразные русские, финские и турецкие, были бани общего пользования и семейные; случалось и в «номерах» бывать... А помнится более всего наша собственная, домашняя...

Отец наш страстно любил париться, а приличной парной в целинном совхозе, где мы жили, не было, вот он и загорелся идеей занять свою.

Место под нее определили на задворках усадьбы, в огороде. Выкопали яму размером метра три на четыре.

Нарастили пластынные стены – примерно на один метр от земли, наложили сверху берёзовых жердей, укрыв их опять же пластом; соорудили крохотное оконце – почти на уровне земли – и собственно «здание» оказалось готово. Внутри выкопали ещё одну яму – для стока воды, укрыли её неструганными досками, из таких же соорудили полук, лежать на котором взрослый человек мог, лишь подогнув колени. Примерно четверть бани занимала печь, сложенная из кирпича. Полукруглый свод её состоял из тех же кирпичей да из бутового камня – это была ещё и каменка. Слева в углу стояла большая кадушка с водой. Чтобы вода была погорячей, использовалось весьма своеобразное средство. На печи всегда специально нагревались два отслуживших своё гусеничных трака. Когда они накалялись докрасна, их бросали в кадушку.

Был ещё небольшой предбанник: углубление перед баней, прикрытое от ветра то ли рубероидом, то ли ещё чем-то.

Придирчивый читатель может не без ехидства спросить: а не забыл ли я про такую небольшую деталь, как труба? Но в том-то и дело, что никакой трубы нашей бане не полагалось. Она топилась по-черному: дым выходил не в трубу, а в дверь. Не знаю уж, почему баня была именно такой (вероятнее всего, такую оказалось проще соорудить), знаю лишь, что популярностью в округе она пользовалась чрезвычайной. От желающих посетить баню отбоя не было. Вполне возможно, впрочем, что причина крылась не в каких-то особых её достоинствах, а в том, что большинство наших соседей в первые целинные годы и такой не имело.

Банный день зимой – целое событие. В субботу после обеда мать затапливает баню березовыми поленьями. Мы, ребяташки, заняты подвозкой воды. Надо наполнить кадушку, в которой не меньше четырех-пяти фляг, затем трехведерный бак для холодной воды, почти такой же – для особо горячей... Нужен ещё и резерв...

В перерывах между поездками (воду возили из колонки) каждый раз проверяем, как горит печь. Поначалу дрова занимаются неохотно, в настывшей за неделю бане полно дыма, несусветный холод. Но мало-помалу огонь набирает силу, и вот уже дым весело валит из двери, стелется по заснеженному огороду.

Часа три-четыре топится баня, прежде чем мать, лично убедившись в том, что печь прогорела, а оставшиеся в ней угли уже не испускают голубоватого свечения, бросает призывной клич:

– Ну что, архаровцы, кто в первый пар?

Первый пар – не для слабаков. Обычно это привилегия отца. Иногда он берет меня с собой, и я этим горжусь. Мать вручает нам по стопке чистого выглаженного белья, по полотенцу, и мы отправляемся... Я – в валенках на босу ногу, в трусах и в пальтишке на голое тело – бегом не замерзну.

И вот баня принимает нас в своё разгорячённое чрево. Всё в ней дышит сухим зноем со смешанным ароматом дымка, берёзового веника, раскалённых камней, горячего дерева... Воздух так напоен зноем, что кажется густым, осязаемым; кажется, его можно потрогать руками. Сразу опаляет уши, перехватывает дыхание, ощущение – вот-вот затрепчат волосы. Не выдерживая, я тут же присаживаюсь на пол – тут хоть дышать можно.

Отец, довольно побряхтывая, доводит до кондиции берёзовый веник, обдавая его в тазу кипятком и держа затем в горячей воде. Потом он не спеша взбирается на полок и, полежав недолго, начинает легонько охаживать себя веником – грудь, плечи, спину... Моя задача – быть наготове, чтобы в нужный момент поддать жару. Я уже зачерпнул в ковшик горячей воды и жду сигнала, по-прежнему сидя на полу. Мне жарко, но я креплюсь – нельзя показывать слабость.

– Давай полковника! – командует отец. Я, чуть-чуть привстав, плескаю из ковшика на раскалённую каменку. Она как будто взрывается в ответ, и я сразу бросаюсь на

пол, чтобы не изжариться заживо в этой встречной волне, заполняющей все уголки небольшой бани. Впрочем, волна достаёт меня и на полу, поэтому я опускаю лицо в таз с холодной водой.

Чувствую, и отца, однако, достало: веник утих, а с полка доносится протяжное: «А-а-а-а...» Впрочем, это продолжается всего несколько мгновений, потом слышу веник: сперва шуршание, потом легкое похлопывание и, наконец, настоящий хлёт... Затем снова следует команда «поддать», и я опять плескаю из ковшика на каменку, которая огрызается не менее злобно, чем в первый раз; и баня вновь наполняется невыносимым жаром. А отцу теперь вообще хоть бы что: правда, он парится лежа, но хлещет себя ещё неистовей.

Успокаивается он лишь после того, как я поддаю в третий раз. Слезит с полка, гольшом выходит на улицу и с минуту упоенно катается по снегу в огороде. Я с опаской наблюдаю за ним через едва приоткрытую дверь и вижу, что эта процедура доставляет ему неописуемое удовольствие.

После купания в снегу отец отдыхает несколько минут в предбаннике, а затем вновь забирается на полкок... И всё повторяется снова. Правда, жар, как мне кажется, становится помягче, и каменка уже не взрывается в ответ на мои «поддавания», а недовольно фыркает...

Наступает мой черед париться. Поскольку сам я этого пока не умею делать, отец укладывает меня на полкок и устраивает веником «лёгкую экзекуцию». Сначала я терплю, потом начинаю орать благим матом, что на него никак не действует, и я получаю свою дозу здоровья с известной долей принуждения.

Зато потом мне тоже позволяется недолго постоять в предбаннике и самому ощутить, с какой благодарностью принимает разгорячённое тело столь желанную прохладу. Эту телесную радость, это непередаваемое блаженство в состоянии оценить лишь тот, кто его пережил.

Моемся мы с отцом наскоро, без малейшего усердия. Наши расслабленные, напоенные легкой, приятной усталостью тела требуют покоя и отдыха.

Как отец заговорил

Рассказывают, что мой отец не говорил лет до пяти. И начал – сразу с мата.

Жаль, не у кого теперь спросить: может быть, до тех пор ему просто нечего было сказать окружающим, а тут что-то переполнило чашу его терпения?

Но, говорила бабушка, радость в доме по поводу прорезавшегося у отца голоса была столь велика, что никто особо и не обратил внимания на то, что именно он сказал.

* * *

Отец, когда видел червивое яблоко или уже «трону-тый» гриб, не отказывался от них, философски замечая:

– Не то черви, что мы едим, а то черви, что нас едят.

Бог – не щепочка (из рассказа матери)

– Мне от отца часто доставалось – и за дело, и просто так. Один раз, уже не помню по какому поводу, за столом вырвалось: «Пап, ну ей богу!» А он меня выпро-рол. Я стерпела, потом спрашиваю: «За что?» – «А не божись, не подумав... Тебе Бог что, щепочка?»

Между прочим, в Бога он не верил.

Обида

Прадед, муж моей прабабки по отцу, любил выпить. Во хмелю он бывал буен и как-то, взяв квашню с мукой, вышел на улицу и развеял её по ветру.

Прабабушка пожаловалась местному начальству. Супруга привели в участок и всыпали ему 30 розг. Она уже жалела, что так вышло, и всё пыталась взять мужа под

руку, когда они отправились домой. Он её руку отталкивал и повизгивал:

– Иуда-христопродавец! Христа продала!

Так и не простил, до самой смерти поминал:

– Иуда-христопродавец! Христа продала!

Учёба

Иван Кузьмин, мой двоюродный дядька по материнской линии, рассказывал, как дед Тимофей, материн отец, отучал его от курения.

– Я курить рано начал – лет в восемь. Тайком, конечно. Как-то сижу за сараем возле таганка, он дымит, и я потихоньку дым пускаю, чтобы незаметно было. А дед Тимофей меня застукал... Весь зад оббил хворостинной... Потом я уже из армии пришёл, родня собралась – гуляем. Тут дед заходит, а я с сигаретой. Как увидел его – у меня зад сразу заныл... Я одной рукой за зад, а другой сигарету в пепельницу... А он сразу всё понял, смеётся: «Чего уж теперь, кури – раз куришь, анчирист...»

Верующий человек

Один из моих дядьев очень своеобразно верил в Бога. Крестился, когда другие крестились, при этом приговаривая:

– Слава тебе, Господи, что я не хохол!

Откуда берутся клички

Бабушка рассказывала, как на всю жизнь получил кличку один из её дядьев – Григорий. Он чуть не загнал свою лошадёнку, догоняя загулявшего купчишку, который спяну обронил сумку с деньгами. Тот сумку принял, заглянул внутрь, покряхтел и выдал награду – 20 копеек.

В сумке было целое состояние. А к дядьке в деревне намертво приклеилась кличка – Гришка-дурачок.

Память

Давно живя в Казахстане, мать много лет чай пьёт только с молоком, любит топлёное масло по-казахски, другие казахские блюда, включая бешбармак, который и сама готовит не хуже казашки. Но при этом не любит в бешбармаке баранью голову.

Тут своя история.

Когда в голодную послевоенную пору умерла сестра матери, поминать её было нечем. Поминальный обед сделали из бараньих голов, которые в Сибири, где тогда жили отец с матерью, отродясь не ели. Вот с тех самых пор мать их не ест – даже как непрменный атрибут бешбармака.

На базар, в Купино

Когда отец с матерью поженились, у них не было ни своего жилья, ни имущества, ни даже вещей – почти ничего. Зато какое-то время спустя у них появился велосипед – редкое по тем послевоенным временам транспортное средство. На нем они иногда по воскресеньям ездили из их родной деревеньки Чубаровки на базар в городок Купино.

Ехали – так: отец доезжал до макушки гривы (так здесь называют возвышенную часть складок местности), чтобы матери виден был оставленный им велосипед, и дальше шёл пешком. Мать доходила до велосипеда, садилась и ехала вперед, обгоняя отца... Затем оставляла велосипед ему... Так они, меняясь по нескольку раз, за час с небольшим преодолевали восемь километров, разделявших Чубаровку и Купино. А уже по самому Купино шли вместе – отец просто вёл велосипед.

Не знаю, почему, но мне за этим нехитрым способом передвижения видится теперь нечто значительное, высокое, романтическое...

Куда потом всё это подевалось?

Говорит бабушка

Моя бабушка по отцу Мария Петровна была неграмотной, но говорила очень хорошо, образно. Вспомнились две её присказки, которых я больше ни от кого не слышал.

– Ну, они его, милка, вдвоём и усоборовали! – это про то, как два соседских мужика чуть не до смерти избили её родственника.

А вот вторая:

– Лоб краснейся, а чёрт не смейся! – это значит не поддаваться ни при каких обстоятельствах.

Бранных слов в бабушкином лексиконе не было вообще. Самые крепкие не ругательства даже, а, скорее, выражения были такие:

– Идол тебя зарежь!

Или:

– Кишки т-твои перемотайся!

Не оценил

Мать рассказывала, что её отец, мой дед Тимофей, был почему-то недоволен тем, что одна из его дочерей, моя тётка, родила двойню. Бурчал:

– Никогда у нас в роду такого не было... А эта... Нащенила!

Но всех своих внуков, и этих тоже, дед любил и, насколько позволял его строгий нрав, по-своему баловал.

Шурк-Юрк-Петък

В последний раз мы навещали деда Тимофея втроём: старший брат Шурка, я и младший, Петька.

Строговатый, не очень ласковый дед, не привыкший выставлять напоказ свои чувства, был искренне рад нашему приезду. И не скрывал этого – наверное, чувствовал, что больше с нами тремя ему уже не увидеться.

Иногда, желая обратиться к одному из нас, он окликал другого; поправляясь, снова ошибался, и тогда у него выходило:

– Шурк-Юрк-Петък!

Он смеялся:

– Совсем запутался с вами...

И мы смеялись: нам нравилось это наше тройное имя.

Запах картошки

Мы жили бедновато. Как-то случилось, что у нас не хватило картошки до нового урожая, а купить, наверное, было не у кого, а скорее не на что. И вот к нам пришли гости и принесли с собой картошку, стали её варить. К столу, когда в доме были гости, нам, детям, подходить не позволялось.

Мы жили небогато, но никогда не голодали. Не помню, досталось ли тогда нам той картошки, но до сих пор помню, как она пахла, когда её варили... Мне казалось, что я не знал запаха лучше.

Картошку я и теперь люблю во всех видах.

Спальное место

Когда к нам неожиданно приезжали гости, и надо было как-то всех разместить, для кого-то из нас, детей, мать сооружала совершенно необычное ложе из трёх-четырёх стульев... Их придвигали к теплой задней стенке русской печки, выходящей в зал, так, что спинки образовывали что-то вроде загородки. Затем мать застилала стулья какими-то фуфайками, старыми пальто, и получалось восхитительное ложе – мы едва не дрались за право спать именно здесь.

Ощущение гармонии

Мне лет восемь-десять... Едем с отцом по затравеневшему просёлку на двуколке. Она на резиновом ходу,

катит мягко, почти бесшумно... Весна набирает силу, и солнце ласкает наши лица, а езда убаюкивает. Лошадка, тянущая возок, жизнерадостно помахивает хвостом и временами попукивает в такт неторопливому бегу... Благодать... Ощущение абсолютного комфорта и полной гармонии с окружающим миром.

У Поминовых и зола горит

Одно время мои жена с сыном жили в совхозе у моей матери. Как-то ей пришлось отлучиться на целый день, и, поскольку дело было зимой, она наказала моему старшему брату Шурке, также гостившему в родительском доме, к вечеру затопить печь.

Мать уехала, брат ушёл встречаться с друзьями, жена с сыном остались дома. К сумеркам матери всё ещё не было, в доме похолодало, и, когда пришёл брат, слегка навеселе, моя жена напомнила ему про печь.

– Ну что ж, затопим, – согласился брат и, открыв дверцу, стал совать туда припасенные загодя для растопки дрова.

Тут же, у печи, стояли готовое ведро с углем и второе, пустое, для золы.

Жена имела неосторожность подсказать брату, что неплохо бы для начала выгрузить из печи золу (мать не раз жаловалась ей на качество угля, в котором было до половины золы).

Но брат находился в состоянии, отнюдь не способствующем принятию чьих бы то ни было советов.

– Ничего, – с достоинством заметил он, – у Поминовых и зола горит.

Когда дрова занялись, он, сняв с плиты чугунные диски, вывалил сверху ведро угля, и через несколько минут печь погасла. Пришлось выгребать всё вместе: уголь, полуобгоревшие поленья, золу. За этим занятием и застала брата как раз погодившаяся, к счастью, мать.

– Вот видишь, потухло... – сконфуженно оправдывался он...

...Потом в своих спорах с братом, когда он чуть-чуть «подпускал», я ему ехидно напоминал:

– Ну да, конечно: у Поминовых и зола горит...

Босиком

Сын Данька пробежал босиком по мелкой луже, взбаламутил её и закричал:

– Посмотри, посмотри – какая вода пыльная!

Как Данька был у нас в рабстве

Сыну Даньке лет пять, может быть, шесть. Сказали ему, чтобы вымыл после общего чая посуду. Он моет и причитает: «Я как раб. Я у вас в рабстве...»

Новое время – новые песни

Старший сын пришёл из школы.

– Как успехи, – интересуюсь я, – что получил?

– Твикс, – мрачно отвечает он, сбрасывая с плеча сумку с книгами.

– Не понял...

– А что тут непонятного, – встревает в разговор младший, второклассник, – ты что, рекламу не смотришь: «Твикс» – сладкая парочка».

Всё ясно – двойка. У нас говорили – пара, бывали ещё и колы. А у них – твикс.

Не говори красиво

Заспорили как-то дома о самых главных изобретениях, известных человечеству. Называли электричество и паровоз, космический корабль и компьютер и ещё много чего.

Я сказал:

– Если бы человек не был так высокомерен и смог на самом деле всерьёз задуматься о сути вещей, он бы

навсегда онемел перед чудесами, которые творит сама природа...

– А по существу? – ехидно спросил средний сын Димка.

– Представьте себе: из чёрной-чёрной земли вырастают зеленый огурец и красный помидор, яблоко с горошину и с небольшую дыню...

Тут бы мне и остановиться, но меня неудержимо несло:

– А сама дыня, а морковка, а картошка и хлеб, дерево и цветок...

– Хлеб? Из чёрной-чёрной земли? – невинно переспросил старший сын Данька.

Теперь, как только я начинаю в их присутствии изъясняться витиевато или торжественно, тут же следует неизменное:

– Ну да... Когда из чёрной-чёрной земли...

А ведь я был тогда прав. Мне всего и надо-то было – вовремя остановиться.

Умелый подход

Сын Пашка иногда деликатно предварял необычную просьбу одной и той же фразой, адресованной матери:

– А ты не будешь смеяться или ругаться?

– Нет, а что?

– Давай откроем ещё одну банку сгущёнки.

Несколько банок сгущёнки (дефицит из дефицитов по тем временам) я привёз из Москвы...

У нас в семье все первые

Собравшись все вместе на 70-летие матери, мы вдруг затеяли шуточный спор о том, кто из нас, её детей и внуков, достиг в жизни большего. И оказалось, все мы – первые.

Я первым из семьи поступил в университет.

Старший брат Шурка, первый из всех Поминовых (а теперь, надо полагать, и последний), кто закончил Высшую партийную школу.

Младший брат Петька не без гордости подчеркнул, что учился в двух университетах и одном институте, который один стоит этих двух университетов. К тому же Петька у нас первый кандидат наук и доцент.

Сестра Наталья – единственная из всех – закончила институт заочно.

Её дочь Лариска – единственная получила университетское образование на инязе и теперь запросто шпарит по-немецки.

Мой сын Данька – один из всех нас – поступил в технический университет (мы все – гуманитарии) и единственный из всех, кто бросил учёбу. Потом, правда, доучился, получив профессию экономиста, – опять же пока единственный.

И, наконец, всех переплюнул мой средний сын Димка, сдав экзамены сразу в три российских университета (теперь и такое возможно) – один томский и два омских.

Хорошо бы, сказали мы ему, если бы ты хоть один из них закончил. К счастью, это произошло, и теперь у нас в семье есть и первый дипломированный специалист по информатике.

Последнее слово за младшим, Пашкой. Впрочем, и у него уже есть козырь – выдержав тестовые проверки, он учится в школе-лицее для одарённых детей.

То ли ещё будет!

2000 г.

Искусство виноделия, или Прерванный полёт

У нас на даче растёт черный полудикий виноград. Для еды он не очень годится, а вино из него делать можно.

Этим и решил заняться в девятом классе Димка. Расклеил по городу объявления – искал двадцатилитровую бутылку; нашёл; собирал виноград, давил; дальше всё

делал строго по науке – выводил из бутылки, где бродил будущий напиток богов, какие-то трубочки, неустанно следя за процессом...

Готовую продукцию разлил в разномастные бутылки и стал устраивать с друзьями дегустации.

Мы с женой и матерью решили, что этот творческий процесс требует контроля, и затарили оставшуюся продукцию в трёхлитровые банки.

Винодел был возмущён до глубины души:

– Зачем вы слили моё живое игристое вино в бездушные холодные банки?!

Оценка

Долго подступался к «Запискам об отце» – делал наброски, говорил с матерью и братьями, другими людьми, хорошо его знавшими. Потом в сомнениях писал...

Не зная, что из этого вышло, три экземпляра переплёл – на память братьям и себе. Прочитала жена – ей понравилось. Средний сын, присутствующий при разговоре, не преминул встрять:

– Хорошая книга – комаров бить удобно, я пробовал.

Я не обиделся – оценил иронию. Придёт время, прочитает и, может, скажет иначе.

Ты-то нам и нужен!

Сын Дима, омский студент, решил записаться в клуб бардовской песни. Нашёл общежитие, где барды собирались, объяснил вахтёрше цель прихода.

– Галинка, – позвала она бегающую по коридору девочку, – отведи дяденьку туда, где поют.

Пришли в комнату на четвёртый этаж. Провожатая с порога объявила:

– Я вам дяденьку привела!

К нему повернулись заинтересованные головы.

– Хочу ходить в ваш клуб! – сказал Димка.

– Очень хорошо! – тут же отозвался кто-то.

– Только я на гитаре не умею играть, – признался Димка, – и гитары у меня нет.

– Это ничего, – сказал кто-то.

– Вообще-то и со слухом у меня не очень, – закончил представлять сам себя Димка.

– Заходи, заходи, – слышалось сразу несколько голосов, – такие нам и нужны...

Не знаю, долго ли ходил к бардам Димка... Но когда мы с ним спустя больше десяти лет поехали на Байкал, я с удовольствием слушал у костра его пение под гитару. Хотя со слухом у него, мне кажется, и теперь не очень...

Не получилось...

Я не очень хотел, чтобы мои дети становились гуманитариями, и пытался поощрять их интерес к точным наукам и технике. Младший сын Пашка, увлечённый радиотехникой, казалось бы, продвинулся в этом смысле дальше двоих своих братьев. Когда ему однажды попала в магазине радиодеталей звуковая игрушка «Соловей», которую надлежало смонтировать и спаять по прилагаемой схеме, он с энтузиазмом взялся за дело. Готовая и включённая в электросеть, она должна была имитировать пение соловья. Но когда Пашка, строго следуя инструкции, аккуратно собрал игрушку, она вдруг начала транслировать «Радио России». Случай этот так потряс его, что с техническим будущим было покончено раз и навсегда.

Жизненная позиция

Любимое выражение моей племянницы Насти в два года – никада.

– Настя, сядешь на горшок?

– Никада.

Рецепт от одиночества

Настя лет в шесть была крайне озабочена тем, что у двоюродной сестры Ларисы – студентки нет парня. Говорила ей:

– Лорик, а ты в бассейн запишись.

– Зачем?

– Начнёшь тонуть, тебя кто-нибудь спасёт и на тебе потом женится.

Лорик теперь замужем за французом и живёт во Франции. Правда, познакомились они с Давидом не в бассейне.

Мировая отзывчивость

На весенних каникулах Настя (11 лет), которая любит поспать, вдруг озаботилась:

– Мне край завтра надо встать в девять часов!

Бабушка недоумевает:

– Зачем?

– «Мир» топить будут...

Это по телевидению прошла информация о затоплении в океане нашей космической станции, обработавшей свой срок.

21

Божественный лик

Включая всякий раз компьютер и видя перед собой на его экране симпатичную мордашку внучки Алиски, я начинаю верить в божественное происхождение человека.

2008 год.

Где рождается творчество

Внучка Алиса, ей четыре года, спрашивает:

– Мама, знаешь, где рождается творчество?

– Где? – переспрашивает та, занятая своими мыслями.

– В мозге, – и дочь показывает на голову.

– Как это? – хочет уточнить мать. – Что такое творчество?

– Это когда в голове придумывается что-то новое...

И дальше – с расстановкой:

– Ну там... игра... рисунок... выкрутасы... фотки...

– Танец, – подсказывает мать, – и песни...

– Ну да... И танец, и песни, и все-всё-всё...

– А ты творческий человек?

– Да! – и после паузы: – Все люди творческие!

Тестирование

Алиса проходила тестирование на право поступить в первый класс известной в Омске школы-гимназии. Быстро показала, что уже может считать и писать. Сказала, что любит стихи. На вопрос – кто твой любимый поэт – ответила:

– Марина Цветаева! – и тут же что-то рассказала наизусть.

А любимым блюдом назвала казахский бешбармак, которым мы не раз угощали их семейство в Павлодаре.

Конечно же, её взяли.

Колин тост

На дне рождения Алисы все её поздравляют, за праздничным столом говорят тосты в её честь.

Предоставили слово и её младшему брату Коле, которому явно не нравилось, что все говорят только о сестре и ни слова о нём. Он встал и сказал:

– Чтобы я был здоров и счастлив, – и сел.

Нехорошее слово

Говорил по телефону в присутствии шестилетней внучки и непроизвольно употребил название собаки женского рода по отношению к человеку.

Алиска – матери:

– А деда нехорошее слово сказал!

Сноха – машинально:

– Какое?

Алиска – укоризненно:

– Мама, ну ты же мне запрещаешь!

Сноха:

– Ладно, скажи, я не буду ругаться...

Замешательство, пауза...

– Нет, я не могу...

А сказать – страсть как хочется... Мать это видит и предлагает компромисс:

– Ладно, напиши тогда. Сумеешь?

Это уже отчасти игра, и какое-то время спустя внучка вручает снохе листок. Я прошу показать его мне, читаю начертанное крупными печатными буквами слово сука, где косяя палочка от «у» пристроена с другой стороны.

Да, нехорошо получилось... Позвал Алиску, сказал, что это я про собаку так говорил и что в этом смысле это слово не считается нехорошим... Не знаю только, поверила ли она мне...

Я слышу!

Воспитываю за какую-то очередную провинность внука Колю. Он, набычившись, молчит. И вдруг с вызовом отвечает: «Я слышу!»

Что, должно быть, означает: «Да понял я, понял... Чего пристал?!»

И я умолкаю.

Мне хорошо оттого, что ему радостно

С возрастом чувства остывают, притупляются. И кажется, уже ничто не может тронуть так, как когда-то в детстве, юности.

Но вот весна, апрельский день в парке... Мой четырёхлетний внук Колька рассекает на трёхколёсном велосипеде длинную лужу, скрывающую асфальтированную дорожку. Он мчит так, что во все стороны разлетаются

брызги, и сам захлёбывается от восторга. Наверное, он счастлив в эти мгновения, хотя ещё знать не знает, что такое счастье.

И мне тоже хорошо – оттого, что ему радостно...

«Не будем!»

Младшая внучка Тая меня не празднует, а на мои чаще всего неудачные попытки чем-то её заинтересовать или хоть как-то поладить с ней кратко и исчерпывающе, скороговоркой отвечает:

– Не будем! – что в переводе на обычный русский означает: – Отвали!

Зато, если она в настроении, может задуховно попроситься по-испански:

– Адиёз! – потому что в Испании она бывает с родителями чаще, чем я в Баянауле.

Не повезло

К нам привезли внучку Таю. И она, до того меня не признававшая, вдруг согласилась со мной погулять. Мы с ней пошли на набережную, где в этот тёплый летний вечер было полно народа. Обычно встречаются здесь и мои знакомые. Думаю, вот попадётся кто-нибудь, спросит: «О, кто это с вами?» А я небрежно, однако с тайной гордостью, отвечу: да вот, мол, вышли прогуляться с внучкой... Как будто делаю это каждый вечер.

Так было обидно, что никто не встретился...

Дитя 21 века

Сын Пашка прислал видео. Их с Катей сын, наш внук Данька, которому нет ещё трёх лет, с разбегу влетает в лужу в кроссовках. Останавливается, явно открывая для себя в этот раз что-то новое, потом выходит из неё, разворачивается и прыгает в лужу снова, обеими ногами. Брызги во все стороны, с одной ноги кроссовок

слетел... Опять что-то новое, необычное и удивлённая реакция, в которой больше восторга, чем испуга: «Ой!»

Мы в его возрасте и потом тоже любили шлёпать после тёплого летнего дождя по лужам. Но только босиком. Многие из нас, деревенских, вообще не знали летом, что такое обувь, лет до десяти. И носили не кроссовки, а честно заработанные цыпки, которые наши матери отпаривали в тазу и потом лечили, обрызгивая нашей собственной мочой – лучшим в ту пору дезинфицирующим средством. Не знаю, как они, наши внуки – дети 21-го века, бегающие в кроссовках по лужам, а мы точно были счастливы, бегая когда-то по ним же босиком.

Об искусстве ходьбы в гололёд и не только

Утром провожаю десятилетнюю внучку Алису в школу. Зима, ещё темно, сильный гололёд, ветер.

Она идёт чуть впереди – быстро, легко, и я за ней не поспеваю, всё время боясь поскользнуться и упасть.

– А ты семени, семени, деда, – оборачиваясь, рекомендует мне она другой способ ходьбы.

И я семеню... И хоть вроде неудобно как-то, но, в первых, всё равно никто не видит, а во-вторых, и вправду помогает.

Не так ли и в жизни это бывает: более устойчивыми в ней оказываются не те, кто шагает широко и размашисто, а те, кто передвигается мелкими шажками.

Проснулись мы на станции Мурза

Серебряную свадьбу мы с женой решили отметить поездкой в Алма-Ату – город нашей общей студенческой юности.

Выехали в ночь и, проснувшись утром, выглянули в окно: станция Мурза.

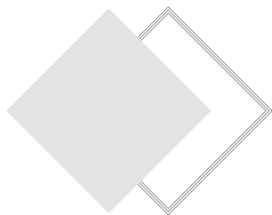
– Проснулись мы на станции Мурза, – сказал я, – неплохое начало для путевых заметок, не правда ли?

Мудрость жизни

Позвонил сестре матери, тётке Нине, – узнать, как её дела.

– Ничего хорошего в моей жизни нет, – отвечает, – но всё равно надо жить...

Вот бы и мне так принимать собственные житейские неурядицы.

Золотое слово

Моя мать – человек особого дара.

На все случаи жизни у неё есть своя поговорка или поговорка. И мне кажется, что это тоже по-своему характеризует её как истинно русскую мудрую женщину, всё повидавшую в жизни, а потому хорошо знающую, что в ней почём.

* * *

Семья у нас была по деревенским меркам средняя: двое взрослых да четверо детей. Главной пищей на зиму считалась картошка, и садить её полагалось много. Впервые приехав в поле уже как работник, я оббежал по периметру наш участок в двадцать соток и не утерпел:

– Неужели мы всё это выкопаем?

И услышал в ответ материно:

– Глаза бояться – руки делают.

И сколько же раз в жизни так бывало: приступая ко всякой большой работе, думал – ни за что не осилю. Но как-то так выходило, что картошка пропалывалась и выкапывалась, воз сена или соломы наполнялся, а гора березовых дров оказывалась перепиленной и переколотой...

И в университет оказалось возможным поступить, и закончить его – тоже... И всякое новое дело, за которое брался с неравнодушным сердцем, оказывалось по силам...

Как всё бесконечно просто и бесконечно мудро. И теперь уже я говорю своим детям в минуты жизни, когда они робеют (или ленятся) перед значительной для них работой:

– Ничего: глаза бояться – руки делают.

* * *

В субботу у нас по распорядку генеральная уборка. Обязанности давно распределены: жена стирает, я иду на рынок и в магазин за продуктами, старшие сыновья,

поделив комнаты, моют в них полы. Димка обычно заканчивает первым. Иногда мать устраивает ему инспекторскую проверку и, находя огрехи, начинает стыдить:

– Дима, ну разве так моют – нарочно?

– Да я мыл, баба, – канючит он, – мам, скажи...

Тут же следует бабушкино железное:

– Моим глазам свидетелей не надо!

И брак приходится перемывать.

* * *

Сидим за столом. На ужин у нас «непопулярная» у детей пшённая каша. Младший, Пашка, бросает на бабушку умоляющие взгляды, и её сердце не выдерживает:

– Ладно, иди возьми в холодильнике сметану...

– А сметана домашняя или магазинная? – он почему-то предпочитает магазинную.

Мать – к слову, спрашивая у воображаемого собеседника и ему же отвечая:

– Лежень, Лежень, на яичко!

– Да кабы лупленное...

* * *

Димка у нас единственный из всех троих сыновей смуглый. Вот он помылся в ванне (как всегда наскоро), и жена начинает его подозрительно осматривать – хорошо ли промыл уши, чистые ли руки... Он обижается, уворачивается от нее.

Мать добродушно:

– Да ладно обнюхивать – чёрного кобеля не отмоешь добела.

Эту поговорку приходилось от нее слышать и по другому поводу. Её дальняя родственница приняла обратно своего бывшего мужа – шалопая и забулдыгу – и убеждала мать, что он стал другим человеком. Вот тут-то мать и произнесла опять эту фразу.

* * *

Про людей, не умеющих устроить свою жизнь, не приспособленных ни к какому ремеслу, всё делающих тятп-ляп, мать говорила так:

– Неудельное дерево!

Или ещё так:

– Эх, родила тебя мать, да не облизала!

* * *

К старшему сыну пришли друзья. Акселераты – один здоровее другого.

Мать тут же отреагировала:

– Ну и дети пошли: в зад плюнуть – и то не достанешь.

Вообще же говоря, эта часть человеческого тела фигурировала в её образной речи довольно часто. Так, например, одну мою городскую знакомую, легкомысленную и ветреную, мать охарактеризовала так:

– В поле – ветер, в ж... – дым!

* * *

– Разуи глаза – обуи лапти.

Это её частая реплика в ответ на поиски кем-то вещи, лежащей на видном месте.

* * *

Про человека, попавшего меж двух огней и вынужденного с этим мириться:

– Богу молись, и черта не гневи!

* * *

Приехала родственница, рассказывает матери о несчастьях своего сына: только устроился работать шофёром – попал (не по своей вине) в аварию, долго лежал в больнице, выписался – сократили, теперь вот осталось полгода до армии, а на работу нигде не берут...

– Это уж так, – вздыхает сочувственно мать, – бедному жениться – и ночь коротка.

* * *

Про общую знакомую, живущую вполне благополучно, однако вечно сетующую на несуществующие болезни, трудности жизни:

– То хромая, то с родин (т.е. после родов), то кривая – глаз один.

* * *

Встретил в городе совхозную материну подругу: на лицо помню, а фамилию забыл напрочь. Дома пытаюсь матери обрисовать ее, но безуспешно – она никак не поймет, о ком речь...

– Ну вроде твоей двоюродной сестры, – делаю я последнюю попытку.

– Ну да: вроде Володи под вид Кузьмы, – тут же откликается она.

* * *

– Ешьте, дети – хватай, кум!

Это одна из присказок, наиболее часто употребляемых матерью за столом, когда она видит, что мы не страдаем отсутствием аппетита и мигом сметаем всё, что подаётся. По-моему, фраза не нуждается в особых объяснениях: вполне ясно, каковы дети и как следует вести себя куму, чтобы не остаться голодным.

В случае, если кто-то из внуков сидел за столом с брезгливо-надутым или обиженным видом, мать говорила так:

– Губа толста – брюхо пуста...

То есть будешь дуться – можешь остаться голодным, ведь в крестьянских семьях ели из общей чашки.

Бывало ещё так: кто-нибудь отнекивался, не садился за стол, а потом ел с завидным аппетитом. Мать в таком случае добродушно комментировала:

– Вот так это и бывает: нехотя зять у тёщи поросенка съел.

Или вот ещё – про отменный аппетит:

– Наша невестка всё трескает – мёд и тот жрёт!

Не любит, если кто-то занимает её место за столом. Всегда говорит:

– С чужого коня середь грязи долой!

* * *

Мать признает только близкую родню, с которой поддерживает связь, чем может, ей помогает. Бывает, кто-то с явным преувеличением говорит о своих чувствах к родне дальней, а она знает, что это неправда. Подобную степень родства оценивает так:

– Мы с ним такая родня: у него плетень горел, а я руки грел.

* * *

Димка у нас невысок, щупловат. Но зато лёгкий характером, незлобив, отходчив. Мать, видя, как он подчас нарочито бодрится, с удовольствием констатирует:

– Худому горе не вяжется.

* * *

Иногда мне кажется, что у неё есть присказка на все случаи жизни.

Вот опять пришёл с работы не в лучшем виде – снова проблемы, нелады с начальством. Она – между делом:

– Не горюй: не отпадёт голова – прирастёт борода.

И вроде полегчало.

* * *

Всю жизнь прожившая в селе и только на склоне лет волею судьбы оказавшаяся в городе, мать не любит тех деревенских, кто «строит из себя» городских, говорит о них:

– В конюшне сидят, а по-горничному кашляют.

* * *

О близком человеке, бездарно потратившем жизнь:
– Прожил, прости Господи, как за пнём высрался!
Грубо, но исчерпывающе...

* * *

О человеке незначительном, мелком и тем не менее подчёркивающим свою значимость, вес, влияние, образованность:

– Не вошь кусает, а гнида!

При этом «вошь» звучит в её устах как «увошь». Но та же самая фраза могла адресоваться и нам, её близким, когда в каких-то случаях нам изменяло чувство меры, или кто-то явно преувеличивал свои достоинства и заслуги.

* * *

О любимом, на ком хорошо сидит одежда:
– Нашей Кате всё кстати.

* * *

Кто-то из внуков допытывается:
– Баб, а ты помнишь, ба, ну помнишь, ты говорила...
Она, или вправду забыв, или не желая говорить на эту тему:
– Я столько помню – сколько ты забыл...

* * *

Внуки препираются, доказывая ей, что один опростоволосился меньше другого.

Она отвечает им такой репликой:

– Ну кум и раздолбай: у него на базаре сразу деньги украли, а у меня – только к вечеру...

* * *

Пришла соседка, о чем-то рассказывает, ругает сына, попавшего очередной раз в неприятную историю. Мать, желая её успокоить или не вполне разделяя её возмущения:

– Ну ты это не скажи: на грех мастера нет.

То есть не горячись и не зарекайся: жизнь – штука такая, любой может оступиться, сам того не желая.

* * *

Друг отца, дядя Саша Агеев, пришёл как-то к нам, чтобы «раскрутить» куму на опохмелку.

– Что, кум? – подшучивает над ним мать. – В голове шумит, а в кармане тихо-тихо?!

* * *

Классе в шестом я устроился на работу – полоть лесопосадки. Вставать надо рано – в полшестого, а не хочется. Мать тормошит, приговаривая:

– Вставай, вставай... Кто рано встает, тому Бог даёт.

* * *

А внуков она теперь иногда будит с другой присказкой, особенно когда они утром пересыпают:

– Ну хватит вылеживаться – из сна шубу не сошьёшь.

* * *

Сидим за столом. Завтракаем. Мать что-то пригорюнилась и к еде не притрагивается.

– А ты почему, баба, не ешь? – спрашивает младший внук Пашка.

– Ешь, пока рот свеж, – тут же отвечает она, – а завянет – и собака не заглянет.

* * *

Купили сыну Пашке на барахолке китайские кроссовки. С неделю поносил – стали разваливаться. Мы с женой сокрушаемся, а мать посмеивается: «Так вам и надо: дешёвая рыбка – поганая юшка».

* * *

Пришла в гости матерна подруга, рассказывает о последних совхозных новостях. Одно из известий – о том, что их общий знакомый, уже в годах, снова женился – вызывает у матери особое возмущение.

– Ну ты посмотри: у него уже полгроба из зада торчит, а туда же! – сердится она.

* * *

Мать с кем-то говорит по телефону. Видно, ей жалуются. Мать, похоже, соглашается, вздыхает:

– Это уж так: скажешь правду – потеряешь дружбу!

* * *

Димка по какому-то поводу пререкается с бабушкой. И каждая сторона, похоже, стоит на своём.

– Как ты не понимаешь, баба, она же крепкая, – убеждает Димка.

– Крепка тюрьма, да чёрт ей рад, – тут же следует в ответ.

* * *

Пашка мастерит из бумаги самолет. Режет, клеит, сопит, торопится... Что-то у него не выходит – надо брать заново.

Мать, как бы между прочим, сама с собой:

– Акуля, что шьешь не оттуля?

– А я, маменька, ещё пороть буду.

* * *

Жена утром собирается на работу:

– Какой сегодня день? Неужели среда?

Мать ей в тон:

– Среда подошла – неделя прошла.

* * *

Мать верит в приметы... Так, например, она говорит, что крошить на зиму капусту надо на молодик (с ударением на «и»), то есть на растущий месяц. И мы по вечерам бегаем смотреть на небосклон – как нарождается новый месяц.

* * *

Если к нам кто-то приезжает или приходит с утра, мать говорит:

– Ранний гость – до обеда, – добавляя неизменно: – А поздний гость – заночует.

В равной степени это её выражение может относиться к зарядившему с утра дождю или разгулявшемуся к вечеру бурану.

* * *

Матери нравится, когда её внуки проявляют характер, не пасуют перед трудностями, нарочито бодрятся, если даже им нелегко. В таких случаях она с одобрением замечает:

– Не горюха родила! Так и надо!

* * *

О человеке бессовестном, не пытающемся даже скрывать свои явные безобразия:

– Да что о нём говорить: поганому виду нема стыду.

* * *

Кого-то поставили на место, отбрили по заслугам, а мать видела или узнала. Тут же последует неперемное:

– И Вася не чешись!

Мол, поделом ему – правильно с ним обошлись, с таким только так и надо.

* * *

Кто-то из внуков хитрит, выкручивается, выдает желаемое за действительное. Мать с интонациями – в зависимости от ситуации и настроения:

– Ну да... На волка помолка, а заяц кобылу съел.

Или ещё – почти по тому же поводу, но уже слегка сердясь:

– Ишь ты какой – не кривой, а забавный!

А это – скорее иронично-добродушно:

– Хитрый Митрий: в штаны наклал (обычно употребляется более сильное выражение), а говорит: «Заржавело!»

* * *

Что-то у кого-то из наших близких сорвалось, не получилось – вышло совсем не то, что ожидали. И винить вроде некого. Мать констатирует лукаво-беззлобно:

– Обмишулился... Бывает...

А иногда добавляет при этом:

– Кто виноват, что дырват, – сам прохудился!

Было в её лексиконе и ещё одно слово для подобного случая – опрехвостился. Но это уже без каких бы то ни было оттенков понимания и сочувствия – близкое к «опростоволосился».

* * *

А если кому-то повезло, притом явно не по заслугам, она говорит:

– Вот так: хоть сопливый, да счастливый!

* * *

Мать в состоянии крайнего негодования. Изъясняется грубовато, с явной неприязнью и почти не свойственной ей злостью – видно, допекло:

– И крутится она, и крутится... Как сучка в паслёне!

Ни от кого прежде ничего подобного слышать не приходилось.

* * *

Подруга жалуется матери на то, что сын перестал ей подчиняться и больше прислушивается к жене. Мать – тут же живо:

– А ты что хотела! Ночная кукушка дневную всегда перекукует!

* * *

Одна наша родственница – дородная и вечно чем-то недовольная, поедом ест своего мужа – спокойного, работающего, может быть, разве немного медлительного.

Я как-то спросил: «Мам, почему он всё это терпит, почему ни разу не ответит ей как следует?»

– Знаешь, сынок, не боится волк собаки, да не хочет звяги.

* * *

Мать рассказывает о хождениях какой-то знакомой по начальству в связи со смертью мужа:

– Ну сходила она к нему на работу, выплакала полторы тыщи денег...

* * *

Мать с утра вздыхает:

– Опять плохой сон видела. Видать, что-то у Шурки (старший сын) нехорошо...

– Мам, можно подумать, у тебя бывают хорошие сны! – теперь уже сержусь я.

– Ну а как же! – немедленно откликается она. – Вот, например, свиньи.

– А при чём здесь свиньи?

– Значит, кто-нибудь из своих приедет в гости...

– А ещё?

– Говно! – вдруг слышится в ответ.

– Ну а тут-то что за связь?

– Ну как – это к деньгам! Уж сколько раз было.

Как тут реагировать, с чем спорить? Да и надо ли?

* * *

Мать о человеке нелюдимом, малоразговорчивом:
– А он такой и есть: нашёл – молчи, потерял – молчи...

* * *

Сидим всей семьёй за столом. У кого-то из внуков сорвалось с языка явно не то. Мать строго пресекает:
– Укуси себя за язык!
Что означает: не болтай, думай – что говоришь.

* * *

Умер Анатолий Собчак. С экрана по всем каналам льется елей в его адрес. Мать, которая помнит, что говорили многие в его адрес ещё совсем недавно, в сердцах роняет:

– Не зря люди говорят: как корова сдохнет, так всегда оказывается – такая к молоку хорошая была!

«Хорошая к молоку» – значит высокоудойная. Грубовато, конечно, но как точно по сути.

* * *

Собираем с женой в дорогу одного из сыновей. Считаем предстоящие траты, выдаём деньги «с запасом»: на всякий случай, а останутся – вернёт. Мать по этому поводу замечает:

– Вернёт он, как же: у него, как у попа – сдачи не бывает!

* * *

Матери уже за семьдесят, прибаливает, жалуется – то на одно, то на другое. Я пытаюсь её успокоить: что же подделаешь – возраст... Она в ответ – живо:

– Ну не скажи: иной и в старости – как чеснокок!

* * *

Мать, вернувшись с похорон дальней родственницы, заявляет:

– Хорошо Вере – умерла и лежит себе – полёживает. Наверное, ещё и думает: «Бегайте вы все вокруг – хоть забегайтесь, а мне-то уже всё равно».

* * *

За обедом мать пересказывает свой разговор с одинокой пожилой соседкой из нашего дома: «Говорит: выбелила квартиру, перемыла всё, перестирала и лежу теперь себе – полёживаю – смерти поджидаю...»

* * *

На базаре появились первые местные овощи – редиска, огурцы. Мать отказывается их покупать, обижаясь на торговцев:

– Дерут за эту редиску, прости Господи, как чёрт за грешную душу!

* * *

Мать недолюбливает одного из моих друзей, любителя прихвастнуть. Жене моей говорит о нём, не называя имени:

– Опять «этот» был, уж трыстил-трыстил...
То есть много чего наговорил, хвастался...

* * *

О ситуации, когда не хочется что-то делать, а надо, – со вздохом, но бывает и с возмущением:

– Ну да: хоть яловая – а телись!
Можно ли сказать лучше!

* * *

Когда мы с моими друзьями (что подделаешь – бывает) начинаем куролесить, мать в сердцах, но без злобы замечает:

– У людей черти лучше, чем у тебя друзья.

* * *

А это о недомоганиях – своих и чужих:
– Шелудивому поросёнку и в «Петровки» холодно.
«Петровки» – Петров день – православный праздник, который приходится на конец июля.

* * *

Мать сердится на внука, выговаривает:
– Совсем обленился – скоро уже и мух топтать не будешь...

* * *

Мать что-то кроила-перешивала из старых вещей и, поняв бесплодность своей затеи, констатировала на хохлацкий манер:
– Гимно пчэлы – гимно мэд!
По смыслу это близко тому, что из дерьма конфетку не сделаешь.

* * *

О человеке без характера, без твёрдых убеждений:
– Ни Богу свечка, ни чёрту кочерга!

* * *

С интересом смотрит по телевизору передачу про то, как в очередной раз дурят нашего брата, и комментирует:
– Вот обули, так обули – из сапог в лапти!

* * *

Знакомые купили дом в деревне. И теперь жалуются матери, что с ним, оказывается, столько хлопот, да и расходов тоже. Мать им в ответ:
– А вы как думали: заварили кашу – так не жалейте масла!

* * *

Мать, наблюдая в очередной раз на экране телевизора абсурдные с точки зрения обычного человека покупки богатыми людьми чего-нибудь эдакого такого, замечает:

– Правильно старые люди говорят: «У денег глаз нет!»

То же самое, впрочем, может относиться и к нам с женой и нашим детям, когда мы, как считает она, проявляем неоправданное расточительство.

* * *

Умерла в сибирской деревне Чубаровке, где родилась и выросла мать, тётка Польшка – последняя из сестер её отца. Матери она наказывала: «Ты, Тонька, смотри, приезжай меня хоронить, а то по мне и поплакать некому будет...»

Мать не смогла поехать (теперь это за граница) и сильно горевала...

Дома она частенько вспоминала невесёлую присказку тётки о её недолгом замужестве:

– Ни стуку, ни грюку... Сгрёб, как суку...

То есть «не как у людей» – ни свадьбы мало-мальской, ни веселья, ничего у тётки не было...

А муж потом на войне погиб.

* * *

Мать, наблюдая, как вертятся на телеэкране сподвижники вокруг первого российского президента, вздыхает:

– Эх, Борис, Борис, обрачают они тебя, твои помощнички...

Обрачают – значит, не столько обратят в свою веру, хотя и это присутствует, сколько к рукам приберут, опутают по рукам и ногам... Что, в общем-то, и случилось: и голову заморачивали гайдарами-чубайсами, и наливали в нужный момент, и нужных людей во власть засовывали...

* * *

В воскресенье матери сон приснился, по её квалификации снов – нехороший. Она нам его пересказывает, поясняет, что в нём к чему, сетует:

– Нет-нет, нехороший.

И тут же, будто успокаивая и себя, и нас, добавляет:

– Праздничный сон – до обеда. Куда ночь – туда сон. Пусть идёт себе с Богом.

* * *

О том, что человеческому организму трудно угодить:

– Не ешь – тошнит, поешь – на двор (впрочем, она употребляла более экспрессивное слово) тащит!

* * *

Сюжет по ТВ – про то, как ловко обтяпывают свои делишки новые русские, и тут же её реакция:

– Обделай ближнего и шуруй дальше!

* * *

По поводу внешности одной из знакомых:

– Её нос на семерых рос, да одной достался.

* * *

Иногда, не знаю уж, специально или нарочно, мать коверкала слова: говорила, например, берибельда. Потому, может быть, что это для неё было более благозвучно, чем белиберда.

* * *

Переиначивала пословицы-поговорки. Например, про двух медведей, которые в одной берлоге не уживутся:

– Два чёрта в одном болоте не купаются.

* * *

Как-то я объяснял ей, почему задержался: мол, попутно зашёл туда-сюда... Слышу в ответ:

– Попутно цыган кобылу драл.

Да, грубо. Но говорят в народе...

* * *

Ищет свои куда-то запропастившиеся очки, которых у неё несколько. Я приношу одни. Она:

– Это не те.

Я:

– А те какие?

Она шутливо:

– Не те, шо мете, а те, шо вие, – так у нас хохлы говорили.

Никакого отношения к делу присказка («Не то, что метёт, а то, что веет») вроде не имеет. Но ясно: очки она ищет другие.

* * *

Увидела, что у кого-то из нас ширинка в штанах не застёгнута, и прокомментировала:

– У нашей Чилиты ворота (именно с «ы») открыты.

С воротами всё ясно, но почему у Чилиты, не знаю. Может, для рифмы?

* * *

– Что это ты искривилась, как середка на пятницу?

Обращена фраза к хорошо знакомой женщине. Имеется в виду, конечно, середка, но произнесено именно «середка», и это не то же самое, когда говорят: «Что смотришь, как Ленин на буржуазию?» Но тоже с оттенком недовольства и непонимания. Откуда взялось выражение, тогда не спросил и больше ни у кого не слышал.

* * *

Вот я перебираю свой гардероб и, не находя того, что мне надо, задаю риторический вопрос:

– У меня что, одна приличная рубашка с короткими рукавами осталась?

Мать не задумываясь отвечает:

– С тыну да на спину!

Что означает: постирали, вывесили на забор (тын) сушиться – и сразу на себя.

* * *

Она о чём-то меня спрашивает, что-то уточняя:

– Ну да, – отзываюсь я.

Она:

– Нуда хуже коросты.

Тоже болезнь, но ещё хуже...

* * *

Мать говорила: не обещал, а сулился, не жаловался, а жалился. Мне кажется, что оба этих слова точнее и ярче передают суть сказанного, чем их правильные аналоги.

* * *

Услышал от неё новое слово – ражжениа. Спрашиваю – что за слово такое?

– Ну, значит поженились, потом разженились, вот и он, и она – ражжениа получается.

Правильнее было бы, наверное, раз-жениа, но это как-то не очень благозвучно. А раж-жениа и соответствует смыслу, и звучит.

* * *

Мать не может найти нужную ей и куда-то запропастившуюся вещь. И будто между прочим приговаривает:

– Чёрт-чёрт, поигрался и отдай!

Могла не раз это повторить. И бывало – вещь находилась. Совпадение? Наверное...

* * *

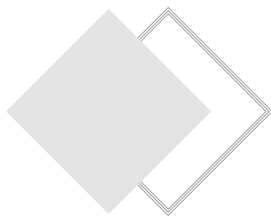
Всю жизнь, до глубокой старости, мать любила паслён – едва ли не главное лакомство её полуголодного детства. И называла эту ягоду, которую теперь нечасто встретишь, по-деревенски – бзника. Наверное, по реакции организма на её употребление...

Коськина штучка (из рассказов матери)

Сибирская деревня, ещё довоенная... У соседней подрастает сын Костя, по-деревенски Коська, которому родители, не выбивающиеся из нужды, чуть ли не по копеечке собирают денежку на будущую свадьбу, хранят в тряпице, завязанной узелком, и называют «Коськина штучка». Денег в ней немного, но всё же год за годом прибывает.

И вот в деревню приходят цыгане: гадают, предсказывают будущее, страшат не верящих им. Непонятно как, но заговорили, заморочили соседке голову и выдурили у неё тот самый узелок с деньгами, пообещав, что прибыток будет. И ни о чём больше так не сокрушалась соседка потом всю жизнь, как о той пропаже:

– Пропала, пропала «Коськина штучка»!

Так это было...

Просьба

Ночью позвонил университетский друг. Мы много лет не виделись, и вот неожиданный междугородный звонок.

– Ну, как ты? – громким шепотом (все мои уже спят) спрашиваю в телефонную трубку.

– Теперь уже лучше, – неопределенно отвечает он и, чуть помолчав, добавляет: – Вообще-то у меня к тебе есть просьба... Давай споем «Последний троллейбус»?

Мне неудобно объяснять ему, что семья уже спит, и отказывать неудобно.

– Может, ты сам споешь, а я послушаю? – выдвигаю встречное предложение.

– Да нет, надо вместе... Но если ты не хочешь или не можешь...

– Ну почему же, – отвечаю бодро, – надо – так надо... Я готов!

И мы, разделённые двумя тысячами километров, заводим речитативом нашу любимую университетскую:

Когда мне невмочь пересилить беду,
Когда подступает отчаянье,
Я в синий троллейбус сажусь на ходу –
Последний, случайный...

Мы путаем слова и куплеты, но всё же общими усилиями доводим песню до конца. Мне хочется расспросить, что у него случилось, но он говорит «спасибо» и кладёт трубку.

Потом я долго не могу уснуть, лежу и думаю: что же там у него всё-таки произошло?

Что в имени тебе моём?

Каких только имен не придумывают люди в честь чего бы то и кого бы то ни было!

Я, например, знал Революда (революционное дитя), Вилена (Владимир Ильич Ленин), Вилора (Владимир Ильич Ленин – организатор революции), Марлену и Марлена (Маркс-Ленин), Сталину (женское имя с ударением на «и»), Гертруду (Герой труда), Мэлса (Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин), Элика (от слова электрификация)...

Встречались мне Правда и Пипкаврох. Первая названа в честь газеты «Правда», а имя второго расшифровывается так: «Памяти Исторической Победы Красной Армии В Районе Озера Хасан». Есть имя Персострат, что означает «Первый Советский Стратостат», и Перкосрак – первая космическая ракета.

Среди казахских имен встречаются Армия, Октябрь, Тельман, Маркс, Энгельс, Совет. Рассказывали мне про братьев-близнецов с именами Социал и Демократ и даже про человека по имени Тракторбай...

Время такое было? Наверное, и так. Но вот читаю в одной из газет: родители наградили свою дочь именем Россия... А мой земляк из Железинского района назвал свое крестьянское хозяйство «ВИМель-2030». Что это означает? Владимир Иванович Мельник, а число – дата из Стратегии Президента «Казахстан-2030».

Дух и тело

Как-то я приехал в Ленинград в гости к брату Петру, аспиранту-филологу. Дело было в разгар перестройки, и он чуть не с вокзала потащил меня на писательскую конференцию, обсуждавшую нравственные аспекты очередного переломного периода нашей истории. Какие-то нормы приличий во взаимоотношениях писателей тогда ещё сохранялись, хотя разделение на два противоборствующих лагеря уже явно наметилось. При всем при том редактор «Молодой гвардии» Анатолий Иванов был ещё в силе, а Олег Попцов – пока нет, никто и предположить не мог, что он станет сподвижником первого российского президента, основателем россий-

ского телевидения... Были там, конечно, и другие литераторы, этих же я назвал лишь потому, что тогда они представляли, скажем так, два разных идеологических крыла российской словесности.

Конференция шла себе ни шатко ни валко, пока слово не предоставили Вениамину Каверину. Каверин был настолько стар и немощен, что почти не мог самостоятельно передвигаться. На сцену, к трибуне, его буквально под руки вывели два каких-то молодых человека. Но речь, которую он произнёс, была прекрасной – безукоризненной по форме, язвительной по содержанию, ёмкой. О том, что она достигает цели, было видно по тому, как наливался краской Анатолий Иванов, побагровела даже шея. При этом Каверин был абсолютно в рамках приличия, он не произнес ни одной оскорбительной фразы.

Закончив выступление, Каверин свернул свои листки, опустил их в карман и, отступив буквально на полшага от трибуны, стал беспомощно оглядываться по сторонам – у него не было уверенности в том, что он сам сможет добраться до своего места в зале. Ему опять помогли.

Мне потом не раз приходилось встречать людей такого рода: тело их уже почти умерло, а дух, сознание оставались могучими, ясными, продолжая действовать, несмотря ни на что.

Сила воли

Мне посчастливилось знать немало волевых людей. Это качество в них проявлялось по-разному.

Один из моих знакомых, страстный путешественник, казался, задался целью выяснить: а есть ли вообще предел человеческим возможностям? С группой таких же энтузиастов он сплавлялся на байдарках по Иртышу от самых его верховий до Оби, а по ней – до Ледовитого океана; проделывал зимой путь на лыжах от Усть-Каменогорска до Москвы и от Северной земли до

Северного полюса – тоже своим ходом, на лыжах. Летом ходил пешком через пустыню... И он был глубоко убеждён, что в критические минуты жизни, когда, казалось бы, все ресурсы организма исчерпаны, человек в состоянии преодолеть себя – усилием воли. Именно этим усилием, говорил он, преодолевались некоторые участки пути в его многочисленных путешествиях.

Но поразительно другое. Не эти неоднократные преодоления собственных возможностей, а один-единственный случай из детства считает он самым главным проявлением силы воли в своей жизни.

Я постарался записать его рассказ почти дословно: «Самое яркое, самое сильное из ощущений, сохранившихся у меня с детства, – это ощущение голода. Тогда мало кто жил сытно, а наша семья, оставшаяся без отца, была вечно голодной. И это ощущение – голодного, сосущего пустоту желудка, жило во мне ежечасно – я даже во сне хотел есть.

Понять это состояние может лишь тот, кто сам когда-нибудь долго, постоянно недоедал.

И вот как-то раз – мне было лет тринадцать – поехал с деревенскими мужиками разгружать баржу. И заработал сразу четвертак – старыми, конечно. С мужиками же зашёл в какую-то забегаловку. Они пили водку и пиво, а я ел. Я ел так, будто хотел наесться не только за всё то время, когда недоедал, но и на всю оставшуюся жизнь – впрок.

Конечно же, я объелся, и меня стало тошнить. И мысль о том, что я вот так запросто могу лишиться того, чем столько лет был обделён, показалась мне настолько чудовищно несправедливой, что я чуть не заплакал. И сказал себе: ну нет, уж лучше пускай умру сытым, но удержу всё это богатство в себе.

И удержал – не вырвал. Правда, с тех пор не переносил блинов с повидлом: я их тогда ел последними и умял штук двадцать – не меньше...»

Любопытно, что в еде этой мой знакомый был очень умерен и к тому же весьма неприветлив к ней.

Реабилитация

В одном из многочисленных лагерей печально известного КарЛага отбывал десятилетний срок талантливый агроном-садовод. До отсидки он был директором опытно-садоводческого хозяйства, успел защитить диссертацию. Каким-то образом ему удалось уговорить начальника лагеря завести садово-огородное хозяйство. Под него отвели несколько соток, обнесли колючей проволокой, зек-агроном вырыл себе землянку и месяцев восемь в году там и жил: снабжал лагерную администрацию свежими овощами, ягодами – малиной, смородиной, вишней, проводил какие-то опыты, что-то записывал...

Политикой он никогда не интересовался, случившееся с ним считал чистейшим недоразумением, верил, что в его деле разберутся, и он вернется домой, в Крым, в свое опытное хозяйство. Но год шел за годом, ничего не менялось, и он начал свыкаться со своим новым положением. К тому же он задался целью вывести засухоустойчивый сорт степной вишни, и, кажется, что-то ему удавалось. Любимое дело спасало от тягостных мыслей в неволе да и просто позволяло выжить.

В лагере к нему относились как к немножко помешанному – небрежно и снисходительно. Его и это устраивало – лишь бы не мешали.

Когда его первый «законный» срок закончился, автоматически получил новую «пятерку». Он не удивился и не расстроился, ведь в его жизни ничего не изменилось, а цель – заветный сорт – всё ещё не была достигнута.

А однажды агронома пригласили к начальнику лагеря, и тот сообщил о его полной реабилитации и вручил целый ворох денег – всё заработанное за без малого пятнадцать лет... И эта будничность столь запоздалой справедливости так потрясла его заледенелую душу, что в ту же ночь агроном пытался повеситься на единственном дереве, которое росло на его огороде, – яблоне-дич-

ке. Но кто-то из охранников случайно оказался неподалеку, поднял шум, и агронома спасли...

На родину он так и не вернулся. Оставшуюся жизнь доживал рядом с местами, где отбывал срок. Выпустил небольшую брошюру о своих опытах со степной засухоустойчивой вишней. Брошюра была замечена в Москве, специализированный учёный совет счёл возможным присвоить автору учёную степень доктора сельскохозяйственных наук. Без защиты диссертации.

Секрет министерского долголетия

Ефим Славский в общей сложности почти тридцать лет руководил важнейшим, суперсекретным ведомством – министерством так называемого среднего машиностроения. Это был человек-легенда, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий. Ему было уже лет 80 лет, а он – сухой, жилистый старик, всё руководил своим секретным министерством.

В одну из поездок на Мангышлак, где «среднее машиностроение» добывало руду на урановых рудниках, он поделился на дружеском застолье секретом своего служебного долголетия.

– Я ведь на своем посту уже с четвертым главой правительства работаю. И козырь у меня всякий раз один: перед каждым переутверждением министров пишу Предсовмина на себя анонимку. Так, мол, и так, до каких пор будете держать в правительстве этого старого козла: ему уже столько лет, а он до сих пор шастает по бабам, в родном министерстве у него две или три любовницы...

Как знать – может, в умении пошутить над собой и над серой обыденностью и в самом деле один из секретов любого долголетия?

Рыба любит тишину

Советские времена... Обсуждается очередная областная продовольственная программа – «Рыба». Назначен ответственный за её выполнение чиновник.

Сидящий рядом со мной другой чиновник, хорошо его знающий, обречённо вздыхая, замечает:

- Не будет у нас рыбы...
- Почему вы так думаете? – спрашиваю я.
- Уж больно он шумлив, а рыба тишину любит.

Какая зарплата – такая работа

Наши времена... Оборонное предприятие по разным причинам не вылезает из кризиса... И без того невеликую зарплату платят нерегулярно, с задержками. А на недавних учениях «изделие» секретного завода не достигло заданной точки.

Кто-то тайно повесил на двери с надписью «Бухгалтерия» листок с двустушьем:

- Летела ракета, упала в болото:
- Какая зарплата – такая работа.

52

Из жизни З.Т. Набойченко

Оплошка

Захар Тарасович происходил из запорожских казаков, чем ужасно гордился. Голову брил наголо, а усы, наоборот, носил невероятных размеров. Ходил в галифе и френче сталинского покроя – даже тогда, когда они совсем вышли из моды. И всегда и всюду за председателем колхоза следовал помощник, готовый выполнить любое его поручение.

...Послепраздничное утро. Набойченко с горем пополам провёл утренний наряд и теперь мучается с похмелья головной болью.

– Мыкола, – обращается он к верному спутнику жизни.

– Га? – тот тоже украинец.

– У нас там от рябых быкив ничего нэ висталось?

– Та воткуда ж, Захар Тарасович? – сокрущённо разводит руками помощник. – Ти гроши давно уси...

Речь идет о деньгах, полученных за проданную с полгода назад пару колхозных быков, которые непонятно для каких надобностей были закреплены за председателем. Часть суммы Захар Тарасович оставил на «представительские» цели («Для устричь уполномоченных и начальства»), – доступно разъяснил он помощнику, передавая ему эти деньги на хранение). Но в экстренных случаях председатель не считал зазорным попользоваться заначкой и для собственных нужд – обычно исключительно «для поправки».

Набойченко с шумом втягивает в себя воздух, шевелит вислыми усами:

– Так найди ж чого-нибудь, Мыкола, ну никакой ж мочи нэма... Дома тэбэ ждать буду...

Спустя какое-то время Мыкола легкой рысцой устремляется к председательскому дому. Спрятанные за отворотом полушубка две бутылки водки, взятые в долг у продавщицы, греют ему душу. В темных сенях помощник, заслышав голос хозяйки, второпях сует бутылки в стоящую за дверью кадку... «Председателява жинка» весьма критически относится к мужниной слабости по части спиртного. И помощник знает это – сам не раз попадал ей под горячую руку.

– Чого ты, Мыкола? – притворно удивляется Набойченко, когда тот появляется на пороге.

– Та с райкома звоньли, Захар Тарасович...

– И шо? – по инерции спрашивает Набойченко.

– Та за работу хвалить...

– Га-а, – удовлетворенно тянет Набойченко и с укоризной глядит на жену: видишь, мол...

– А в чём это у тебя руки, Николай? – вдруг живо интересуется та, – ну-ка, ну-ка – к свету...

– В чём? – не понимает Мыкола, хотя рукава его полушубка в муке – не заметил, как вымазал, пряча бутылки в кадку с мукой.

– Ах ты ж паразит, – жена председателя орлицей бросается в сени и тут же возвращается с вещественными доказательствами, – а ну геть из дому и чтоб ноги твоей тут не было!..

...«Поправлялся» в этот день Захар Тарасович исключительно огуречным рассолом.

Конфликт

В колхоз к Набойченко прислали уполномоченного – его давнего знакомого. Сперва Захар Тарасович его ублажал, но тот повёл себя заносчиво, всюду совал нос, давал указания. И Набойченко вспылил:

– Да шо ты тут раскомандовався? Колотится, понимаешь, как хрен в жите, и я за ним!

Тот кровно обиделся и поехал в райком жаловаться. Первый секретарь вызвал Набойченко. Пригласили уполномоченного. Тот воспроизвести оскорбление дословно наотрез отказался – пусть, мол, председатель сам скажет.

Набойченко сказал.

– Как-как? – оживился первый секретарь. – Как хрен в жите? Ха-ха-ха! Ну молодец, развеселил – первый раз такое слышу...

Взглянул на кислую физиономию уполномоченного и поправился:

– Нельзя так, Набойченко, нехорошо, – немного подумал и добавил: – Вы вот что – идите в буфет, возьмите бутылку коньяка да помириться... Набойченко, если буфетчица откажет, скажи – я разрешил...

Восток – дело тонкое

(из воспоминаний журналиста-ветерана)

В Казахстан я приехал в начале шестидесятых годов из Вятки. Решил, что засиделся, захотелось новых ощущений. А тут – целина, большое строительство. Сразу взяли в областную газету. И вот – первая командировка. Получил командировочные, как сейчас помню, 28 рублей, зашёл к редактору. И он мне говорит:

– Ты вот что имей в виду: район этот дальний, своеобразный, население большей частью казахское. Мы туда нечасто выезжаем, так что не спеши обратно – поживи с недельку, присмотришь. Будут где приглашать чаю попить – не вздумай отказываться – народ обидишь.

Ну, я поехал. Вернулся дней через десять. Наказ редактора выполнял неукоснительно – народ не обижал. Командировочные, все до копейки, привёз обратно. Вот только на мясо с неделю смотреть не мог...

Трансформация

Осень. Начало уборки. Звонок из области в район.

– Почему хлеб не косите?

– Так зелёный ещё...

– Это у вас настроения зелёные, – гремит начальственный бас.

Звонок из района в совхоз.

– Почему не косите?

– Так хлеб же зелёный...

– Это директор совхоза у вас зелёный, – неистовствует телефонная трубка.

Директор совхоза вызывает по радию бригадира:

– Когда косить начнёте?

– Так зелень же...

– Это у тебя под носом зелень... Знаешь, как она называется?

...Интересно, что говорил после своим подчинённым бригадир?

Воспитательный момент

Заседание бюро обкома партии... На повестке дня вопрос вопросов – ход хлебозаготовки. Председательствует, вернее царит, «сам» – первый секретарь Семён Дмитриевич Кулагин. Семён Дмитриевич и вообще-то крут, а тут ещё дела с выполнением плана хлебосдачи идут неважно... Он мечет громы и молнии.

Другие члены бюро, сидящие с ним за одним столом, опасливо помалкивают. Провинившиеся директора совхозов и председатели колхозов, жалкой кучкой сгрудившиеся на стульях в части зала, предназначенной для приглашённых, втянули головы в плечи. Кто-то из них предназначен на заклятие.

Метод Семёна Дмитриевича в таких случаях хорошо отработан, прост и доступен: надо найти наиболее злостного нарушителя партийной дисциплины, саботирующего «первую хлебоборбскую заповедь», и примерно наказать – чтоб другим неповадно было. Способ многократно проверен, действует лучше всяких уговоров.

Жертва уже найдена: Дымченко, председатель одного из колхозов, при обсуждении вопроса осмелился заметить, что, может, и не стоит так спешить и везти хлеб на элеватор чуть ли не из-под комбайнов – погода стоит хорошая, можно ещё успеть и очистить зерно, и подсушить...

– Ну да, ты умный, а мы тут все дураки, – следует любимый аргумент Семёна Дмитриевича, за которым обычно им самим вносится предложение об оргвыводах.

Предложений у него, как правило, три: объявить строгача, снять с должности, исключить из партии. Тут случай особый – попытка усомниться в незыблемости самой линии, покушение на святая святых – первую заповедь... Отсюда и мера наказания.

– Предлагаю исключить, – голос Семёна Дмитриевича спокоен, будничен: он знает, что его предложение

будет принято, получит огласку, и в следующий раз ослушников не окажется.

– Семён Дмитриевич, я хочу... – порывается что-то сказать председатель-жертва.

– Потом, потом, – небрежно машет рукой «первый», не достаивая его взглядом. – Так. Кто против? Против нет. Кто воздержался? Всё ясно – исключаем.

Семён Дмитриевич обводит усталым взглядом притихший зал заседания. Он доволен произведённым эффектом. Остаётся завершить спектакль – поставить последнюю точку. Семён Дмитриевич и это умеет. Глядя поверх голов, он рассеянно разрешает исключенному:

– Так что ты там хотел сказать, Дымченко?

– Я беспартийный, Семён Дмитриевич.

Кулагин медленно багровеет, ловит раскрытым ртом воздух, от его царственной вальяжности не остаётся и следа.

– Да что же ты, мать твою, молчал! – ревёт он на весь зал.

Дымченко (он и в самом деле единственный в области беспартийный председатель колхоза) невозмутимо пожимает плечами. Директора и председатели, пряча улыбки, отворачивают головы.

Воспитательный момент испорчен. Начисто.

Прорабы перестройки

Была такая рубрика в газете «Советская Россия». Престижная, популярная, единственная в своем роде. Она рассказывала о людях, ярко проявивших себя сразу после провозглашения Горбачевым нового курса, в том числе и о партийных секретарях разного ранга.

И мне, хоть и с опозданием, захотелось внести свой вклад в портретную галерею прорабов перестройки – почти десять лет я имел возможность видеть в деле трёх первых секретарей обкома партии. Я их классифицировал для себя так: Старый первый, Новый первый и Старый Новый первый.

Ветеран номенклатурного движения (Старый первый)

58

Так окрестит его, уже персонального пенсионера союзного значения, одна из газетных публикаций. И в самом деле: едва ли не всю сознательную жизнь Старый первый провёл в руководящем партийном кресле, постоянно и неуклонно передвигаясь навверх. Блестяще усвоив все правила системы, которой он служил, Старый первый без преувеличения стал гроссмейстером от номенклатуры. Его главными чертами были сверхосторожность и сверхневывразительность. Начав свою карьеру ещё при Сталине и пережив Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко, он и при Горбачеве не изменял своему важнейшему правилу: ничему не удивляться, ничего не принимать близко к сердцу, никогда не отклоняться от линии... Форма для него всегда была важнее содержания. Главное – вовремя отреагировать, обсудить, принять постановление. Заседания бюро при нём превращались в настоящие ритуалы и длились порой часами. Вместе с тем он всегда предпочитал ничего не решать, если была хоть малейшая возможность этого не делать. С точки зрения здравого смысла невозможно объяснить, как мог столь заурядный серый человек так выдвинуться. С точки зрения людей, знающих секреты механизма номенклатурного передвижения, всё, напротив, очень просто: он верно служил системе, и она его опекала.

Без бумажки Старый первый двух слов связать не мог. Шпаргалки ему писали по всякому поводу – даже дежурные выступления на бюро. Заботясь об авторитете шефа, работники общего отдела подчёркивали в наиболее ответственных докладах слова и выражения, которые ему следовало выделять голосом, проставляли ударения. Но это не помогало: всё и всегда он читал ровно, монотонно, без всякого выражения. Каждый раз казалось, что его совершенно не интересует то, о чём он говорит.

Его осторожность не знала границ. Так, например, любую, даже двадцатистрочную заметку в областной газете, где упоминалась его персона, он лично прочитывал перед публикацией. Кстати говоря, не припомню случая, чтобы за все годы работы он хотя бы раз в этих заметках сделал хоть какую-то поправку...

И помощников подбирал под стать себе – незаметных, не возражающих, не высовывающихся. Когда он уходил на почётную персональную пенсию (по высшему разряду, утверждают знающие люди), никто ничего не смог сказать о нём – ни хорошего, ни плохого.

Прораб большого полёта (Новый первый)

Нового первого привезли к нам в разгар перестройки. Область во главе со Старым первым поотстала в этом деле, вот он и должен был «инициировать перестроечные процессы».

Преемник был молод (едва стукнуло сорок), честолюбив, уверен в себе. К тому же строить и перестраивать он умел и любил, поскольку большую часть жизни провёл на стройке: прорабом, начальником строительного управления, управляющим трестом. В последние годы строительная часть его биографии удачно дополнялась частью партийной: время от времени со стройки его бросали на партстроительство – в аппарат райкома, горкома, ЦК Компартии республики. Пока, наконец, он не оказался у нас – в области, много лет громко именуемой гигантской строительной площадкой.

Новый первый церемоний не признавал и заседания бюро вёл с прорабской прямоотой и непосредственностью. И не важно – о чём шла речь: о строительстве дорог, надоях и привесах или о перестройке народного образования – его слово всегда было решающим. Раздавав всем сестрам по серьгам (а без этого не обходилось ни одно бюро), он самолично устанавливал сроки для устранения провалов и неизменно добавлял:

– Ну, а не обеспечите конечный результат, вызовем на бюро, и, как говорится, «привет горячий»!

Этот «привет горячий» кочевал из выступления в выступление Нового первого и приобретал в зависимости от ситуации оттенки от поощрительно-одобрительного до обвинительно-угрожающего. Разнообразием лексики Новый первый аудиторию не баловал, да это было и ни к чему: сам он привык изъясняться прямо, того же требовал и от окружающих, а в узком кругу не чурался крепких выражений.

Приобщал нас к перестройке Новый первый преимущественно с помощью программ – они стали плодиться с его приходом как грибы после дождя: по строительству дорог, по оздоровлению трудящихся, по разведению рыбы, по удвоению производства молока и мяса... Последнее – отнюдь не преувеличение и не шутка: все районы и хозяйства получили соответствующие задания и затем поочередно защищали эти программы в области... И только неожиданный его уход помешал трудящимся области первым в стране вступить в эпоху полной сытости.

Впрочем, надо отдать должное Новому первому: он был требователен не только к окружающим. На месяц вперёд им составлялся специальный рабочий план, где по дням (и по часам) было расписано: где и когда он будет находиться, что будет делать. Наиболее жгучий интерес его ближайшего окружения вызывало планирование им своего выходного дня (суббота была, разумеется, всегда рабочей)... Так вот, первая половина воскресенья отводилась для поездок по городу с обязательным посещением рынка, а во второй неизменно значилось: «С 14.00 – работа над собой». По всей вероятности, этот важнейший пункт Новым первым выполнялся без должного усердия: уходя два года спустя со своего поста (опять – на строительный, но уже в союзном министерстве!), он оставался для всех, кто с ним близко столкнулся, прорабом большого полёта.

В одну реку вошедший дважды (Новый Старый первый)

Говорят: нельзя войти в одну реку дважды. Это неправда. Тому подтверждение судьба ещё одного первого секретаря нашего обкома – судьба по-своему уникальная.

Он уже был в нашей области первым. Но не вписался в административно-командную систему (как он любит теперь говорить, и что, в общем, соответствует действительности) и без всяких объяснений был освобождён от должности.

Область при нём переживала пору бурного промышленного развития, здесь как на дрожжах рос крупнейший в Союзе территориально-производственный комплекс. Во времена перестройки это даст основание бывшему первому с возмущением отвергать тезис о том, будто и у нас был застой. Где-то, может, и был, но не у нас... И уж, во всяком случае, не в те годы и не в экономике... Что тоже было правдой.

Ещё его первое пришествие оставило о себе добрую память «чистыми пятницами» (весь город в этот день выходил после обеда на улицы с лопатами и мётлами наводить порядок), многочисленными соснами, появившимися в городах и сёлах в пору его правления, и двумя шикарными по тем временам особняками, выстроенными на берегу Иртыша (едва ли не на самом людном месте) и отведёнными под привилегированную гостиницу (один) и для проживания четырёх семей, включая семью первого секретаря (другой). Правда, строительство это получило чересчур широкую огласку, и обладателям особняка за зелёным забором пришлось переселиться. В конечном счёте при освобождении с поста первому поставили в вину и эти хоромы...

То ли дело теперь! Построить личный двух-трёхэтажный особняк для любого мало-мальски уважающего себя начальника – дело чести, доблести и геройства. И уж, само собой, никого не волнует тот оче-

видный факт, что затраты на его сооружение минимум в несколько раз выше, чем полученная хозяином за все годы службы зарплата.

Кстати говоря, и построенная в те годы гостиница сохранилась и до сих пор служит по своему прямому назначению.

Бывший первый вернулся в область после почти десятилетней отлучки по просьбам трудящихся. В прямом смысле этого слова. Ходоки одной из двух номенклатурных руководящих группировок, с переменным успехом ведущих борьбу за ключевые посты в области, позвали его «домой», обещая всяческую поддержку, заверяя, что «актив» этого только и ждёт.

И тот рискнул. И был избран. И в кулуарах тут же был окрещён «Новым Старым первым». В отличие от подавляющего большинства своих коллег по номенклатурной обойме он был не только умён, но и начитан и теперь не считал нужным зарывать эти свои таланты в землю. Избранные места его речей нельзя пересказать – их можно лишь цитировать.

Вот, например, из выступления на республиканском пленуме ЦК партии: «Наш корабль перестройки, как тот летучий голландец, – на всех парусах, но без рулевых (теперь уже не поют «Партия – наш рулевой»), взлетает и падает на крутых волнах перегласности в штормовом океане передемократии, рискуя разбиться о рифы переплюрализма, а желанные берега перепроизводства ещё так далеки». Каково? Но это не всё... Были в его речах «политические тараканы и экономические клопы, которые яростно принялись кусать партию, Советскую власть...». Впрочем, с ними автору речей всё ясно – «демократическая контра, а их идеи – идеологическая марихуана»...

Словом, голыми руками такого не взять – широко образован, во всех смыслах подкован, любому оратору фору даст. Правда, члены бюро опять загрустили: иные из его заседаний стали превращаться в откровения Но-

вого Старого первого по тому или иному поводу, напоминающие театр одного актёра... Себя он без ложной скромности именовал «батькой»: чего там, мол, ну поругаю когда-нибудь, но не порю ведь, а в случае чего – и прикрою...

Всё же он был и остался незаурядным человеком, наш Новый Старый первый. Но его второе пришествие оказалось недолгим. Усилиями московских реформаторов некогда великая страна уже шла вразнос, и ему, помимо собственной воли, пришлось довольствоваться ролью похоронщика бывшей советской системы. Той самой системы, служению которой были отданы его лучшие годы.

Вышло так, что республиканский комитет, который возглавлял наш первый перед возвращением в область, был упразднён за ненужностью. Через год с небольшим приказала долго жить и Коммунистическая партия, и Новому Старому первому пришлось довольствоваться ролью председателя областного Совета народных депутатов. А потом, как известно, и самим советам не оказалось места в новой политической системе суверенных государств, возникших на обломках бывшего Союза.

Однако Новый Старый первый избежал печальной участи большинства своих номенклатурных товарищей по партии – участи унылых брюзжащих пенсионеров. Он оказался личностью вполне самоценной – в нём пробудился известный поэтический дар. Свои стихи он публикует под псевдонимом. По-моему, в них есть талантливые строки...

Вышло уже несколько книжек его стихов и публицистики. И мы стали свидетелями настоящей популярности нового литератора.

Проводы

Как-то я улетал в Москву на одном самолёте с первым секретарём обкома партии, направлявшимся в очередную отпуску в подмосковный Барвихинский специа-

наторий. Провожать его явилось бюро обкома почти в полном составе – каждый на своей служебной машине. Девять или десять «Волг» одинакового белого цвета проследовали на летное поле и по ранжиру выстроились у здания аэропорта: первой «Волга» «самого», потом – председателя облисполкома, затем второго секретаря и так далее – согласно нештатной, но железно соблюдаемой таблицы о рангах.

Когда наш самолет начал разбег, члены бюро, нестройной шеренгой стоявшие у своих «персоналок», прощально замахали руками... Это было трогательное зрелище. Непонятно, правда, кому всё это адресовалось: место «первого» оказалось с противоположной стороны салона. Да он и не смотрел в окно, а читал газету...

Поручение

Освещать работу областной партийной конференции приехал спецкор «Правды». Хорошо зная, что он доставил массу неприятностей своими корреспонденциями в других областях, в обкоме спешно сформировали группу по нейтрализации спецкора.

Конференция шла два дня. Дважды в день руководитель группы докладывал первому секретарю о проделанной работе. Доклады были краткими и исчерпывающими: «Все нормально! Пьёт!»

На конференции спецкор так и не появился. Но отчёт опубликовал. И даже критика в нём присутствовала, но зато после неё не было неприятностей ни у кого из тех, кто опасался острого спецкоровского пера.

А спецкор несколько лет спустя стал одним из лидеров российского демократического движения и одним из первых лиц в российском правительстве демократов.

Аудиенция

В область прислали нового собкора центральной газеты. И хотя газета была профсоюзной, по этикету по-

полагалось представиться первому секретарю обкома. Помощник сразу предупредил:

– Когда будете говорить с Сергеем Иосифовичем, руки лучше держать перед собой на столе – он не любит, когда прячут руки и отводят глаза.

Собкор подивился такой рекомендации, но, будучи от природы человеком сообразительным и не лишённым чувства юмора, решил судьбу не искушать и действовать сообразно совету.

Аудиенция оказалась недолгой. Сергей Иосифович рассказал собору о судьбе его предшественника. Был юбилей у директора шинного завода. После чествования юбиляра на предприятии узкий круг лиц переместился на специально зафрахтованный для юбилейного торжества теплоход. На нем и гуляли, курсируя по Иртышу.

– Ну выпили, конечно... Ну закусили... – доверительно излагал первый секретарь. – А он, борзописец, накатал... Уважаемых людей обидел...

Сергей Иосифович помолчал, вздохнул:

– Ну я позвонил Михал Андреичу, сказал, что нам таких не надо...

Для непосвящённых: М.А. Суслов курировал в ЦК КПСС идеологию.

Еще одна пауза.

– Теперь вот вас прислали. Думаю, поладим?

Как Юрий Кукин чуть не стал диссидентом

Однажды в наш город приехал известный исполнитель своих песен Юрий Кукин. Мы решили во что бы то ни стало пригласить его на встречу в редакцию. Он на удивление быстро согласился, часа полтора пел нам свои песни, рассказал много интересных историй. Чтобы чем-то отдарить Кукина за этот праздник общения, правивший в отсутствие редактора зам великодушно пообещал ему опубликовать в нашей газете несколько

его стихов, пообещав «для поддержки штанов» повышенный гонорар.

Узнав, что тираж газеты за сто тысяч экземпляров, Кукин согласился. Срочно соорудили подборку на последней странице под рубрикой «У нас в гостях». Неизвестно каким образом об этой инициативе узнали в обкоме партии и рекомендовали от публикации воздержаться. Сгорая от стыда, зам пошел в гостиницу в Кукину объясняться. Услышав о запрете, Кукин страшно удивился: «А почему? Стихи-то безобидные...»

Чтобы хоть как-то сохранить лицо, зам предложил: «Хотите я вам на память полоску со стихами оставлю?» – «Конечно, хочу, – сразу сказал Кукин, – буду показывать её своим друзьям в Ленинграде. Ведь до сих пор меня ещё нигде и никогда не запрещали...»

Вместе с оттиском невышедшей страницы зам вытащил из портфеля бутылку коньяка. Потом он уверял нас, что они отлично посидели и расстались, взаимно довольные друг другом.

Тут, наверное, можно было бы добавить, что талантливый романтик Кукин всегда был далёк от политики... Но какое это имеет отношение к нашей истории?

Лицо эпохи

Её зовут Нина Павловна Аринина. Уже лет пять она ходит к нам в редакцию в поисках справедливости. Строители, прокладывая теплотрассу, потревожили её ветхую избушку, после чего жить в ней стало опасно. Аринина просит её отремонтировать, строители же уверяют, что они тут ни при чём, а все беды избушки от её собственной старости.

Наша газета писала об этой истории трижды.

Аринина обошла всё городское начальство, побывала на приеме у сменивших друг друга трёх первых секретарей обкома партии, не одну свою пенсию потратила на обстоятельные телеграммы трём сменившим друг друга первым секретарям ЦК Компартии республики,

обращалась к Генеральному секретарю ЦК КПСС и Президенту СССР... Результат неизменно был один: очередная комиссия выносила заключение, согласно которому избушка Ариной капитальному ремонту не подлежит из-за ветхости, а новое жильё ей не полагается, поскольку она уже является домовладелицей.

У Нины Павловны Ариной не осталось никого. Родителей она лишилась в детстве и воспитывалась в детдоме. Муж погиб на войне, братьев и сестер она схоронила, а детей у неё не было. Арина приближала светлое будущее для потомков на лесоповале, в угольной шахте, на рыбацком промысле. Теперь у неё нет для этого сил, светлое будущее объявлено очередным заблуждением. И сама она решительно никому не нужна... Дни ее, похоже, сочтены – кажется, от нее исходит запах тления...

...Когда я в очередной раз гляжу в её заплаканные бесцветные глаза, мне кажется, что передо мной не глубоко несчастная пожилая женщина, которой я ничем не могу помочь, а вся наша измученная, истерзанная страна.

1991 г.

Забытая традиция

В советские времена существовала практика, когда ведущие актёры московских театров приезжали в провинцию, где их вводили в спектакли местных театров. Это были своего рода мастер-классы для провинциальных актёров и проверенный способ подогреть интерес публики к театру.

В Павлодар, например, приезжал уже имевший всеобщую славу актёр театра и кино Василий Лановой и играл в спектакле драмтеатра имени Чехова «Тринадцатый председатель» – о драматической судьбе честного человека и хорошего руководителя. И я до сих пор помню первую сцену, в которой он появлялся: просто сидел за столом, сцепив перед собой руки, и молчал. Как

говорят актёры – держал паузу, притом очень долго. И тишина в зале была абсолютная... «Это и есть мастерство», – подумал тогда я.

Как-то много позже поделился этим своим впечатлением с москвичом, хорошо знакомым со столичной театральной кухней, тот в ответ усмехнулся:

– Да какая там пауза – он просто текст забыл. И приезжали они тогда, как и теперь, чтобы заработать. Бабок срубить! Чёс это называется!

Сегодня это и вправду так. А тогда была скорее благотворительность, возврат долгов состоявшегося мастера сцены, вышедшего из провинции. Мастер-класс, шефство...

Времена и нравы

Октябрь 1997 года. В сельском хозяйстве – полный развал, в сёлах – безнадёга, безденежье, отчаяние... Об этом и коллективное письмо в редакцию из некогда благополучного совхоза: он окончательно развалился, люди брошены на произвол судьбы, районному начальству на них наплевать...

Отдал письмо Николаю Марчевскому, чтобы он туда съездил, поговорил с авторами письма, с акимом района. Он съездил – всё так, как написано в письме... Поймал в Павлодаре на совещании акима района, надеясь на обстоятельный разговор.

– Пишут, жалуются... – услышал в ответ. – Пусть пишут. Я-то что могу сделать?

И тут же схватил за рукав проходившего мимо акима другого района:

– Говорят, казара уже пошла? Правда пошла? Ну готовься: завтра приеду!

И пошёл – как ни в чём не бывало, оставив Николая с раскрытым блокнотом, бросив на ходу:

– Потом, потом, Николай! – они давно знакомы. – Видишь же – казара пошла!

...Казара – дикая утка, казарка – главный трофей местных охотников... А тот аким долго в области не задержался, достиг высоких государственных высот.

«Отключите кислород!»

Мой школьный друг Сашка Гоас в смутные постперестроечные годы решил переехать вместе с женой и детьми в Германию. После долгой дороги – до Москвы ехали на поезде, а оттуда на автобусе – у его жены Тамары, уже в Германии, случился приступ удушья. Её на «скорой» увезли в больницу, сразу определили в реанимацию, подключили кислород. Едва придя в себя, она, русская, по-немецки не говорящая, стала требовать, чтобы кислород отключили. Персонал не понимал, чего Тамара хочет, но, к счастью, в отделении нашлась русскоговорящая эмигрантка из СССР, которая перевела её слова.

Пришёл врач, удивлённо уточнил – правильно ли её поняли? Она подтвердила:

– Отключите немедленно!

– Она что, умереть хочет? – ещё больше удивился врач.

– Да нет, – объяснила русскоговорящая пациентка, – она боится, что у них не хватит денег заплатить за лечение.

Тамара успокоилась, и то не сразу, а только после того, как ей объяснили, что всё делается и дальше будет делаться бесплатно.

Я был у них в гостях в Германии лет, наверное, тридцать спустя. У них уже внуки, младшие из которых не говорят по-русски. И у меня было ощущение, что по-настоящему к жизни там Тамара так и не привыкла.

Как казахский бешбармак на съезд партии ездил

Клавдия Токтаровна Канаева, много лет прожившая в российской Сибири, рассказывая мне о том времени, похвалилась:

– Мой бешбармак на 26-й съезд КПСС ездил.

И это была чистая правда: приготовленные ею деликатесы из конины – казы, шужук, карта – взял с собой в Москву первый секретарь райкома партии – делегат этого съезда, бывавший в их доме за дастарханом.

Надо полагать, традиционное казахское блюдо пришлось по душе и другим делегатам, которых он в столице угощал. Потому что он прислал ей из Москвы правительственную телеграмму, поздравляя с Восьмым марта. И она много лет хранила её.

Остаётся добавить, что я тоже посадил многих своих российских друзей на бешбармак – это замечательное национальное казахское блюдо.

Депутаты-златоусты

Тут, конечно, не было равных избранникам Российской государственной Думы...

Вот один из них, постоянно напоминающий, что он из простых рабочих, пеняет ведущей пленарное заседание коллеге (женщине):

– Вот вы, – обращается к ней по имени-отчеству, – дали губернатору, который включил вас в партийный список. А мне – нет, хотя меня люди избрали!

Речь, понятно, о том, что губернатору слово она предоставила, а ему нет, – но как звучит!

Впрочем, и председательствующую голыми руками тоже не возьмёшь:

– Это мне сегодня доверено, – хладнокровно парирует она, – и мне решать, кому давать, а кому не давать!

Или вот ещё... Председательствующий, оглашая список выступающих, подытоживает:

– Давайте мы с вами пройдемся по этому кругу и кончим на Светлане Петровне!

Или такой языковый перл:

– Уважаемые депутаты, не топчитесь, пожалуйста, в заднем проходе!

Впрочем, и наши казахстанские мажилисмены бывают не лыком шиты. Один из них в полемическом угаре как-то заявил, что парламент – не место для дискуссий.

Оговорка по Фрейду?

Исполнительный директор Всемирного экономического форума в Давосе, представляя на панели (так теперь называют плановые дискуссии на подобных мероприятиях) нашего президента, изъяснялась на не очень хорошем русском языке следующим образом:

– Для нас было большой честью неоднократно иметь Вас в Давосе...

Полоса, насыщенная плюрализмом

Председатель Союза журналистов Новосибирской области Андрей Челноков, с которым мы много лет дружим, вспоминал, как работал в годы перестройки в «Комсомольце Киргизии» – молодёжной республиканской газете:

– Я – заведующий отделом идейно-нравственного воспитания, а редактором была женщина, которую звали Олимпиада Меркурьевна. Вызывает она меня как-то и говорит: «Андрей, у меня к тебе особое поручение. У нас должна быть постоянная полоса, насыщенная плюрализмом». Да где же, я думаю, его тебе найду в Киргизии? Поднапрягся, сделал полосу, и не одну... Знали бы мы тогда, чем этот самый плюрализм закончится...

Ведомые

Наблюдал однажды вблизи визит в область группы чиновников республиканских ведомств. Ходили они

всегда группкой, но очень своеобразно, гуськом, и старший шёл не впереди, как положено, а сзади, направляя движение. Так соседская бабушка у нас в совхозе выводила пастись своих гусей на ближайшую лужайку. Только в руках у неё был ещё и длинный прутик, которым она поправляла выбивающихся из строя гусят.

Как стать вице-президентом

Татьяна Владимировна Носачёва – вице-президент Евроазиатской энергетической корпорации – рассказывает:

– Производственную преддипломную практику я проходила на Ермаковской ГРЭС – тогда крупнейшей тепловой станции в Казахстане. Пришла, представилась, попросила отвести на мой производственный участок. Мне сказали – завтра покажем, только одеться надо понаряднее. Ну я и пришла в белой юбке, светлой водолазке... А меня повели на топливоподачу, откуда я вышла в копоты и в угольной пыли с ног до головы. Думаю: как же теперь обратно поеду? Спросила на следующий день: «Вы зачем так со мной поступили?» – «А чтобы ты сюда больше никогда не возвращалась – не бабское это дело!»

Она не только вернулась, но и работает здесь уже больше 30 лет, дослужившись до командных высот.

«Это водка бывает крепкая и некрепкая...»

Первый директор Ермаковской ГРЭС Владимир Михайлович Новик за выпивкой с коллегами всегда поправлял тех, кто желал присутствующим крепкого здоровья:

– Это водка бывает крепкая и некрепкая, – говорил он, – а здоровье у нас, энергетиков, как и оборудование станции, должно быть надёжным. Поэтому выпьем за наше надёжное здоровье!

Вентилятор

Секретарь обкома партии, человек не очень образованный, когда ему задавали нестандартный вопрос, всегда отвечал:

– Это надо провентилировать!

Его так и звали за глаза – вентилятор.

73

По оплате и труд

Когда инструктора райкома партии, писавшего тексты для выступлений начальству, упрекали за небрежное отношение к работе, он отвечал:

– Какой оклад, такой и доклад.

Почему идея работает

Старый, много повидавший на своём веку председатель так объяснил причину успеха его колхоза:

– Идею надо животом поддерживать.

Его колхозники получали не только зарплату, обычно невысокую, но и обязательно – натуроплату: пшеницу, которую сами выращивали, а для собственного скота ещё отходы и сено.

Чтоб воздух не портили

Председатель колхоза (самодур) кому-то из своих помощников – перед началом собрания:

– Ты вот этих двоих выведи из помещения.

– Почему, за что?

– А чтоб воздух тут не портили.

– А вы откуда знаете, что будут портить?

– Да я их, блядей, насквозь вижу!

Почему «вся правда» опасна

Один из премьер-министров Франции Жорж Клеменсо говорил перед смертью (в 1929 году): «Если я вам расскажу всё, что знаю, то ни один человек не согласит-

ся умирать за родину». Это он к тому говорил, что «вся правда» может иногда быть столь циничной и омерзительной, что способна поколебать любые устои.

Оценка

Он был инспектор областного комитета народного контроля – неподкупный, неуступчивый, последовательный в действиях. Председатель комитета поручал ему самые сложные проверки, будучи уверенным, что тот во всём разберётся и обязательно до всего докопается.

С уважением говорил о нём:

– Нет, это не человек. Это кусок объективной реальности!

Словарь времён перестройки

Пирдуха (то есть пир души) – любил говорить Горбачёв.

А это уже народное: скоммуниздили, прихватизация.

«Замкадыши»

Появился новый неологизм – «замкадыши». За МКАД – Московской кольцевой автодорогой – обитают люди не высшего сорта.

«Москвы» уже нет, а «Россия» ещё стоит

На автобусной экскурсии по новой Москве. Едем через центр. Экскурсоводка:

– Здесь была Москва, но её уже нет. А Россия ещё стоит, но и её скоро не будет...

Это она о знаковых московских гостиницах.

Имя как принадлежность к мафии

Друг побывал на отдыхе в Таиланде. Вернулся с фирменным ремнём, как уверяет, из чистой крокодиловой кожи, в котором с внутренней стороны есть ещё и потайной кармашек на замочке.

Рассказал историю его покупки на уличном тайском базаре. Торговала разной экзотической мелочью, предназначенной для туристов, семейная пара. Оба – невысокие, худощавые, шустрые. Он ещё и слегка важничал, когда представился:

– Вован.

– По-русски говорите? – спросил мой друг.

Тот развёл руки: а как же, мол, могу...

– Владимир, значит? – уточнил друг.

Тот отрицательно покачал головой.

– Володя? – переспросил друг, но опять не угадал.

– А что Вован и Владимир, Володя – не одно и то же? – удивился мой друг.

И тогда продавец на ломаном русском объяснил: Владимир – это очень официально, Володя – несерьёзно, а Вован – в самый раз: это как бы уже немножко мафия...

И пока мой друг переваривал эту невероятную логику, жена Вована всучила ему ремень «из натуральной кожи крокодила», добив покупателя потайным карманчиком на внутренней стороне. Расстегнула-застегнула замочек на нём и торжественно завершила:

– Саначка! – что означало – заначка.

Тут не хотел бы, да купишь...

Китайские церемонии (блёстка от сына Димки)

Работая в администрации Омска, Димка сопровождал и отчасти опекал китайскую делегацию, посетившую Омск в день города. Стоят китайцы вместе с отцами области и города на гостевой трибуне, и вдруг переводчица говорит:

– Господин Лю хотел бы помыть руки.

Хозяева подивились столь странному хотению дорогого гостя, но тут же подсустились и нашли ему влажную салфетку. Никто из омичей в запарке не сообразил, что китайцу надо в туалет по малой нужде. И он, бедняга, продолжал терпеть, пока мог, потом стал приплясывать и уже руками показывать, что ему невтерпёж. После чего гостя, наконец, отвели в туалет... Вот чем чреваты китайские церемонии.

Дети гранта

Прочитал у Ивана Щеголихина: «Дети капитала гранта». Так можно назвать очень многих, живущих сегодня на подачки разного рода: людей, неправительственные организации, вузы и даже целые государства.

«Соросята»

Так назвал писатель Юрий Поляков своих соотечественников, живущих на гранты фонда миллиардера Д. Сороса.

Я тоже в каком-то смысле «соросёнок» – один из победителей литературного конкурса, проводившегося в республике фондом «Сорос-Казахстан». Денег от Сороса мы, к сожалению, не получили, зато изданы в сборнике по итогам конкурса наши труды, в том числе мой очерк «Свет отчего дома».

Времена меняются, а желания нет

Один мой знакомый говорил когда-то, что ему всякий раз хочется запустить чем-нибудь тяжёлым в экран телевизора, видя на нём шамкающего генсека ЦК КПСС.

Мне теперь хочется сделать то же самое, наблюдая ублюдочную, торжествующе-пошлую рекламу на ТВ:

– Я такая, какая я есть, я – музыка «Первого»!

О природе власти

Попадая служить в коридоры власти, люди подчас меняются до неузнаваемости. Там действуют свои, совершенно особые правила игры, свой «кодекс чести», свои модели поведения. Либо ты приспосабливаешься к ним (принимая всё это или, во всяком случае, делаешь вид, что принимаешь), либо эта среда быстро отторгает тебя, как некое чужеродное тело.

Но – поразительная вещь – стоит человеку вернуться в нормальную людскую среду (то есть сменить работу, уйти на пенсию и т.д.), как к нему мало-помалу начинает возвращаться «нечто человеческое» – здравый смысл, трезвый взгляд на вещи, критическое отношение к тем самым коридорам, мифические ценности которых он ещё вчера так ревностно оберегал...

И это не парадокс, а своего рода закономерность. В нормальной житейской среде человек, как правило, остается самим собой – тем, что он есть на самом деле. А там он – крепостной актер и вынужден играть навязанную ему роль. При этом совсем неважно – кто стоит у власти: вчерашние коммунисты или нынешние демократы.

Спор

Как-то мы крепко поругались – чуть не разодрались – со старшим братом и зятем из-за горбачёвских реформ. Мы круто разошлись во мнениях. Брат, выпускник партшколы, и зять, директор совхоза, весьма критически оценивали идеологические и прочие новации нового генсека. Я же, молодой редактор, был ярким горбачёвцем и не стесняясь в выражениях костерил их на чём свет стоит.

Мы до того разобиделись друг на друга, что даже водку пить не стали.

Время нас рассудило.

Зятевский совхоз окончательно развалился: ни техники, ни скота. Зарплату зять не получает годами.

Брат, журналист с двадцатипятилетним стажем, не может заработать денег, чтобы раз в год, как это было прежде, приехать в отпуск к матери... К тому же он теперь живет за границей, в Красноярском крае.

Газета, в которой работаю я, пока ещё дышит. Хотя тираж её с того времени упал в пять с лишним раз. Что будет с ней (и со мной) через год-два, я не знаю и стараюсь об этом не думать.

А мой кумир, будучи одним из кандидатов в президенты России, набрал на выборах один процент голосов. Но интереса к жизни, похоже, не утратил – рекламировал недавно по телевидению пиццу...

2000 г.

Время собак

Никогда прежде в нашем городе не было столько собак. Нельзя выйти во двор, в парк, на набережную, чтобы не встретить мужчин, женщин, детей, прогуливающих своих любимцев. Каких только пород и мастей тут нет: крошечные болонки, элегантные пудели и огромные доги, разномастные губастые боксеры и бульдоги, воспитанные, причесанные колли и кровожадные свиноподобные питбультерьеры. Собака становится неким символом времени, знаком принадлежности к состоятельному сословию.

Условно говоря, владельцев собак можно разделить на три группы. Первые, наиболее бескорыстные, заводят их, так сказать, для души – как средство от одиночества, в какой-то мере заменяющее общение. Вторые – прагматики и держат собаку главным образом для охраны жилья и имущества. Их тоже можно понять: надеяться сегодня можно лишь на металлические двери с мощными запорами да на четвероногого сторожа.

И, наконец, третьи приобретают собаку, чтобы в полной мере соответствовать своему новому социальному статусу хозяев жизни – это своего рода дополнение к уже имеющемуся суперсовременному интерьеру в жилище, престижной иномарке и т.д., и т.п. Многие молодые и среднего возраста женщины предпочитают рождению ребёнка покупке дорогой собаки. Что тут сказать? Наверное, это одна из примет нашего времени – времени собак...

Хлеб журналистики

Кто давно работает в журналистике, знает, какой это нелёгкий хлеб. И всегда он был таким. Особенно у районщиков. Я хорошо знал четырёх редакторов районных газет нашей области, которых сгубила профессия.

Редактор газеты, где я начинал работать, умер, не дожив до пенсии.

Заместитель редактора той же газеты, выйдя в редакции, спился, тронулся умом и сгинул без следа – ушёл из дома, и не нашли.

Редактор газеты из соседнего с нашим района – красавец-мужик, умница, обладатель многих талантов, во время одного из запоев выстрелом из ружья свёл счеты с жизнью.

Редактор газеты из другого соседнего района, тихий, в общем, человек, не лишённый литературных способностей, в меру пьющий, выпил снотворное и включил в гараже двигатель служебного УАЗа...

Случайные совпадения? Но если сюда приплюсовать подобные судьбы рядовых районных газетчиков, то картина будет и вовсе зловещей.

Джон Браун из семейства Федоровых

Телевизионная пропаганда американского образа жизни из всей семьи наших друзей Федоровых наиболее сильно повлияла на их младшего сына, шести-

летнего Пашку. Ему нравятся американские машины, американские мультики, американский флаг и «американский» язык (то, что это язык английский, он отвергает напрочь). И вот ещё одно, уже крайнее проявление симпатий к далекой и такой привлекательной Америке.

– Мама, а можно мне взять другое имя? – спрашивает он.

– А какое ты хочешь?

– На букву «Д»...

– Даня, Дима (так зовут его братьев), Денис?

– Нет, – шепчет он ей на ухо, – я хочу Джон!

Мать от ошеломления не может сразу прийти в себя, а он, приняв её растерянность за согласие, продолжает пытаться:

– А можно мне и фамилию другую?

– А какую бы ты хотел?

– А какие есть американские фамилии?

– Ну, я не знаю, Вильсон, Джонсон, Стоун, Браун...

– Вот эту, – ухватывается он, – я хочу Браун.

Так в семье Федоровых едва не появился Джон Браун.

Путем долгих увещаний удалось, правда, отговорить его от этой затеи. И самым весомым, пожалуй, оказался аргумент бабушки, без всяких дипломатий заявившей Пашке, что от своих имен и фамилий отказываются только предатели, и если он не одумается, она будет его звать на американский манер ласково – Жапоня...

Так что с идеей ему пришлось расстаться. Хотя американское для него и теперь ещё – самое лучшее.

Случай из хирургической практики

Знакомый хирург рассказал мне историю из своей практики, которая не давала ему покоя всю жизнь.

Вот её суть.

Как-то он спас, буквально с того света вытащил, парня с ножевым ранением в сердце. Это была его первая операция на сердце, и он после неё почти двое суток

неотлучно дежурил у больного – даже ночевать домой не ходил. В конце концов поставил на ноги, чем очень гордился.

А парень оказался заурядным бандитом. Спустя какое-то время убил человека. Его поймали, судили, приговорили к высшей мере наказания. Когда хирург узнал об этом, захотел встретиться со своим бывшим пациентом: почему-то не верил, что, сам пережив такое, тот мог убить...

Но в свидании хирургу было отказано... А операций на сердце он больше не делает.

Зачем мама мыла раму?

81

Один литературный герой-приспособленец, желая подчеркнуть своё сверхнародное происхождение, говорил о себе так: «Я сын рабочего и двух крестьянок!» Теперь любой ребенок вправе сказать, что его воспитывают не столько отец с матерью, сколько телевизор.

И вот история – вполне в современном духе.

Пятилетняя внучка наших знакомых начинает читать, по букварю. Бабушка ей помогает. Читают вместе, по слогам:

– Ма-ма мы-ла ра-му.

Бабушка – внучке:

– Поняла?

– Не-а, – мотает головой внучка.

– Что же тут непонятного?

– А зачем она моет раму?

– Как зачем? Чтобы чистая была.

– А разве она бывает грязная?

– Ну конечно, – удивляется бабушка.

– А я думала, что нет, что её едят, – взаимно удивляется внучка. – Каждый день какая-то бабушка говорит по телевизору: «Нет ничего вкуснее, чем хлеб и рама».

Дело в том, что по телевидению рекламировали маргарин «Рама».

Когда не до шуток

В нашей газете выходит детская страница, которую большей частью делают сами дети, – она составляется из их писем, стихов, рисунков. Есть в ней уголок шуточных вопросов и ответов. Недавно один из юных читателей прислал такие вопросы: «Какой полуостров жалуется сам на себя?», «С какой птицы надо ощипать перья, чтобы получилось 24 часа?» и, наконец, «Город, по которому течёт кровь?». Пришли и ответы: «Ямал – я – мал», «Сутки – с утки». А среди ответов на третий вопрос («Вена») было и два таких: «Грозный» и «Чечня».

Как раз в это время в Чечне шли активные боевые действия.

82

Привет Чубайсу!

Хорошая частушка – большая редкость. Особенно отчетливо это понимаешь, наблюдая частушечный конкурс «Эх, Семеновна!» по ОРТ. Много примитива, грубости и откровенной пошлятины. Мне вообще кажется, что частушка – не самый телевизионный жанр. Что уместно в узком дружеском кругу и на деревенской свадьбе, когда гости уже под хмельком и за столом нет детей, вряд ли годится для такой аудитории, какой располагает главный государственный телевизионный канал.

Хотя именно частушка как жанр способна выразить отношение народа к самым неожиданным сторонам жизни.

Помню, у нас в целинном совхозе, куда съезжался по разным причинам самый разный люд, про вызывающе форсистых молодых женщин, представляющихся ленинградками, ходило такое ядовитое четверостишие:

Прорастают на току
Вика с повиликою,
Подержи мой ридикюль –
Я пойду посикаю!

Тут тебе всё сразу: и приметы целинного быта, и их вопиющее несовпадение с городскими замашками, и ироничное отношение целинников к этому несовпадению.

В брежневские времена несколько раз дорожала водка. На одно из последних подорожаний народ отреагировал так:

Водка стала шесть и восемь –
Всё равно мы пить не бросим!
Передайте Ильичу:
Нам и десять по плечу!

А вот каким был ответ на знаменитый антиалкогольный указ Горбачёва:

По талонам горькая,
По талонам сладкая.
Что же ты наделала,
Голова с заплаткою?

Или вот ещё – уже из подзабытого:
Мы с Иван Ивановичем
Один пропили ваучер.
А на другой на ваучер
Деваху взяли на вечер.

Это – привет Чубайсу, который говорил, что один ваучер стоит две «Волги».

Предвыборные идиотизмы

Сколько словесной шелухи рождает предвыборные кампании! Каких только девизов, лозунгов, призывов (специалисты-имиджмейкеры именуют их слоганами) не встретишь. Иногда даже не поймешь – о чём это? Например, такое – из недавней российской истории:

– Да! Да! Нет! Да!

А эта долбёжка подсказывает избирателю, как отвечать на четыре вопроса референдума. Не очень важно, какие это вопросы, главное – звучит в мозгу в нужной

последовательности рефрен: два «да», одно «нет» и ещё одно «да». Так, кстати, и проголосовали – сработало!

Вот ещё – из той же серии: «Голосуй, а то проиграешь!» Это для того, чтобы народ пошел на выборы.

На Украине несколько лет назад предвыборный штаб одного из претендентов на президентский пост родил такой перл агитационной мысли:

Голосуй, голосуй –
Бюллетени в урну суй!

Не помогло – проиграл бывший президент.

Не помог гениальный по своей простоте и всеобъемлющий по содержанию слоган претенденту на пост президента Казахстана. А ведь был всем девизам девиз: «Отвечаю за всё!»

А вот пример из другой предвыборной гонки: «Мы сумеем – мы стальные!» – без ложной скромности заявлял о себе кандидат из славной когорты железнодорожников. И сумел-таки – получил депутатский мандат мажилисмена.

К сожалению, не прижился слоган, предложенный проправительственному блоку в рамках конкурса на лучший предвыборный лозунг: «Братан, голосуй за «Отан!» Звучит, сказали, и правда здорово, но уж больно ясно, кому он адресован.

Движение «Единство» во главе с любимцем россиян Сергеем Шойгу выборы в Думу, можно сказать, выиграло. И этому не смогла помешать даже песня про медведя (это был символ движения), которую вполне справедливо окрестили одним из самых ярких предвыборных идиотизмов:

Я не бурый медведь и не белый медведь,
Весь лес я избавляю от нечисти.
Я не правый медведь, я не левый медведь.
Я – медведь общечеловеческий.

Другой песенный шедевр звучал по московскому каналу и посвящался мэру столицы: «Глазами умными на Юрку посмотри, словами нежными его заговори».

И хотя из этой невнятицы невозможно понять, кто, кого и чем должен заговорить, москвичи, как ни странно, наоборот, всё поняли. Может, потому что пропустили этот предвыборный идиотизм мимо ушей?

А вот как агитировала избирателей со своих страниц газета, гордо именующая себя патриотической: «Упаси нас бог, ребята, выбрать в Думу дерьмократа».

А мы ещё удивляемся, почему всё меньше и меньше людей приходит на выборы.

Звонок от Господа Бога

В нашем новом Благовещенском соборе, особенно в первые дни после его открытия, было самое настоящее паломничество. Одну из делегаций – гостей из разных городов России и Казахстана – принимал игумен, настоятель храма. Высокий, чернородый, осанистый, он выглядел очень внушительно в своих длинных одеждах и говорил хорошо, значительно, как и подобает священнослужителю его сана.

И вдруг откуда-то из-под него, непонятно откуда, раздался посторонний звук. Игумен остановил свою торжественную речь, повернулся боком, полез правой рукой куда-то под одежды и вытащил на свет божий содовый телефон.

– Извините, – сказал он, – забыл выключить.

Нажал что-то на аппарате и так же быстро упрятал его на место. Под сводами храма воцарилась тишина, игумен продолжал беседу. Как мне показалось, слушали её без прежнего внимания. И кто-то даже шепнул сзади:

– А вдруг это был звонок от самого Господа Бога?

Не усердствуйте!

Рассказывают, что в своё время к М.И. Калинину был приставлен специальный человек с весьма специфическими обязанностями. «Всесоюзный староста», он же председатель ВЦИК, периодически вручал в Кремле

правительственные награды. Разумеется, при этом он пожимал награжденным руку. А если иметь в виду, что орденосцев в ту пору было немало, и среди них далеко не хилых мужчин, которые желали выразить переполнявшие их чувства с наибольшей силой именно через рукопожатие, нетрудно представить, каким это было испытанием для престарелого и немощного Калинина. Для того и был приставлен к нему тот человек, чтобы предупреждать орденосцев: не переусердствуйте, мол, пожимая руку главе государства...

Эта история вспомнилась мне вот в какой связи. В редакцию заглянул наш бывший сотрудник. Теперь он автор популярной серии книг о выдающихся людях Казахстана. Ему приходится встречаться с главами государств и правительств, министрами, известными писателями и артистами... Как-то он был удостоен чести быть представленным президентам Турции и Казахстана. И даже их рукопожатий. Казалось, всё было торжественно-пристойно.

Но когда автор книг отошёл, какой-то человек с явным неудовольствием попенял ему на то, что он уж слишком энергично тряс руку президенту нашей страны – если каждый будет так усердствовать при этом, то...

– Так это не я ему, а он мне тряс, – с простодушным лукавством отшутился автор.

А сам потом всё же переживал: может, и впрямь перестарался?

Чувство долга

Есть такое не бесспорное, но не лишённое смысла утверждение, следующим образом характеризующее степени обмана.

Первая степень – это неправда, вторая – грязная ложь и, наконец, третья – статистика...

Иначе говоря, этой сфере деятельности как бы заведомо отказывают в стремлении к истине.

Но нет правил без исключений: я знал руководителя статслужбы, который всегда стоял насмерть, отказываясь корректировать нежелательную цифру в угоду местной политической и любой прочей конъюнктуре. При этом иногда он просто нарывался на неприятности... Вот мы получили аналитическую записку об итогах уборки. В ней говорится: область намолотила столько тысяч тонн зерна, этого достаточно для внутренних потребностей населения и на семена для будущего урожая. Тут вполне можно было бы поставить точку. Но дальше идет цифра средней урожайности – пять центнеров с гектара. Опять же для любого мало-мальски смыслящего в сельских делах человека ясно: результат просто смехотворный. Однако автор аналитической записки и на этом не останавливается, бесстрастно констатируя: это самый низкий урожай со времён освоения целины.

Именно эта последняя фраза более всего характеризует человека, который служит своему Отечеству не за страх, а за совесть.

Вот бы их обилетить!

Популярный российский киноактер Алексей Булдаков начинал свою карьеру в Павлодарском драмтеатре, закончил молодёжную театральную студию, которая действовала при театре в шестидесятые годы.

Как-то он приезжал навестить мать (она по-прежнему жила в Павлодаре) и охотно рассказывал о тех временах. О том, например, что первой ролью, которую ему довелось здесь сыграть, был... диван. О сельских гастролях, которых было в ту пору очень много... Колесили по всей области на старом, разбитом автобусе – небольшая труппа во главе с директором, который в ходе этих гастролей совмещал также обязанности администратора и кассира.

– Надо вам сказать, народу на спектакли собиралось обычно немного, – вспоминал Булдаков. – Лето, жара,

сенокос, огороды – одним словом, страда, людям не до спектаклей... И вот едем мы как-то по степи... Зной, солнце будто взбесилось, автобус раскалился, как сковородка на плите, мы все в пыли и в какой-то полудрёме. Автобус встал – дорогу переходила огромная, наверное, с тысячу голов, отара овец... Дремавший директор-администратор-кассир вдруг встрепенулся и мечтательно говорит: «Ребята! Вот бы их всех обилетить!»

На ридной мове

Организатор первого в Павлодаре клуба шейпинга рассказывала, как её подруга, тренер по гимнастике, сдавала на Украине квалификационный экзамен на знание ридной мовы – государственного языка.

Комиссия пришла на тренировку. Начинаются занятия. Тренер уверенным голосом громко командует одной из воспитанниц:

– Выще ногу! Выще, выще!

Другой:

– Довгая выя, довгая выя... Довгая, довгая, довгая...

Что означает – длинная шея...

Потом тренер свободно переходит на французский.

Комиссия довольна – украинским владеет, ну а французский – Бог с ним, не москальский же.

Каково теперь семейное чтение

Одно время мы выписывали для матери журнал «Крестьянка». И вот приходит очередной номер – почтальон принесла нам его прямо в квартиру, иначе утащат из ящика.

Я взял посмотреть журнал. На яркой цветной обложке расфуфыренная девица явно заграничного разлива, вся в белом, в белых же, по локоть, перчатках – крестьянкой тут и не пахнет.

Дальше – больше. Читаю вкладку – журнал в журнале «Семейная библиотека», где приведён обширный

перечень книг, которые можно приобрести с помощью журнала.

Что же предлагалось подписчикам? Я выписал несколько названий, рекомендованных для чтения, так сказать, в кругу семьи. Вот они, эти книги: «Французский эротический роман», «Сексуальное здоровье женщины», «Мужская потенция».

Но это, как оказалось, ещё цветочки. В серии «Будьте здоровы!» «Семейная библиотека» рекомендовала шедевр под названием «Как увеличить размеры мужского полового члена», в серии «Экспресс» – «Историю оргий» и «Историю порнографии», «Групповой секс», «Краткие жизнеописания геев и лесбиянок», «1001 ночь большого секса», «Сексуальное удовлетворение для женщин» (и, разумеется, для мужчин тоже), «Как заниматься сексом 6 раз в неделю»... Поверьте на слово – это далеко не вся «Семейная библиотека» подобного рода. Представьте, как это будет читаться в сельской избе, в присутствии детей и внуков...

А если не верите мне, то проверьте сами: я вычитал всё это в журнале «Крестьянка», год 1998, №9.

Шутка со значением

Бывший первый секретарь Павлодарского обкома партии Б.В. Исаев рассказал мне такую историю.

Д.А. Кунаев как-то полушутя спросил первого секретаря обкома одной из южных областей – знает ли тот, какова зарплата у первого секретаря обкома?

Что за вопрос – может удивиться кто-то.

Между тем полушутка имела вполне определённый подтекст – человеку давали понять, что он живёт не по средствам.

Хочу быть немцем

Надо ли напоминать о том, каково было в годы войны, да и позднее у нас в стране депортированным нем-

цам? Многие из них вынужденно меняли свои имена, звались зачастую на русский манер. Нередко немцы не только давали детям русские имена, но и записывали их русскими.

– Ну что ещё за Ёган, – говорили в каком-нибудь богом забытом сельсовете затурканному жизнью немцу, – ты представляешь, как тебя называть будут? Запишем тебя Иваном, и все дела. Тебе же лучше...

– Адольф? И ты собираешься жить с таким именем? Давай будешь Алексеем – хорошее имя!

То же самое или нечто подобное происходило с Гансами, Фридрихами, Германами, Фридами... Находились, правда, и такие, кто сохранял свои имена, но многие предпочитали смириться. Немцы не хотели омрачать будущее своим детям, поэтому и соглашались называть их привычными местному уху именами.

Остается удивляться тому, как мог стать знаменитым на весь Союз председателем колхоза и даже Героем Соцтруда Яков Германович Геринг. Я помню, с какой иронией воспринималась эта фамилия иными заезжими журналистами, и не только ими.

– Геринг – Герой Соцтруда? Ну вы даете, ребята! А Гитлера-орденоносца у вас часом нет?

Между тем человек прожил достойнейшую жизнь, не захотев расстаться с «неудобной» фамилией, хотя ему в своё время советовали это сделать...

И вот пришли совсем другие времена.

Когда едва ли не в одночасье рухнул железный занавес, и Германия стала принимать своих соотечественников обратно, для многих из них утрата истинных имен и фамилий, а тем более смена национальности, обернулась подлинной трагедией. Ведь немцы в первую очередь принимали немцев, а уже затем членов их семей. При этом для одних и для других предусматривался разный уровень государственной помощи, льгот и других социальных гарантий.

И советские немцы бросились восстанавливать свои забытые имена, а некоторые – уточнять и возвращать фамилии и даже национальность. Не сразу и не всем это удавалось, иные проклинали себя за то, что когда-то согласились стать Иванами и Фёдорами вместо Иоганов и Фридрихов... Дети выговаривали родителям-немцам, по воле которых они становились русскими. А ведь были ещё и смешанные браки, когда у одних и тех же родителей сын вполне мог считаться немцем, а дочь – русской или украинкой...

Как это у нас нередко бывает, теперь процесс пошёл в обратную сторону – с точностью до наоборот. Теперь многие из тех, у кого была хоть какая-то для этого возможность, возжелали стать немцами. И их можно понять: немцев Германия принимает всех, а представителей других национальностей – лишь при условии состояния в родстве с первыми.

Немцами стали записываться не только русские и украинцы. Вот какая история случилась с нашим знакомым. Отец у него казах, а мать – немка (дочь ссыльных немцев с Поволжья). Сына отец записал казахом, тот женился на русской, русской же записал родившуюся дочь, которая в свою очередь вышла замуж за немца и уехала с ним в Германию. Родилась внучка, которая уже ни слова не говорит ни по-русски, ни по-казахски. Она полноправная немка. Семья нормально обустроилась на своей «исторической», а вернее сказать, на новой родине, и зовёт постаревших родителей к себе. Но уровень приёма в ФРГ, как уже говорилось, может быть разным, и её отец, записанный казахом, принимает решение сменить национальность – стать немцем. Основание? У него отец – казах, а мать – немка, так что это вполне возможно... Между прочим, ни в какую Германию он пока не собирается. Зачем же менять национальность, спросите вы? На всякий случай...

Наверное, так или примерно так поступали в своё время депортированные немцы...

Гостеприимство

В нашу область прилетел израильский миллиардер Айзенберг – на персональном самолёте, в салоне которого, помимо всего прочего, была даже двуспальная кровать. Он предлагал области проект, связанный с развитием капельного орошения.

На ужин Айзенберга повезли в одно из хозяйств Аксуского района. Перекусили, затем по казахскому обычаю подали бешбармак.

– Неужели мы всё это съедим? – удивился уже слегка посоловевший от сытости миллиардер.

– Съедим-съедим, – успокоил именованного соотечественника сопровождавший его сотрудник посольства Израиля, уже знакомый с традициями казахского гостеприимства.

...Говорят, после Айзенберг чаще всего вспоминал именно этот момент своего путешествия в Казахстан.

В Америке...

В 1996 году, когда олимпийская сборная Казахстана впервые выступала на летней Олимпиаде в Атланте самостоятельно, нашлись предприимчивые люди и организовали отправку в США нескольких туристических групп поддержки наших олимпийцев. Каким-то невероятным образом в одной из таких групп оказался я и потом довольно подробно описал эту поездку в «ЗП» и в журнале «Нива».

Перебирая как-то отработанные блокноты, нашёл и «американские». Большинство этих записей уже использовано, но есть и те, что не вписались в опубликованные путевые заметки. Попытался, просеяв всё заново, сделать новый цикл «блётток». И вот что получилось...

Сумка на колёсиках

Улетали мы из Алма-Аты. Во время инструктажа накануне нам посоветовали взять с собой одну сумку, потому что на обратном пути из США каждому будет полагаться лишь одно место багажа, а за второе придётся платить отдельно, и обойдётся это недёшево.

На Никольском базаре я присмотрел себе вместительный баул, на днище которого снизу были планки с колёсиками. «Будет тяжело – можно будет катить», – объяснила продавец. Я до сих пор подобного не видел, сумка понравилась, и я её сразу купил.

Летели мы через Москву, в Шереметьево предстояла пересадка, и уже там я почувствовал: с сумкой моей что-то неладное. Стал смотреть – у неё планки отпали вместе с колёсиками, хотя я её и повозить не успел. Понятно – это был дешёвый китайский ширпотреб, расчитанный как раз на таких покупателей, как я...

Но, как бы там ни было, обратно я вернулся с той же сумкой, уже полностью набитой американскими покупками. Правда, всюду, конечно, не возил её, а таскал.

250 граммов контрабанды

В Америку я прихватил с собой две бутылки казахстанского коньяка и 250-граммовую плоскую бутылочку с крепкой настойкой павлодарского винно-водочного завода. И вот, уже на подлёте к Нью-Йорку, объявляют: никаких продуктов ввозить в Америку нельзя, даже алма-атинских яблок, а спиртного – не больше литра. А у меня, стало быть, выходит 250 граммов лишних...

Что делать? Можно, конечно, выпить, но скоро посадка, давиться этой настойкой – что за удовольствие... Можно в самолёте оставить... Но с какой стати я буду её оставлять кому-то ни за что ни про что... А поймают на таможне? Скандал! Скажут: вот, пустили его в Америку... А вдруг вообще не пустят и обратно отправят?

Испереживался весь, так и не придя ни к какому решению. И вот я на таможене со своей необъятной, жалко скукоженной сумкой, где, кроме моих вещей, ещё и 250 граммов контрабандной настойки. Её уже наверняка засекали, когда сумку просвечивали, и сейчас скажут: «Открывай!» Но жизнерадостная, необъятных размеров негритянка в форменной одежде, доброжелательно улыбаясь, показывает жестом: проходи, мол, проходи, добро пожаловать в Америку!

Пронесло!

Чуть не потерялся...

В Нью-Йорке нам устроили экскурсию на знаменитый стодвухэтажный небоскрёб «Эмпайр стейт билдинг», откуда мы обозревали город Большого яблока (так его ещё называют) в сизой дымке.

Наверх поднимались на скоростном лифте группой, а там разбрелись кто куда, и я вдруг обнаружил, что остался почему-то один. Само собой, забеспокоился, поискал своих, не нашёл и решил побыстрее спускаться. В лифте наших тоже не было, а когда никого из них не оказалось и в вестибюле, я испытал состояние лёгкой паники...

Оставалась последняя надежда – автобус. Нам сказали, что он будет ждать у небоскрёба. Вышел – нет его. Тут было ощущение уже почти полного отчаяния. Отстал... По времени ещё вроде не опоздал, но автобуса нет... Что делать? Побегал вдоль здания туда-сюда, с той стороны, где вышел, – никого и ничего. А небоскрёб здоровенный, чуть не целый квартал занимает... Весь его оббежать? Но ведь меня, если искать будут, здесь должны, куда мы заходили. А точно ли мы сюда заходили – на небоскрёбе же не только этот вход? Впору караул кричать...

И вдруг кто-то трогает меня за рукав. Наш! Я от радости чуть дар речи не потерял.

– Ну что, пойдём? – говорит он как ни в чём не бывало.

– Куда?

– К автобусу.

– А где он?

– Да за углом должен быть.

– Сказали же – тут будет...

– Тут стоянки нет... Пойдём, что ли?

Автобус и правда был за углом...

Зонтик

В Нью-Йорке мы ночевали всего одну ночь, зато на Манхэттене, в старом отеле, у входа в Центральный парк. Думаю теперь, что это был самый дешёвый отель самого дорогого района Нью-Йорка.

Мне захотелось посмотреть этот город ночью, и я сам, стараясь не заплутать, запоминая дорогу, дошёл до залитого огнями ночного Бродвея. Только постоял, побоявшись бродить по нему в такой час (было что-то около полуночи) в одиночку, и вернулся к отелю. Напротив него находились ещё работавшие магазинчики, на витрине одного из них я увидел табличку: «Говорим по-русски».

Я зашёл и от переполнявших меня чувств (я не где-нибудь, а в Америке, в самом Нью-Йорке, мог ли я мечтать об этом...) решил: надо что-нибудь непременно купить на память. Выбрал зонтик за шестнадцать долларов. Продавец, молодой негр, показалось, посмотрел на меня с удивлением, а когда я кивнул: беру, мол, беру – и отдал деньги, пришёл в неописуемый восторг, даже стал приплясывать...

«Странные они какие-то, эти американцы, – подумал я, – чему это, интересно, он так радуется?» – и довольный покупкой пошёл через дорогу в свой отель. На следующее утро на легкосборной открытой витрине у того самого магазинчика я разглядывал футболки, бейсбол-

ки, прочую сувенирную мелочь и увидел зонтик, очень похожий на купленный ночью мною. Оказалось – точно такой, один к одному. Только стоил он четыре доллара пятьдесят центов.

И я понял – почему приплясывал минувшей ночью парень, продавший мне зонтик. Про себя он, должно быть, думал: «Странные они люди, эти белые русские туристы. Ну зачем ему зонтик в такой час, за такую цену, когда нет никакого намёка на дождь?»

Что общего у Нью-Йорка и Экибастуза

В Нью-Йорке мы то и дело слышали от экскурсоводов, что всё здесь самое-самое...

– Нью-Йорк – самый американский город Америки! (Это не оговорка – так и было сказано.)

– В Нью-Йорке – самые высокие в мире небоскрёбы...

– Нью-йоркский Бродвей – самая длинная улица в мире...

Небоскрёбы-«близнецы», Статуя Свободы, Бруклинский мост...

И прочая, прочая, прочая...

Совсем как у нас в Экибастузе:

– Угольный разрез «Богатырь» – самый мощный в мире. Здесь работают самые высокопроизводительные экскаваторы в мире и добывается самый дешёвый в мире уголь...

– Дымовая труба Экибастузской тепловой станции ГРЭС-2 – самая высокая в мире...

– Из Экибастуза был отправлен самый тяжёлый и длинный в мире состав с углем весом в 40 с лишним тысяч тонн и длиной шесть с половиной километров...

И прочая, прочая, прочая...

Иногда только со временем понимаешь, что зачастую «самое-самое» – отнюдь не то, чем можно гордиться. Тем, например, что экибастузские угольные разрезы и дым из труб здешних ГРЭС видны даже из космоса, а

ню-йорские автомобильные пробки давно отравляют жизнь жителям «самого-самого» города, и не только в переносном смысле...

Первое впечатление

Второй или третий день находимся в Америке. Что-то уже увидели, обмениваемся первыми впечатлениями.

Миша из Чимкента – как бы недовольно:

– Машины у них не дымят, в туалетах не воняет – чего им не жить...

Лёня из Семипалатинска – восторженно:

– Никогда не видел столько негров сразу. Не думал, что они такие здоровые и упитанные. Ни за что теперь не поверю, что их тут угнетают!

Кто кому не ровня

По Америке от Нью-Йорка – Вашингтона – Орlando – Атланты до Майами нас всё время возил один и тот же водитель автобуса – разбитной и слегка хамоватый латиноамериканец по имени Сальвадор. К нам он относился снисходительно-покровительственно, а порой и отчасти пренебрежительно. Он вёл себя так, будто не обслуживает нас, а, раз так уж вышло, оказывает нам услугу. Это притом что среди нас были и довольно успешные, и вполне состоявшиеся люди. Он же – малообразованный и не слишком хорошо воспитанный. Но мы и сами часто вели себя так, что давали поводы не уважать себя. Вот он и не считал нас ему ровней.

Родимые пятна происхождения

Нашей экскурсоводкой была бывшая советская еврейка из Одессы, эмигрировавшая ещё в семидесятые годы. Она закончила пединститут в Ленинграде – один из лучших в СССР – и здесь тоже преподавала – в школе для цветных. Говорила о них с явной неприязнью и пренебрежением: «Они же все отморозенные, как и их

родители!» Встретив нас возгласом: «Поздравляю вас – вы в свободной стране!» – она повторяла вторую часть этой фразы постоянно, часто без всякого повода, будто подчёркивала: видите – как вам повезло. Постоянно говорила – будто жаловалась, что она на нас ничего не зарабатывает. Могла спорить одновременно с несколькими, никогда и никому не уступая.

К чему я это всё? К тому, что, бывает, ни среда, ни образование, ни место проживания (страна победившего социализма или свободная Америка) не могут изменить коренных свойств человеческой природы – торговки с одесского Привоза или скандалёзной деревенской бабы, про которых у нас говорили: да, она такая – от семерых отбрехала!

Это мы!

Наверное, это была не очень хорошая идея – собрать вместе столь разнородных и разнонацеленных людей и отправить их сразу за океан, в другой мир, в котором никто из нас не бывал. Мы являли собой весьма экзотическую публику. Базар возникал всюду, где бы мы ни появлялись. В хороших отелях, где нас иногда селили, даже кормить предпочитали отдельно, отгораживая какими-то легко передвигаемыми стенками. И не без основания: за «шведским» столом многие набирали сразу столько всего, что потом не могли осилить. Запасались впрок самодельными бутербродами из булочек, сосисок, бифштексов и фруктами, что не было принято. За всем этим бесстрастно наблюдали негры-официанты. Ничто не отражалось при этом на их тёмных лицах, но, мне кажется, они глядели на нас с сожалением.

Нас вообще ни с кем нигде нельзя было спутать: ни в отеле, ни в ресторане, ни в магазине, потому что мы обязательно носили сумятицу в их размеренную жизнь. В международном аэропорту Майами именно мы устроили толчею и очередь у машинки для упаковки багажа. Никто, кроме нас, почему-то так не беспокоился

за сохранность своих вещей. Упаковщик не успевал нас обслуживать. Своему товарищу, прибежавшему помочь, он сказал одно-единственное слово: «Аэрофлот!» И тот понимающе улыбнулся.

«Я тут сидел!»

Однажды и я показал – каковы мы, туристы из Казахстана...

В Орландо нас повезли на ужин в небольшой китайский ресторанчик, которые, кстати сказать, в Америке вообще очень популярны. Всё было как всегда: «шведский» стол с традиционным набором блюд и роскошным десертом – йогурты, фрукты, сортов десять мороженого – все разного цвета.

Расправившись с бараньими рёбрышками в сладком соусе с рисом и тушёными овощами, я пошёл за мороженым. Долго выбирал, наковырял несколько видов и, довольный, отправился к своему столу. Никого из наших за ним не оказалось, а официант уже рассаживал других, похожих на китайцев посетителей. Мне это показалось неправильным и у меня как-то непроизвольно вырвалось:

– Я тут сидел! – и жестом стал показывать официанту: вот, мол, тут было моё место, ты же видел меня, я только за мороженым отошёл.

Меня явно не понимали. И официант, и сидевшие за столом... Я не знал, что делать, и опять пытался объяснить: сидел, ходил за мороженым, съем его тут и уйду.

Вижу – вроде обижаются. А я уже сел. И они сидят – на официанта смотрят, тот на меня. Ну вот, думаю, не хватало только скандала – международного.

– Я тут сидел, – угрюмо повторил я и стал есть мороженое.

Тут подбежал другой официант и куда-то увёл всю их компанию.

Мороженое я доедал в гордом одиночестве и даже вкуса его не запомнил.

Ночной заплыв

В Майами от нашего отеля до океана было от силы триста метров, и я решил непременно искупаться ночью. Ночь была душная, влажная; вода в океане тёплая как парное молоко, океан почти спокоен. Так что мне ничего не грозило и я, пробредя несколько десятков метров по мелководью, заплыл. Не знаю почему, может, из-за того, что уже наступал сезон дождей, и небо закрыли тучи, на нём не было ни луны, ни даже звёзд. Чёрное, как дёготь, небо, чёрная, будто густая, вода... Они смыкаются впереди так, что там нет горизонта. Ощущение не из приятных, как-то жутковато... Теряешь ощущение пространства.

Я лениво грёб, время от времени оглядываясь назад, где в полнеба сиял огнями ночной Майами...

Плавал я недолго и без особого удовольствия, с какой-то непроходящей тревогой.

Сезон дождей

Мы были в Майами, когда там уже начинался сезон дождей, и стали свидетелями одного такого дождя. Ему предшествовал ветер – настолько сильный, что нашу экскурсоводку, невысокую, худенькую, чуть не унесло. Чтобы этого не случилось, она двумя руками уцепилась за ствол пальмы. И эту молодую женщину мотало из стороны в сторону, как былинку на осеннем ветру.

А потом под громовые раскаты хлынул ливень, и все мы вымокли до нитки. Но дождь был тёплый и быстро кончился. Мокрая экскурсоводка сказала, что нам ещё повезло – могло быть хуже...

Последняя ночь в Майами

У подножия отеля ворочался, вздыхал, поудобнее устраиваясь на ночь, Атлантический океан... В это трудно было поверить, но всё это было – бесконечный

майамский пляж, силуэты кораблей на горизонте и океан, который можно потрогать...

1996 г.

Два взгляда на одну проблему

С космодрома «Байконур», расположенного, как известно, в Казахстане, стартовали в космос за первые тридцать лет его существования десятки людей – граждане более десяти стран. Возглавивший в 1989 году Казахстан Н.А. Назарбаев посчитал несправедливым, что среди них до сих пор не было казаха, и договорился с М.С. Горбачёвым о включении соплеменника в один из космических экипажей.

Кандидатура была найдена более чем подходящая – лётчик-испытатель Тохтар Аубакиров – пилот высочайшего класса, освоивший более 50 типов самолётов. Первым в истории СССР он совершил беспосадочный перелёт к Северному полюсу с двумя дозаправками в воздухе. Первым взлетел на новейшем истребителе МИГ-29 с палубы авианесущего крейсера и преодолел возникшую при этом нештатную ситуацию. За выдающиеся достижения в освоении авиационной техники был удостоен звания Героя Советского Союза.

В космонавты, надо сказать, Т. Аубакиров не рвался. Полёт в космос сулил ему, конечно, славу и почести в Казахстане, но влёл за собой уход из прежней профессии, которой он очень дорожил и которой посвятил большую часть своей жизни. Поэтому на предложение полететь в космос Аубакиров согласился не сразу, но в конечном счёте Назарбаеву удалось его убедить, и он стал первым казахстанским космонавтом. После чего к нему пришли вполне заслуженное народное признание, почётные должности... Хотя, вероятно, были и сомнения относительно того, не ошибся ли он, согласившись на лестное предложение...

Но речь сейчас не об этом. Спустя несколько лет после полёта Аубакирова в космос довелось читать один

из очерков выдающего советского журналиста, обозревателя чрезвычайно популярной в советское время газеты «Комсомольская правда» Ярослава Голованова. В нём блестящий «космовед», сам прошедший строжайший отбор на полёт в космос (не полетел он лишь потому, что умер главный конструктор С.П. Королёв, который его туда хотел отправить), пишет, что был неприятно поражён тем, что просвещённый человек, прагматик Н.А. Назарбаев настоял на полёте Тохтара Аубакирова в космос. Аргумент: его пребывание в космосе, не будучи тщательно подготовленным, стало лишь своего рода весьма дорогостоящей прогулкой – в угоду местническим национальным амбициям.

Кто же из них более прав: «национал-патриот» Назарбаев или «космовед» Голованов? Думаю, прав каждый по-своему. И каждый мог бы привести в подтверждение своей позиции ещё массу аргументов. Что, разве не прав Назарбаев, считая ненормальным то обстоятельство, что космическая гавань находится в Казахстане, а за тридцать лет ни один из представителей этой земли не удостоился чести отправиться в космический полёт? И Голованов, как никто другой знающий историю освоения космоса, вправе говорить о том, что каждый новый полёт в космос (дело очень и очень затратное) должен становиться новым шагом в его освоении, а не удовлетворять чьи-то амбиции.

Так и в жизни – когда у каждого своя правда – бывает очень часто.

Но тут остаётся «за бортом» судьба блестящего лётчика-испытателя, высочайшего профессионала, на чью долю выпала неожиданная для него честь стать первым космонавтом-казахом. Доволен ли он был своей новой судьбой, по сути навязанной ему другой жизнью? Вот о чём мне самому хотелось бы поговорить с Тохтаром Аубакировым. И вместе с ним написать честную книгу о его жизни до и после этого полёта. Вот захотел бы только он сам об этом рассказать, особенно о жизни но-

вой – государственного служащего, депутата парламента, одно время – политика-оппозиционера, бизнесмена?

Почему Союз рухнул

Неглупый партийный чиновник областного масштаба, вхожий и в высокие столичные кабинеты, много чего повидавший в жизни, так мне объяснял причины крушения СССР:

– Союз рухнул потому, что рухнула партия, которая, как арматура в бетоне, держала на себе каркас всего советского здания. А главные архитекторы перестройки на самом деле были грызунами, разрушившими этот «скелет». Скорее всего, они знали, что делали...

– Но почему 18 миллионов коммунистов – в большинстве своём не худших людей – молчаливо за этим наблюдали и не сделали ничего, чтобы отстоять партию, когда над ней стали откровенно глумиться, а потом и вообще запретили?

– Партию предала прежде всего её верхушка. Ей не верили и даже презирали её многие коммунисты. Но и они, и те, кто ещё верил, привыкли подчиняться тому, что скажут наверху. И другие люди уже не верили партии, потому что видели – слова её расходятся с делом: говорится одно, а вокруг – совсем другое. У советского народа – преимущественно совестливого, добропорядочного, трудолюбивого – был напрочь утерян инстинкт самосохранения. Мы же привыкли, что с самого детства нас опекают: детский сад, школа, комсомол... Хочешь учиться – институт. Стал работать – коллектив опекает... Зарплату платят, пусть мизерную, но всегда вовремя. Заболел – вылечат бесплатно. Квартиру дадут, даже если ждать будешь лет десять или даже пятнадцать. Где бы ты ни жил, чтобы ни делал, государство тебя не бросит. А в старости ещё и пенсию платить будет. На неё хоть и не разгуляешься, но с голоду не помрешь... Люди размякли, у них атрофировались очень важные составляющие инстинкта самосохранения. Им сказали – это

партия во всём виновата, что, в общем, было недалеко от истины, они и поверили. И тоже поэтому не вступились за неё. А как только не стало партии, на которой всё держалось, рухнул и СССР, в чём немало поучаствовали и высокопоставленные выкорымыши партии в Москве и столицах союзных республик.

Как бы народ себя повёл, спрашиваешь, если бы знал, что с ним потом сделают? Да никак... Почему – я уже объяснил.

Что доказал Ельцин, или Умом Бориса не понять...

Ельцин доказал, что возможно всё, даже, казалось бы, самое невозможное.

Что сын репрессированного может стать видным партийным функционером.

Что можно бросить вызов вскормившей тебя всемогущей партии и не быть при этом посаженным в тюрьму.

Что можно в одночасье, не предпринимая никаких сверхусилий, снискать едва ли не всенародную любовь.

Что можно объявить преступниками высших должностных лиц страны, пытавшихся защитить действующий на тот момент конституционный строй, и посадить их в тюрьму.

Что можно объявить врагами своих вчерашних соратников и выдвиженцев, расстрелять танками здание парламента своей страны, а сам парламент разогнать.

Что можно давать любые обещания («Лягу на рельсы, если вырастут цены»), делать самые безответственные заявления («Берите суверенитета столько, сколько можете переварить!») без каких бы то ни было для себя серьёзных последствий.

Что можно предстать перед всем миром в ужасающе неподобающем виде и потом вести себя как ни в чём не бывало.

Что можно начать и проиграть войну на территории собственного государства, не понеся за это никакой ответственности.

Что можно управлять государством, даже будучи недееспособным... Даже если тебя не поддерживает большая часть населения.

Что можно быть по форме президентом, а по существу царем.

Что можно терпеть при этом любые издевательства в прессе, ни разу не прибегнув к закручиванию гаек.

И этот список, как принято говорить, можно продолжать и продолжать.

Всё равно – как, но только с Иваном Ивановичем...

Есть такой анекдот. Ещё в советскую пору еврейская семья добилась разрешения эмигрировать в Израиль. Берут с собой и любимого попугая. На таможне им заявляют, что попугая как редкую, экзотическую птицу вывозить за границу нельзя. «А как можно?» – спрашивает глава семьи. «Ну, можно чучелом или тушкой», – отвечает таможенник. «Согласен – хоть чучелом, хоть тушкой», – неожиданно встречается в разговор сам попугай.

Этот анекдот я вспоминаю всякий раз, когда речь заходит о бывшем совхозе «Маяк»... Предстояло очередное его реформирование. Здешние работники, хорошо осведомлённые о том, чем обернулись спешные преобразования у большинства соседей, где хозяйства попросту развалились, за сохранение своего стояли насмерть.

– Да поймите вы, что не можете дальше существовать в статусе КСП (коллективного сельскохозяйственного предприятия), – увещевал их на собрании представитель района, – нет больше в Казахстане такой собственности – коллективной...

– А в каком виде можем? – допытывались мужики, ошалевшие от бесплодных реформаторских шараханий, которые и довели село до ручки.

– В виде кооператива, ТОО, крестьянского хозяйства... Выбирайте сами.

– Нам один хрен, всё равно как, но только с Иваном Ивановичем, – заявил кто-то, и его дружно поддержали остальные.

Иван Иванович Колодий – давнишний директор здешнего совхоза – смог не только спасти его от бездумного реформирования, но и сохранить основной производственный потенциал.

Не прогадали «маяковские» мужики. Теперь здесь – одно из немногих по-прежнему дееспособных сельскохозяйственных предприятий. И уцелело оно не благодаря, а вопреки реформам. А ещё потому, что здесь оказался И.И. Колодий.

1999 г.

Какая теперь семья

В последнее время на российских телеканалах появилось великое множество всевозможных ток-шоу-передач, в которых люди рассказывают о своих жизненных коллизиях, а публика в студии выражает им участие, стремясь помочь советами.

Вот одна из недавних таких передач.

Женщина рассказывает о постигшей её беде. Муж – бизнесмен, притом преуспевающий, нанял ей шофёра, который по совместительству стал её любовником (как оказалось, муж оплачивает шофёру и эти специфические услуги, поскольку сам настолько занят делами, что ему уже не до супруги).

Жена, излившая своё горе на присутствующих в студии, рыдая, вопрошает: а рожать ей от кого – шофёра-любовника или всё-таки от законного супруга?

И «добрые люди», от души забавляясь, дают ей дельные советы. А когда кто-то резонно заметил: зачем вообще такой муж такой жене, не лучше ли ей остаться с

любовником, ведущий тут же возмутился: «Вы что – это программа «Моя семья!»!»

Между прочим, эта передача транслируется РТР на всю страну и даже за её пределы. И она далеко не единственная в своём роде...

Раньше и теперь

Лет двадцать назад одна из центральных газет опубликовала сенсационный материал. Мать гладила школьную форму дочки-десятиклассницы, нашла в кармане презерватив и избила её так, что той пришлось лечиться в больнице.

Теперь презервативы раздают в школах на специальных занятиях, а школьная беременность не есть нечто из ряда вон выходящее. Вот одна из таких историй, рассказанная «Комсомольской правдой». Девочку зовут Надя, ей 16 лет, учится в девятом классе, беременна, собирается рожать. Дальше диалог:

– Как ты забеременела?

– В первый раз? – уточняет Надя.

– А это не первый?

– Нет, третий... Я уже сделала два аборта...

– У тебя и муж есть?

– Мы не зарегистрированы, а живём уже три года.

– Как вы познакомились, где живёте?

– В очереди в поликлинике, мне ещё тринадцати не было... А живём мы у него, он сварщик...

– А что говорят родители, как со школой?

– Мои родители сначала ничего не знали, потом приехали... В школе перевелась на вечернее – там проще...

– Учителя, подруги осуждают тебя?

– Да нет, теперь ведь многие рожают рано...

Мораль? Никакой морали газета не выводит. Её интересует сам факт, Надя как таковая...

Что же до меня, то не знаю, какая из этих двух историй более неприглядна. По-моему, впрочем, обе...

Культурная программа

В университет, в котором работает мой младший брат Пётр, приехали американцы. Брату поручили организовать для них культурную программу. Он решил вывезти их в воскресенье на природу.

Американцев было двое: ещё крепкий семидесятилетний старик и его совсем молодая коллега. И – так уж вышло – ехать пришлось мимо огромного поля, где копали картошку многочисленные горожане.

– Что эти люди здесь делают? – изумилась молодая американка.

Картина и впрямь была впечатляющая: люди с лопатами, мешки, десятки, сотни задов, устремлённых в небо – как будто выставленных напоказ.

– Картошку копают, – ответил брат, не пускаясь в долгие объяснения.

Наступило тягостное молчание. Потом встрепенулся старый американец:

– Ну как же, я помню: у нас до войны тоже иногда можно было видеть такое...

Искусство рукопожатия

Мне посчастливилось много лет общаться с выдающимся агрономом, Героем Социалистического Труда Михаилом Ивановичем Трусовым. И, помимо прочего, запомнились его наставления по части рукопожатий. Даже самое обычное не должно быть ни вялым, ни чересчур крепким, не слишком коротким, но и не долгим. Но обязательно прочувствованным, тёплым – не дежурным. И надо смотреть в лицо человеку, чью руку пожимаешь...

Не уверен, что полностью усвоил эту человеческую науку, но наставление помню...

...И собкор в Тель-Авиве

Позвонил коллега – редактор областной газеты. У него репутация новатора-реформатора. Вот и теперь делится нововведениями:

– Недавно стали региональной газетой!

– А что это такое?

– Решили распространять газету в соседние области Казахстана и России... Собкоров держим в Алматы, Астане, Челябинске, Москве, Киеве... Вот только что в Тель-Авиве корпункт открыли...

– В Израиле-то зачем?

– Как ты не понимаешь? Представляешь: первая страница, рубрика «Диктует наш собкор из Тель-Авива!»

– А денег у тебя на счету много?

– Какие деньги, откуда? У меня долгов три миллиона.

– А как же зарплату платишь?

– Да кто её теперь платит? Главное сейчас – раскрутиться!

...Моя мать в таких случаях говорит так: не вошь кусает, а гнида. По-моему, как раз про этот случай.

1996 г.

Говорит и действует Б.В. Исаев (Василий Луков)

Много лет с интересом слежу за поэтическим и публицистическим творчеством Василия Лукова (в миру Борис Васильевич Исаев). Нестандартность мышления, творческая дерзость, подчас переходящая в «литературное хулиганство», гражданский и человеческий темперамент всегда выделяют его из основной массы пишущих.

Мне посчастливилось дружить с Борисом Васильевичем, не раз слушать его рассказы о пережитом, одобренные юмором и самоиронией. Вот некоторые из них.

Как Исаев Геринга защищал

Б.В. Исаев в бытность первым секретарём Павлодарского обкома партии активно поддерживал председателя колхоза имени 30-летия Казахской ССР Я.Г. Геринга, превратившего это хозяйство в одно из лучших не только в Казахстане, но и в СССР.

Но случилось так, что про Геринга стали распространять нелепые слухи, будто он (между прочим, к тому времени уже Герой Социалистического Труда) – немецкий шпион. А слухи в советскую пору распространялись с невероятной быстротой, и казалось, нет никакого эффективного способа публично опровергнуть их – не станешь же писать в газетах или объявлять по радио, что прославленный колхозный председатель – не шпион.

И вот как поступил Б.В. Исаев: он убедил руководство Казахстана дать добро на выдвижение Я.Г. Геринга кандидатом в депутаты Верховного Совета Казахстана. В том, что его изберут, сомнений не было, но существовала жёсткая разрядка при отборе кандидатов в «народные избранники»: сколько в Верховном Совете должно быть рабочих, крестьян, руководителей разного уровня и т.д. И, конечно, жёстко соблюдался национальный баланс. И вот сквозь это номенклатурное предвыборное сито Б.В. Исаеву удалось просеять Я.Г. Геринга. А чтобы уже наверняка снять шпионскую тему, Б.В. ещё и продавил избрание Геринга делегатом очередного съезда КПСС от Павлодарской области. И слухи прекратились сами собой.

Я.Г. Геринг никогда не забывал того, что сделал для него Б.В. Исаев. Навещал в Алма-Ате, куда Б.В. был сослан на второстепенную должность после снятия с высокого партийного поста без какого-то ни было объяснения причин. В день своего полувекового юбилея Б.В. получил поздравительную телеграмму из колхоза имени 30-летия Казахской ССР, в которой больше всего его не удивила даже, а потрясла подпись, вернее, две – Геринг,

Геббельс... И только потом юбиляр расхохотался, поняв, что это работница почты так переименовала фамилию секретаря парткома колхоза Герлица. Геббельс показался ей благозвучнее и правильнее.

Геринг из-за своей фамилии лишился второй Звезды Героя Социалистического Труда. Кому-то очень влиятельному в Москве показалось, что это будет уж чересчур – дважды Герой Социалистического Труда по фамилии Геринг. Якову Германовичу намекали на то, что вопрос со второй Звездой Героя может быть решён, если его фамилия потеряет лишь одну – последнюю – букву. Будет не Геринг, а Герин – какая разница? Геринг терять букву, то есть отказываться от фамилии, не захотел. И дважды Героем не стал. А вскоре умер в командировке в Москве, прожив немногим более полувека.

Оба они – и Исаев, и Геринг – были яркими, неординарными людьми. И, наверное, не случайно судьба свела их, пусть и ненадолго.

Я – дома!

Есть какая-то загадка в том, как и почему человек привыкает к среде своего обитания, после чего она становится для него родной. Я когда-то считал, что нет ничего на земле лучше лесостепи с берёзовыми колками. После пяти лет учёбы в Алма-Ате полюбил горы. Теперь давно уже люблю и нашу павлодарскую степь, притом во все времена года.

И мне бывает одинаково хорошо не только в моих до боли знакомых с детства берёзовых колках, но и в степи, в горах, даже в тайге, хоть там и непривычно.

А вот что услышал однажды от Б.В. Исаева – дважды первого секретаря Павлодарского обкома партии:

– Вернулся я второй раз в Павлодар, уже после Алма-Аты, и поехал как-то в Экибастуз, о котором однажды в сердцах сказал так: природы здесь нет, а одна только окружающая среда. Еду обратно, придремал ненадолго, очнулся, глянул в окно, где всё та же серая, унылая, ка-

менистая степная равнина... И вдруг с какой-то необыкновенной пронзительной ясностью почувствовал:

– Я – дома! Дома!

Исаев – Чапаев – Штирлиц?

Однажды в нашу область приехали во время уборки урожая вместе Д.А. Кунаев и Б.А. Ашимов – Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана и Председатель Совета Министров республики. По пути в хлебный Иртышский район говорили о разном, зашёл разговор и о том, кто как оздоравливается. И тут обычно сдержанный, замкнутый, но всегда тонко ироничный Ашимов поддел Исаева: «Борис Васильевич предпочитает как Чапаев – на лихом коне!» Он намекал на то, что Б.В. иногда позволял себе проехаться верхом на жеребце, выделенном ему для таких прогулок знаменитым колхозным председателем. Б.В. сразу понял, о чём речь, и обратил всё в шутку:

– Да, быть бы мне Чапаевым, если бы не был Штирлицем! – тут же отреагировал он.

– Как это? – заинтересовались уже оба высокопоставленных гостя.

– Давайте посмотрим. Чапаев – Василий Иванович, и отец мой – Василий Иванович. Ординарец у Чапаева Петька по фамилии Исаев – и я Исаев. Была у них Анкапулемётчица – мою мать зовут Анна...

– А Штирлиц-то при чём?

– Его настоящая фамилия – Исаев – как и у меня.

Так и замаял умный, образованный Б.В. историю о конных прогулках верхом...

Герб СНГ

Наблюдая за тем, как неуклюже, неумело пытаются строить СНГ – Содружество Независимых Государств – разбежавшиеся по национальным квартирам бывшие союзные республики, Б.В. придумал эсэнговский герб.

Это ишак, который стоит и орёт. Стоит потому, что не знает, куда идти. А орёт потому, что на свои «причиндалы» наступил, – больно. Но и сойти нельзя – принцип.

Что-то, мне кажется, в этом образе, созданном воображением Б.В., есть...

Из главнокомандующих – в главноуговаривающие

Лишившийся после ухода в небытие партии поста первого секретаря обкома, он говорил о себе – председателе областного Совета:

– Это раньше я был главнокомандующий. А теперь – главноуговаривающий.

* * *

Он же:

– Теперь-то я уже не тот. А когда-то во мне было столько энергии, что мой водитель говорил, когда я шёл утром от машины к обкому партии:

– Ну, думаю, если вдруг мимо двери промахнётся – точно собой стену проломит!

* * *

Характеризуя одного из наших общих знакомых из коридоров власти, которому поручалось угощать высоких гостей:

– Пьянчужка по особым поручениям.

* * *

Услышал от него же:

– Брюхо – злодей. Старого добра не помнит, каждый день есть просит...

И от себя Б.В. ещё добавлял:

– Три раза в день...

Наказ его быстро разбогатевшим:

Подумай пред тем, как уйти на тот свет:
На крышке у гроба багажника нет.
Богатства, что нажил, с собой не возьмешь.
Раздай перед тем, как в Эдем попадешь!

Что такое стихи?

Давно слежу за поэтическим творчеством Василия Лукова. Считаю его поэзию настоящим явлением, а некоторые строки – готовыми афоризмами. Такие, например:

Позади гнилой застой,
Впереди – мираж.
То ли строить храм святой,
То ли рыть блиндаж!

Или вот:

Мы – самый читающий в мире
И самый нетрезвый народ.
Кто жил в коммунальной квартире,
Тот самый большой патриот!

Или ещё:

Коммерцией заняты дети.
Голодные мрут старики...
Мы сами сплели эти сети,
Советских вождей дураки!

Есть у него такое прекрасное четверостишие:

Коварно обКУПОНены,
Безжалостно обПИКаны,
Нахально обреформлены
И до смерти обСИКаны.

Первая строка о том, как государство обмануло людей, наделив их купонами в ходе приватизации жилья, вторая – о том же самом, только речь уже о приватизационных инвестиционных купонах – ПИКах (их выде-

ляли казахстанцам как эквивалент полагающейся каждому бывшей государственной собственности, при этом обещали, что мы станем акционерами предприятий и даже будем получать дивиденды). Третья строка в комментариях не нуждается. И последняя в образно-иронической форме повествует о новой пенсионной системе. СИК – это социальный индивидуальный код, который теперь имеет каждый казахстанец, перечисляя по нему ежемесячно десятую часть своей зарплаты. Считается, что этим мы зарабатываем себе на старость – каждый сам. Но что будет с этими деньгами – одному Богу известно. Во всяком случае, один раз эти вклады уже были ополовинены после перехода на «свободно плавающий» курс тенге по отношению к доллару.

А в целом четверостишие и по форме, и по сути просто замечательное. В нём вся история реформ – как на ладони.

Нравятся мне и многие лирические стихи В. Лукова. Но есть у него строки, способные кого угодно поставить в тупик. Половодье на Иртыше поэт живописует так:

Речное лоно тужится рожать...

– Это же физиологизм какой-то, а не поэзия, – говорю ему.

– Нет, это образ, притом очень удачный, хоть и необычный! – не соглашается он.

А вот как характеризует В. Луков суть поэтического творчества:

Стихи – как семяизвержение:

Чем реже – тем сильней оргазм.

Тут, как говорится, и вовсе без комментариев.

Я немало сил приложил, чтобы отбить у Василия Лукова охоту к стихотворчеству. И очень рад, что у меня это не получилось.

А наши творческие разногласия нисколько не мешали нам дружить.

Как-то в редакцию пришла открытка с эпиграммой на газетные публикации В. Лукова – всего из двух строк:

Ах, Боже мой – какая скука:
Опять в «ЗП» Василий Луков!

Игра слов, может быть, и хороша, но по сути это не так: уж чего-чего, а скуки ни в стихах, ни в статьях В. Лукова не бывало...

Василий Луков – из неопубликованного:

Как хорошо сбежать от мира
В мифический уют сортира!

* * *

И несмотря на бравый вид,
Как прежде пенис не стоит.

* * *

Последний оргазм мозга. Так он называл свои последние стихи и статьи.

* * *

К своему 85-летию Василий Луков, чья творческая мысль, похоже, никогда не дремала, создал небольшой поэтический самопортрет. По-моему, не только соответственно возрасту отчасти грустный, но и вполне иронически-симпатичный. Вы сами можете в этом убедиться.

Вот

Жить аппетит, увы, пропал,
Мой КПД совсем упал.
Все кости ноют, сохлась плоть,
Уста устали чушь молоть...
Достигли бляшки массы блях,
Из чувств остались боль и страх.
По части страсти стынет кровь,
Исчезла, не простясь, любовь.
Мысль не витает, память спит,
Душа усталая молчит.

Не посещает сны Эрот,
Подала Муза на развод,
И Луков взял самоотвод...
Вот!

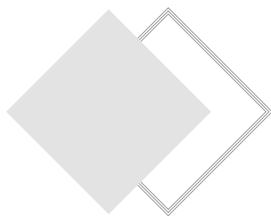
* * *

Спрашиваю у Б.В. – как здоровье, настроение?

– Когда первым секретарём обкома был, отвечал: прямо пропорционально выпавшим осадкам. Потому что от них всегда в нашей зоне рискованного земледелия урожай зависел.

– А теперь как говорите?

– Обратно пропорционально тем же осадкам: как только дождь или гроза – давление скачет.

Блёстки от Беркетова

Сапарбек Султанович Беркетов – известный в области человек, лауреат Государственной премии СССР. В 70-80-е годы прошлого века он работал директором суперсекретного Павлодарского химического завода, который, кроме мирной, выпускал также продукцию военного назначения. И вот об этой стороне работы предприятия его бывший директор даже теперь, спустя четверть с лишним века, предпочитает не распространяться. Но на своём восьмидесятилетнем юбилее чуть-чуть приоткрыл завесу тайны, давно оставшейся в прошлом, рассказав о трёх показательных историях...

Находчивость

– Завод наш был союзного подчинения и относился к Министерству химической промышленности СССР. По делам службы мне часто приходилось бывать в Москве, встречаться с министром – Леонидом Аркадьевичем Костандовым (впоследствии заместителем Председателя Совета Министров СССР), который ко мне хорошо относился и называл сынком, потому что я был самым молодым директором завода в отрасли. И вот однажды только я вернулся из столицы – звонит помощник министра: «Срочно вылетай в Москву!» Да я, говорю, только из Москвы, что случилось? Ничего не объясняет: «Вылетай, в аэропорту тебя будет машина ждать...» Самолёт в Москву тогда летал каждый день, и я через несколько часов вылетел. Взял с собой кое-какие бумаги по заводу – на всякий случай, хотя по-прежнему не знал, зачем вызывают.

В Домодедово меня у трапа ждала «Волга», чего прежде никогда не было, и мы поехали. Спрашиваю: «Куда едем?» – «Во Внуково...» А там стоял уже готовый к вылету самолёт. Оказалось, только меня ждали...

В полёте узнал – летим на Камчатку, но зачем – всё ещё не говорят. Разносят закуски, выпивку, а мне, конечно, не до этого...

На Камчатке состоялось совместное заседание коллегий трёх министерств: обороны, среднего машиностроения, также работавшего главным образом на оборону, и нашего – химической промышленности. Повод – неполадки в «изделиях», к которым все эти три ведомства имели отношение, – твердотопливных баллистических ракетах. С Камчатки во время учений их запускали в определенные точки Тихого океана, за тысячи километров. А они до заданного района не долетали – сгорали и падали раньше. Предстоял «разбор полетов», который вели три министра: обороны – Дмитрий Федорович Устинов (член Политбюро ЦК КПСС, человек из ближайшего окружения Генсека Брежнева); среднего машиностроения – легендарный Ефим Павлович Славский, трижды Герой Социалистического Труда, возглавлявший это министерство лет тридцать, и мой министр – Леонид Аркадьевич Костандов.

Нас вызывали по очереди, и, провожая меня, начальник одного из главков Минхимпрома произнес загадочную фразу, смысл которой мне стал понятен лишь много позже: «Желаю тебе, Беркетов, и обратно выйти через эту дверь...»

И вот стою я перед тремя союзными министрами и держу ответ. Мы поставляли компоненты для этих самых ракет, но не напрямую, а другому предприятию, в город Навои, которое использовало их в следующем цикле производства. И по чьим-то докладам выходило, что это якобы мы напартачили. И обстановка в зале уже наэлектризована... Я её всей кожей чувствую... И молчу... Покрываюсь холодным потом...

«Ты что молчишь, Беркетов?» – не выдерживает Костандов. «Так я же нерусский», – говорю. «Ну и что? – он даже как будто опешил. – Я тоже нерусский...»

«Я, – говорю, – казах, и мне надо время, чтобы перевести ваши вопросы на казахский, сообразить, что ответить – на казахском, опять перевести на русский и только потом...»

Министры рассмеялись, и обстановка сразу разрядилась. А я стал спокойно объяснять, тем более что суть вопроса была мне ясна: «Компоненты, которые мы поставляем в Навои, соответствуют всем требованиям, есть все необходимые заключения, подтверждающие документы... Да здесь и директор завода, которому мы отправляем продукцию, пусть он скажет, есть ли к нам претензии». Тот отвечает, притом твердо: «Претензий нет».

Словом, куда надо вырулил и обратно вышел в ту дверь, в которую надо... Но хотите верьте, хотите нет – ноги в ботинках были мокрые – это пот стекал с меня, когда я перед министрами отчёт держал... А кое-кого, говорят, увели прямо с коллегии для разборок уже в другом месте...

«Для нас тюрьма построена...»

– Дело было в конце семидесятых или в начале восьмидесятых годов. Тогда все крупные предприятия облагались своего рода данью – за счёт средств, выделяемых союзными министерствами на их развитие, строились нужные городу объекты социальной сферы. Мы, кстати, таким образом построили больницу, теплицы, бассейн, много жилья.

И вот звонит мне однажды первый секретарь обкома Исаев и говорит: «Готовься, полетим с тобой в Москву». А что мне готовиться – я там в иной месяц по два раза бывал, завод-то наш был союзного подчинения. Спросил только: «К чему готовиться?» – «К твоему министру, – говорит, – пойдём, будем деньги просить». – «На что?» – «На новую тюрьму».

Я удивился такому повороту дела, но спорить не стал – не принято было. А старая тюрьма, ещё дореволюционная, если кто помнит, стояла между улицами Ленина и Дзержинского, на их пересечении с улицей Лермонтова. Представляете себе: тюрьма – на улице Ленина!

Пришли мы к министру химической промышленности Леониду Аркадьевичу Костандову. Поговорили с ним о делах, сказали про тюрьму. И он вдруг – мне: «Ты-то, сынок, особенно не беспокойся – для нас с тобой тюрьма давно построена...» Я понял, что он имел в виду: в интересах дела любому руководителю крупного завода и министру тоже приходилось идти на разные нарушения, и, стало быть, нас всегда можно было взять за жабры... И я больше в разговор не встречал. А денег министр дал... Так в Павлодаре появилась новая тюрьма. А старую снесли.

Мастер Мошкин

– На нашем заводе было немало сложной техники, в том числе мощные дорогостоящие компрессорные установки – охладители, регулировать которые умел лишь один человек, по фамилии... ну, скажем, Мошкин. Он был из мастеров мастер, понимал и чувствовал эти установки, как хороший музыкант чувствует инструмент, на котором играет...

Я этого Мошкина лично возил на работу и обратно. Потому что он был любитель выпить, и если запивал, то пиши пропало... Мы даже зарплату не ему, а его жене отдавали – от греха подальше.

И вот он как-то приходит ко мне на приём и говорит: «Во что вы меня превратили? Я самый бесправный человек на заводе!» – «Да ты что говоришь, – отвечаю, – у меня на заводе шесть тысяч работающих, а сюда и обратно я тебя одного вожу!» – «А надо мной люди смеются: какой ты, говорят, мужик, если сам на работу не можешь ездить и даже зарплате своей – не хозяин...» И вижу – чуть не плачет.

«Чего же ты хочешь?» – спрашиваю. «Хочу на работу, как все, на трамвае ездить и зарплату сам получать!» – «Ладно, – говорю, – как хочешь», – хоть и знаю, что будет дальше.

Конечно же, недолго он продержался... Раз сорвался, другой, у нас вся работа стоит... Жена пришла в слезах – дома скандалы...

Вызвал его: «Не могу, – говорю, – без тебя обойтись, да и ты пропадешь с такой жизнью...»

Голову опустил, молчит...

И я опять стал его возить на работу и с работы...

Двухэтажный свинарник

В брежневские времена для улучшения обеспечения советского народа продуктами питания была разработана продовольственная программа, в рамках которой промышленным предприятиям предписывалось создавать подсобные сельские цеха. И они это делали: Павлодарское отделение железной дороги стало выращивать овец и свиней под Павлодаром, алюминиевый завод разводил крупный рогатый скот, тракторный создал в одном из сельских районов целый совхоз, где выращивали овец, бычков, лошадей. Каюсь, и я живописал, как хорошо работают подсобное скотоводческое хозяйство комбината «Майкаинзолото» и рыбный цех песчано-гравийного карьера.

Переплюнул же всех директор химического завода С.С. Беркетов, в подсобном цехе которого выращивали в теплицах цветы, а также соорудили доселе невиданное – двухэтажный свинарник, в котором поголовье содержалось как раз на втором этаже, а корма туда подавали по специально устроенным наклонным транспортёрам снизу.

Говорят, что министр химической промышленности СССР Л.А. Костандов был настолько потрясён увиденным – этим ноу-хау развитого социализма – что сначала смеялся. А потом даже обнял директора завода, которого ценил и к которому питал слабость.

Истории Галицкого (блѣстки от Касицына)

Александр Анатольевич Касицын – директор одного из лучших хозяйств области. Много повидал в жизни, сохранив в памяти нестандартные ситуации, в которых ему приходилось оказываться.

Тоже Юрий Алексеевич...

– В перестройку дело было. Нашему колхозу имени Карла Маркса доверили выдвинуть кандидатом в народные депутаты СССР первого секретаря обкома партии Ю.А. Мещерякова.

Мы всё подготовили, в том числе выступающего «от народа», который на собрании предложит Мещерякова. Тот хорошо выступил и, завершая речь, говорит: «Предлагаю выдвинуть человека, которого вы все хорошо знаете, – это Юрий Алексеевич...» И тут зал, чуть ли не хором, будто им кто дирижировал, выдыхает: «Гагарин!» А суть в том, что они тѣзки с Мещеряковым...

Понятно, сделали потом всё как надо, и даже Мещеряков со всеми вместе посмеялся. Но мне от первого секретаря райкома партии (нашего бывшего председателя колхоза) Глазырина всё равно досталось...

Удобства не понадобились...

– То время позже назовут «расцветом застоя», хотя к нашему колхозу это никак было не применимо – мы и тогда развивались по всем статьям. Ожидался приезд к нам большого начальства, и тот же Глазырин наказал мне выстроить у животноводческих помещений, куда должны были заглянуть высокие гости, штук пять туалетов. Мол, вдруг им приспичит – куда пойдут? Я подивился такой логике, но надо было знать Глазырина – попробуй не выполни его указание!

Туалеты мои рабочие поставили... Начальство приехало, на фермах побывало, на туалеты наши – ноль

внимания. Главный раз сходил по малому на обочине дороги, и свита после него...

Обошлось, словом, без эксцессов... А туалеты эти ещё какое-то время глаза мозолили, но мы их потом за ненадобностью убрали, а ямы зарыли.

* * *

– И ещё вам девиз одного из моих коллег, много чего повидавшего в жизни: «Давая интервью, не увлекайся! Как бы не пришлось потом давать показания...»

«Гитлер» жив

Когда на селе ещё не было централизованного электроснабжения, в совхозах и колхозах устанавливали стационарные электростанции, работавшие на дизельном топливе. Была такая и в Галицком – тогда колхозе – с конца пятидесятых годов. И, наверное, потому, что была она немецкого производства, её окрестили Гитлером.

Потом в Галицкое провели централизованное электроснабжение, но дизель-электростанцию не стали сдавать в утиль, а законсервировали, и она стояла себе на машинном дворе под навесом больше четверти века. А когда в начале девяностых годов теперь прошлого века начались перебои в энергоснабжении, и в сёлах света порой не бывало сутками, «Гитлера» расконсервировали и запустили в работу, что буквально спасало производственные участки от полной остановки, а хозяйство от краха.

Теперь в Галицком энергию получают уже и от собственных ветрогенераторов (тоже, кстати, закупленных в Германии), мощности которых вполне достаточно для обеспечения не только производственных потребностей хозяйства, но и всей его социальной сферы.

А что же «Гитлер», спросите вы, какова его судьба? «Гитлер» по-прежнему цел и стоит, как пелось в некогда популярной песне про наш бронепоезд, на запасном пути.

«Вы нам, главное, не мешайте!»

Когда в середине девяностых годов совхозы и колхозы были объявлены у нас в Казахстане вне закона, здешний колхоз, носивший тогда имя Карла Маркса, продолжал действовать, и притом неплохо. Таков был запас прочности хозяйства, созданный предшественниками теперь руководившего им А.А. Касицына. И вот сюда прибыл министр сельского хозяйства республики, призванный ускорить рыночные реформы на селе. Для чего и требовалось колхозы-совхозы искоренить и создать вместо них нечто новое, отвечающее потребностям дня, – рыночное.

Первым делом министр решил пообщаться с людьми труда – колхозниками. И на первый же вопрос – чего ждут здесь сегодня от министерства, ему ответили:

– Вы нам, главное, не мешайте!

«Работайте!»

Затем министр в сопровождении председателя побывал на фермах, в мастерской, в поле, в детском саду с бассейном, в домах колхозников с центральным водоснабжением и отоплением... Сначала говорил с жаром о реформах, которые кардинально изменят жизнь села, но чем больше видел, тем меньше говорил и больше мрачнел. И потом с каким-то непонятным для Касицына отчаянием воскликнул:

– Ты зачем мне всё это показал? Зачем ты вообще мне попался?

Теперь уже Касицын его не понимал... А министр обескураженно закончил:

– Я-то думал, что мы всё правильно делаем...

И поскольку никаких указаний от высокого начальства, которое вот-вот должно было отбыть, не последовало, А.А. Касицын осторожно поинтересовался: как же им самим в колхозе теперь быть, что ему делать?

– Что делать, что делать, – ещё более раздражаясь, сказал министр, – работайте!

Сел в машину и удалился вместе со свитой, оставив в недоумении председателя колхоза и пребывающего в нём же акима района.

– Мне-то что делать? – спросил Касицын теперь уже у акима района.

– Ты же слышал – работай! – хлопнул тот дверью и уехал.

И Касицын работает, пережив безумно-бездумные реформы. Его Галицкое процветает и сегодня, в том числе потому, что он всегда старался руководствоваться в главном деле своей жизни опытом предков и здравым смыслом, а не бросался очертя голову сразу выполнять руководящие указания.

«Где горы, где речка, где жайляу?»

Ожидался давно обещанный визит в Галицкое высокого лица – настолько высокого, что лучше его не называть. Готовились к нему здесь не одну неделю под присмотром десятков чиновников из района и области, представляющих, кроме собственно власти, ещё с десятков ведомств. Мало того, что каждый давал свои указания, их всех каждый раз кормить-поить надо было...

И вот вроде всё, казалось, учтено и предусмотрено – от мелочей быта до оборудованной специально вертолётной площадки на окраине Галицкого. Даже памятник Карлу Марксу (его имя много лет носил бывший здешний колхоз) подновили – покрасили. И хоть он стоял на постаменте в укромном уголке, укрытый деревьями, на него обратил внимание идеолог из очередной группы проверяющих.

– Что с памятником делать будем? – спрашивает Касицына.

– Да всё вроде уже сделали, – отвечает тот, – видите – как новый.

– Я не о том, – досадует на непонимание идеолог, – как-то он тут некстати, этот Карл Маркс...

Помолчал и вдруг оживился:

– Слушай, а может, голову ему заменить?

– На чью?

– На Абая, например... Он и одет подходяще – непонятно как...

До замены дело, правда, не дошло, но Касицын тогда так и не понял – шутил идеолог или говорил серьёзно...

А вот что произошло, когда уже накануне визита в Галицкое прибыл последний – главный – проверяющий из самой столицы, который должен был оценить готовность к приёму высокого гостя, так сказать, целиком, в комплексе. Прибыл он уже ночью, соответственно положению встреченный в области так, что утром не сразу мог сообразить, где оказался. Он недоумённо осматривался по сторонам, а потом стал возмущённо спрашивать:

– Это что такое? Где горы, где речка, где, наконец, жайляу?

Что означало, вероятно: в его голове уже сложилась картинка пейзажа, на котором всё должно было происходить... Тут же во все стороны расстилалась плоская, ровная, как стол, степь... Потом не устроили проверяющего моющие принадлежности, полотенце и раковина в спортивном комплексе, посещение которого также планировалось... А вдруг при этом высокий гость захочет зайти в туалет здесь же (приготовили и его, хотя местные спортсмены обходились уличным) и затем вымыть руки...

Сопровождающий окончательного проверяющего шепнул на ухо Касицыну, что надо сделать перерыв в осмотре и перекусить... И посоветовал переставить местами набор флаконов с жидким мылом на раковине и перевернуть другой стороной полотенце у раковины... А после перекуса и «поправки организма» проверяю-

щий явно помягчел и с удовлетворением констатировал, оценивая то, что смотрел до того:

– Ну вот, можем же, оказывается, если захотим...

Визит, правда, так и не состоялся. А теперь уже точно не состоится, хотя в Галицком есть что показать любому гостю, кем бы он ни был...

Блёстки от Траутвейна

Виктор Христианович Траутвейн – один из лучших фермеров Алтайского края. До этого был председателем колхоза, директором совхоза, секретарём райкома партии. Повидал в жизни многое, и потому его память хранит немало самых любопытных сюжетов. Вот лишь несколько из них.

Так сухо или сыро?

– Кто работал в советские времена, тот хорошо помнит, что сельчанам всегда рекомендовали сверху: что и когда сеять, когда начинать уборку, а уж про «первую заповедь» – сдачу хлеба государству – и говорить нечего: умри, а спущенное сверху задание выполни...

И вот характерная ситуация в подтверждение... Главному агроному совхоза «Октябрьский» Троицкого района, где накануне ночью прошёл лёгкий дождь, Геннадю Ивановичу Колыхалову, Герою Социалистического Труда, звонят из района:

– Ну как вы там, молотите?

– Да нет, – отвечает признанный авторитет в земледелии, – стоим пока.

– Почему?

– Так сыро, валок влажный...

– А озимые тогда почему не сеете?

– Так сухо же, – следует ответ, вызывающий взрывную ответную реакцию:

– Вы определитесь, наконец, сыро у вас там или сухо! Или мы вам поможем!

Между тем агроном говорил чистую правду: хлебные валки дождь намочил, и молотить их было нельзя, а пашню для озимых не напитал, лишь чуть увлажнив верхний слой, и сеять пришлось бы в сухую землю, чего тоже делать нельзя.

Такова доля земледельца, нередко оказывающегося между двух бед, уготованных природой. Но и они бывают ничто в сравнении с указующим перстом партийного начальства.

Кто из нас Бог?

– Был у нас председатель колхоза – немец, не чуравшийся крепкого русского слова, правда, отчасти с немецкой «приправой». И были у него среди колхозников несколько семей немцев-сектантов. Трудолюбивые, исполнительные, однако напрочь отказывались работать по воскресеньям.

В страдную пору ему докладывают: мол, опять эти немцы упорствуют... Он вызывает в контору их авторитетов, объясняет – почему надо выйти, а они – ни в какую: «Наш Бог нам этого не позволяет».

И тут он вскипел:

– Ну етит-твоих мать! (так он ругался, только покруче, когда не хватало аргументов, путая буквы и падежи). Притёте вы ко мне симой са компикормом, и мы тогда посмотрим – кто ис нас бох – ваш или я!

Подействовало – вышли!

Посошок

– Председатель колхоза Фридрих Фридрихович Шнайдер несколько дней и ночей принимал делегацию из Восточной Германии. Показать у него было что, и на угощение не скупился.

Пришла пора прощаться, и руководитель делегации, сам знающий толк в выпивке и закуске, говорит Шнай-

деру, уже по-свойски: мол, всё было замечательно – столько впечатлений. Сделал паузу и добавил:

– Но этот ваш «посошок»!

Казахское гостеприимство (блёстка от Матаева)

Эту историю я услышал от Сейтказы Матаева – председателя Союза журналистов Казахстана. Она – о менталитете казахов.

Вечером в одну из городских квартир многоэтажного дома звонят в дверь.

– Кто там? – спрашивает хозяйка.

Она дома одна, муж в командировке.

– Мы, ваши родственники из аула, – слышит в ответ.

Входят немолодые уже мужчина и женщина и начинают объяснять – какая они родня её мужу.

– Да-да, – смущённо говорит хозяйка, соображая, чем же будет их угощать.

– Вы не беспокойтесь, у нас всё своё, домашнее, – успокаивают приезжие и начинают доставать из сумок масло, баурсаки, курт, вяленую конину.

За дастарханом аульчане объясняют: приехали, чтобы собрать внука в школу, купить всё необходимое.

С утра родня пошла по магазинам и базарам, а хозяйка готовила для них традиционный бешбармак, втайне надеясь, что на следующий день гости уедут. Но оказалось, что закупили они не всё, и на следующее утро опять отправились по магазинам. Хозяйка опять приготовила ужин, но родни почему-то всё не было. И она уже стала волноваться, потому что не знала ни фамилий, ни адреса родни...

Раздался телефонный звонок – от соседей с нижнего этажа:

– Вы не могли бы к нам спуститься?

– Извините, не могу – родню жду. Приехали из аула, ушли по магазинам и до сих пор не вернулись. Боюсь, не заблудились ли...

– Да это не ваша, а наша родня! – слышит она. – Они уже у нас. Спускайтесь – мы вам тут всё объясним.

Оказалось, позавчера «родня» перепутала этаж и позвонила не в ту квартиру. А хозяйка, зная, что у мужа есть родственники в ауле, с которыми она пока не знакома, как родню их и приняла... Сегодня, возвращаясь домой, аульчане столкнулись у подъезда со своими настоящими родственниками, из которых они также знали лишь хозяина.

С тех пор дружат все три семьи – ходят и ездят друг к другу в гости и радуются тому, что благодаря случайному недоразумению у всех трёх семейств одной роднёй стало больше.

Блёстки от Акимченко

Геннадий Герасимович Акимченко – ветеран сельского хозяйства и отличный рассказчик. Вот две его истории из бывшего советского прошлого.

– Был у нас в отделении совхоза, где я начинал работать, кузнец. На все руки мастер, всё умел – любой сельхозинвентарь отремонтировать, любую домашнюю утварь из металла починить. Но выпить тоже любил и однажды заявился поддатым в контору. А был он партийный и попался на глаза парторгу. И тот решил его припугнуть:

– Ты мне партбилет на стол положишь!

Кузнец тут же выложил перед ним красную книжницу:

– На! – и ушёл.

Дело принимало скверный оборот: сельский пролетарий сам отказывается от партбилета! Какое-то время спустя парторг вызвал однопартийца для проработки: партбилет, мол, заberi и впредь не разбрасывайся, а твою пьяную выходку мы на партсобрании обсудим.

– Бутылку поставишь – заберу! – отвечал ему кузнец.

И пришлось парторгу идти на попятную – уже упрашивать кузнеца взять партбилет обратно с уговором не предавать случившееся огласке.

* * *

– Другой случай был, когда я уже в райсельхозуправлении работал. Пришла в райком партии анонимная жалоба на трёх главных зоотехников: съели совхозного барана и списали на падёж. Райком спустил жалобу в райсельхозуправление, и все трое признались: было дело... Но надо же реагировать... И секретарь партбюро – дурулом предложил исключить их из партии и лишить должностей – за разбазаривание государственной собственности и дискредитацию высокого звания члена партии.

К счастью, вмешался секретарь райкома, решивший лично поприсутствовать на разборе «дела»:

– Ты что предлагаешь – из-за одного барана район трёх главных зоотехников лишить? Это же самому бараном быть надо!

Ограничились соломоновым решением – объявить всем троим устный выговор и взыскать с «расхитителей» стоимость съеденного барана.

Момент истины

В России ли, в Казахстане ли – люди любят ругать власть, включая даже президентов. Но вот президенты выходят в народ, и мы видим, во всяком случае на телевизионных экранах, одно сплошное ликование.

Российский канал ОРТ как-то организовал прямое включение из глухой московской деревушки. Пожилая пара видит себя по телевизору в программе «Время». Корреспондент, до того рассказывающий о беспросветности жизни в этой самой деревушке, говорит деду с бабкой: «Возможно, вас сейчас видит и слышит президент. Что бы вы ему сказали, может быть, попросите че-

го-нибудь...» Дед сперва замялся, а потом отвечает: «Да чего просить... Здоровья бы Борису Николаевичу...»

Вот вам и момент истины.

Хорошо ещё бабка вовремя встрепенулась – толкнула деда в бок, будто говоря ему: ты что, мол, старый пень, забыл, о чём старики день и ночь долдонят? И тогда дед добавил: «Ну и пенсию бы маненько добавить».

Может быть, сами того не желая, телевизионщики отразили типичнейшую ситуацию, когда у людей всегда есть два мнения: одно, так сказать, для внутреннего потребления и другое – на публику. И они, как параллельные, никогда не сходятся...

Ударники капиталистического труда

В Японии нас, казахстанских туристов, повезли на один из заводов, выпускающих легковые автомашины знаменитой марки «Ниссан». Здесь, на сборочном конвейере, нам наглядно продемонстрировали, что такое интенсивный труд в высокоразвитой капиталистической стране.

Мы, человек семьдесят, шли вдоль конвейера (это метров сто) с остановками минут пятнадцать. И никто из работающих (их тоже было несколько десятков человек) ни на секунду не приостановился, не помахал нам рукой в белой перчатке, не улыбнулся. На нас вообще не обращали внимания. Потому что – некогда. У каждого рабочего места остов будущего автомобиля оставался на считанные секунды, сборщик мгновенно что-то пристраивал или привинчивал, и машина проскакивала дальше. Люди в прямом смысле работали как роботы, подчиняясь неумолимому движению конвейера.

Позднее нам сказали, что средний месячный заработок здесь – три тысячи долларов. Но выдерживают на конвейере очень немногие.

И вот я думаю: если мы на самом деле хотим жить как они, то готовы ли как они – работать?

О менталитете и чувстве ответственности

Наша туристическая группа восемь дней провела в Японии и лишь раз оказалась на берегу Тихого океана. Остановка тут, кстати, не планировалась, но, идя навстречу нашим пожеланиям, сверхпредупредительные японские водители нашли место для парковки.

Спустя какие-то минуты двое или трое наших сограждан были уже в воде... Что из того, что февраль, – он и в Японии февраль, пусть в тот день и без снега? Что из того, что каменистый берег, обрамленный к тому же специальным ограждением, отнюдь не был предназначен для купания? Может, парни всю жизнь мечтали окунуться в Тихий океан; а что момент не самый подходящий – так другого ведь в жизни, скорее всего, не будет...

Наша гид, сердечная и обаятельная японка Аня-сан, была близка к шоку: «Что они делают? Это же зима... Здесь нельзя... Меня отстранят от работы...»

Невесть как затесавшаяся в нашу группу канадка Хайди – фотокорреспондент из Москвы, напротив, пришла в неопишуемый восторг от безумства горячих казахстанских парней: «Какие молодцы!» – и беспрерывно щелкала фотоаппаратом...

Хлеб родины

Делегация Павлодарской области ездила в Китай – устанавливать экономические связи. Было много интересного: переговоры, поездки, общение. Мне запомнилась история, рассказанная акимом области Галымжаном Жакияновым:

– Первый раз я поехал в Китай, ещё работая в Семипалатинске. Мне подыскали местного китайца – переводчика. У него была драматическая судьба. В своё время его послали учиться в Москву, что, конечно, считалось большой удачей и сулило хорошее будущее. Но

в ту пору отношения Китая с СССР уже были изрядно подпорчены, потом дело дошло до военных столкновений (помните – Даманский, Жаланашколь), границы с обеих сторон оказались надолго перекрыты... Тот китаец не смог (а может быть, не захотел) вернуться на родину, и судьба его забросила в Семипалатинскую область... И вот мы вместе едем в Китай – он, кстати, впервые после долгой разлуки... И как-то во время обеда я у него спросил: «А что, китайцы вообще хлеба не едят, или есть у них что-то своё, подобное?» Он перевел это хозяевам, они подсуетились и скоро подали нам нечто непонятное и, мне показалось, малосъедобное: какие-то колобки из теста, причём полусырые... Я только попробовал из вежливости, а мой переводчик чуть не прослезился, ел и приговаривал: «Какой вкусный – хлеб Родины!»

А пиво у них хорошее...

Павлодарский художник Николай Федорович Залюбовский рассказывал мне:

– За границей я был один раз, ещё в ГДР. Ездил с нами и один мужик из Экибастуза – монтажник-высотник с ГРЭС-1. Немцев он недолюбливал, говорил: «Они троих моих братьев убили...» И вот он один раз утром не поехал с нами по маршруту. Я, говорит, вас в пивбаре подожду. Вернулись мы часов в пять вечера и застали его там же – уже «хорошего». «Ну, как, – спрашиваем, – дела?» Он начал, как обычно: «Я немцев не люблю, они троих моих братьев убили». Помолчал и добавил с совсем другими – уважительными нотками: «А пиво у них хорошее... И очереди нету... И приносят сами...»

Для сведения: хуже экибастузского пива в советскую пору в Казахстане, наверное, не было... Разве что качирское... Но даже и того, и другого летом было не достать.

На чужбине

Из письма однокурсницы, уехавшей в Германию: «Ты знаешь, у меня всё хорошо, я всё же вписалась... Работаю... Квартиру недавно новую купили – сразу с мебелью, с телефоном... Всё у меня есть...»

Но понимаешь: телефон есть, а позвонить некому. Совсем некому... Живу среди людей, а как будто в лесу – одна-одинёшенька... Чтобы хоть с кем-то поговорить по душам, я должна записаться на приём к психотерапевту. Час – пятьдесят марок...»

Персональный трап

Иногда спрашивают: почему в своё время не встали на защиту Компартии её рядовые члены, почти 18 миллионов человек, ведь не все же они были приспособленцами? Тут есть, конечно, над чем поразмышлять, но мне почему-то приходит на память письмо в редакцию – из перестроечных времен. В нем павлодарец, читатель газеты, рассказал о таком случае.

Он летел на обычном рейсовом самолете из Алматы. Самолет был полон, пассажиру место досталось во втором ряду, за человеком, в котором он без труда узнал нового первого секретаря обкома. Тот, впрочем, ничем особым не выделялся; весь полёт читал газеты и, едва самолёт вырулил на стоянку, оделся и направился к первому выходу. Сюда, как успел заметить в иллюминатор сосед-пассажир, уже подруливал трап. Часто летавший павлодарец ещё подивился такой оперативности, а также тому, что на этот раз к самолёту подают сразу два трапа, и устремился вслед за первым секретарём... Но не успел – тот уже спустился, а трап отъезжал. Оказалось, он был персонально предназначен для первого секретаря. Все остальные, как всегда толпясь и подталкивая друг друга, стали спускаться по второму трапу.

Эту картину, возмущаясь, и описывал наш читатель.

Сначала я не поверил ему. Но оказалось – всё правда. Первому секретарю обкома, к тому же депутату Верховного Совета СССР, по какой-то инструкции полагалось подавать отдельный – первый трап.

Изменилось ли что-то в этом смысле за последние годы? Пожалуй... Нынешние руководители подобного ранга предпочитают спецрейсы...

«А яйца я возлагаю на комсомол!»

Комсомол в своё время всегда над чем-то шествовал: над овцеводством, над трудными подростками, над ударными стройками...

В целинные годы павлодарская комсомолка выступила с почином – возродить «голубую целину», организовать повсеместно на селе, где есть хоть какой-нибудь водоем, утиные фермы. А на первом этапе требовалось обеспечить энтузиастов утиными яйцами. Эту непростую проблему и готовы были взвалить на свои плечи комсомолцы, призвав на помощь своих соратников по союзу из других регионов страны.

Присутствующий на областной комсомольской конференции секретарь обкома партии одобрил инициативу, завершив свою речь так: «Мы, конечно, со своей стороны тоже подтолкнём кого надо, а по яйцам, считаю, договорились – яйца я возлагаю на комсомол!»

* * *

Теперь этот случай вспоминают как анекдот. Но я сам был свидетелем того, как секретарь райкома партии закончил выступление на районном совещании по проблемам искусственного осеменения в овцеводстве энергичным призывом:

– А теперь все – на случку!

И его прекрасно поняли: никто даже не улыбнулся.

Аберрация сознания

Эту историю рассказал мне Н.Г. Шафер.

В своё время он отбывал срок за «систематическое распространение клеветнических измышлений о советском государственном строе» (на самом деле ничего подобного Шафер не совершал и впоследствии был реабилитирован).

Первые три месяца своего срока, пока велось следствие и шёл суд, Н.Г. Шафер провёл в павлодарской тюрьме.

– Сначала я попал в «привилегированную» камеру, – рассказывал Наум Григорьевич. – Она была рассчитана на четырех человек, в ней был деревянный пол и через зарешеченное окно даже проглядывал кусочек неба. А потом меня перевели в общую камеру, человек на тридцать, к уголовникам... И знаете, какое у меня было самое большое желание? Вернуться в прежнюю камеру! Не домой – об этом даже не думалось, а именно туда, где деревянный пол, краешек неба в окне и нормальные сокамерники...

«Он тоже за Сталина пострадал...»

После отсидки Н.Г. Шафера нигде не брали на работу – не только в его бывшем пединституте, но даже в школах. Согласился его принять, и только в вечернюю школу, бывший фронтовик, сталинист, объяснивший своё решение так: «Он тоже за Сталина пострадал!» Дело в том, что у Шафера при обыске нашли в квартире, кроме прочих «идеологически сомнительных» произведений, машинописную копию антисталинской статьи Варлама Шаламова «Голосуйте за Сталина!» (пафос её – голосуйте за вождя, если хотите возврата тех времён).

Директор школы, не знакомый ни с содержанием статьи, ни с «Колымскими рассказами» Шаламова, которые тогда ещё не были напечатаны, присутствовал на

суде, когда в качестве прегрешений Шафера не раз называли и эту статью, и решил, что тот тоже за Сталина.

Н.Г. Шафер же всегда с благодарностью говорил об этом директоре школы как о достойном человеке, который помог ему хотя бы таким образом вернуться в профессию.

Пусть знают

Н.Г. Шафер учился в КазГУ на одном курсе с Анатолием Ананьевым, который впоследствии стал известным писателем, редактором журнала «Октябрь». Отношения у них в пору учёбы сложились нормальные, ровные, но особо близкими не были никогда.

И вот, много лет спустя, они встретились в Москве, в редакции «Нового мира». Ананьев тут же, при всех, бросился обнимать Шафера.

– Что это ты вдруг так? – спросил Шафер, удивлённый столь необычным поведением всегда сдержанного Ананьева, когда они остались вдвоём.

– На всякий случай, – серьёзно отвечал тот. – Мало ли что... Пусть думают, что ты мой друг... Тебе не помешает...

Надоел!

Директор совхоза – казах – своей секретарше – после ухода надоевшего посетителя:

– Эта его морда лица совсем мне надоела! Не пускай больше ни разу!

Гумилёв шутит

Выдающийся евразиец, историк Лев Николаевич Гумилёв говорил:

– Врачи запретили мне пить водку, поэтому пью лишь чистый спирт.

Он же однажды пошутил:

– Меняю один insult на два инфаркта.

Переписка с Богом

Финская девочка написала письмо Богу с просьбой прислать сто марок (это финские деньги), которые ей очень-очень нужны.

По существующим в этой стране законам невозможные письма с неправильными адресами имел право открывать лишь президент. Тогда это был политический долгожитель Урхо Калева Кекконен (с 1958 по 1982 год). Просьбу девочки он принял близко к сердцу и деньги ей послал, свои собственные, посчитав, правда, что хватит и 50 марок.

Деньги были доставлены девочке домой на президентской машине. И она снова пишет Богу: «Спасибо тебе, конечно, но больше никогда и ничего не передавай через президента, потому что он половину твоих денег, отправленных мне, украл».

Всем курицам курица!

Люблю бывать на базаре, особенно приезжая в другие города. Одно из самых ярких впечатлений оставил одесский Привоз – этот постоянно действующий театр, за спектаклями которого можно наблюдать бесконечно.

Вот одна лишь сценка... «Куриный» ряд: янтарные, выстроенные по ранжиру тушки, кажется, устремлены торчащими вверх гузками прямо вам в сердце. Не товар, а произведения искусства. Но потенциальный покупатель, уже присмотрев подходящий экземпляр, на всякий случай интересуется:

– А вот эта курочка у вас часом не старая?

Ответ следует незамедлительно и даже как будто с обидой (похоже, хорошо сыгранной):

– Да шо вы такое спрашиваете? На ней даже петух не сидел!

Нарасхват

Художница Б. – человек без комплексов. И никакие жизненные передряги не могут лишить её вкуса к жизни.

Они с подругой в мастерской Б. Только что ушёл по уши влюблённый в неё шестнадцатилетний ученик.

– Даже не знаю, что с этим делать... – притворно вздыхает Б.

Чуть погода приходит мужик лет сорока с коробкой конфет и напоминает Б. о некоей договорённости.

– А это кто? – спрашивает подруга.

– Отец, – отвечает Б., – тоже, как видишь, интересуется.

Едва ли не следом заявляется ещё один визитёр с благородной сединой, импозантной внешностью и букетом цветов.

– А это дед, – невозмутимо поясняет Б. после его ухода. – Предлагает, как некогда говорили, руку и сердце.

– Я с тебя балдею, Б.! Знаю, что, кажется, у Жорж Санд были сразу двое – отец и сын. Но чтобы ещё и дед!

– Да я ещё ничего не решила, – отвечает занятая своим мыслями Б.

Всюду жизнь, или Куда подевались тараканы?

Давно это было... Зашёл ночью на кухню попить, включил свет и увидел такую картину: таракан тащит по электроплите выпавшее накануне из кастрюли распаренное зерно гречки. Совсем как муравей! Меня это так удивило, что я даже гоняться за ним не стал: попил, выключил свет и ушёл...

И вот думаю теперь: куда делись те тараканы, которые так досаждали нам в городских квартирах? И травили мы их, и ловушки разные ставили... Хотя, если по-честному разобраться, – ну чем они нам так мешали? Разве что эстетические наши чувства оскорбляли... Может, и ушли они оттого, что обиделись...

Что от чего зависит

Знакомому аксакалу предстоит операция на левом глазу – должны удалить катаракту. Он возмущается:

– Это ж сколько анализов сдать надо! Ну ладно, кровь – это я ещё могу понять. Но кал-то им мой зачем?

Сразу вспомнил сторонницу здорового питания, талантливую терапевта Татьяну Васильевну Столяревскую. Как-то она, подвигая меня на новый эффективный способ чистки организма, приводила и такой аргумент:

– Вы даже представить себе не можете, насколько зависит работа вашего головного мозга от состояния прямой кишки и всего вашего кишечника!

Опыт жизни

Чиновник, прошедший череду самых невероятных должностей во власти, так объяснял близкому кругу секрет своей непотопляемости:

– Надо уметь вписаться в кривизну руководящего кресла, что не всем удаётся...

Неблагодарность, или Мужское самомнение

Российские литераторши Виктория Шохина и Татьяна Бек вспоминали, как гуляли зимой в Москве по бульвару, что был когда-то в середине Ленинградского проспекта. Поздний вечер, сугробы, мороз... И вдруг видят: в сугробе кто-то скрючился. Растолкали, подняли, отряхнули от снега, посадили на скамейку, расчистив место. Скрюченный очнулся, оказавшись пьяненьким мужичком, невысокий такой, щуплый. А они обе, что называется, в теле. Мужичок посмотрел на них мутным взором и говорит: «Девки, не обижайтесь, двух не потяну. Вы уж сами меж собой договоритесь – кого...» Эпизод этот надолго вошёл в их обиход. Как пример мужского шовинизма и самомнения.

Устами младенца...

Знакомые крестили трёхлетнего сына в Павлодарском Благовещенском соборе. Бабушка потом спрашивает у внука:

– Ну расскажи – где был, что видел? Понравилось?

Он отвечает:

– Я был в кабинете у Бога.

143

Кто больше враг

Брат поэта Павла Васильева Виктор Николаевич, фронтовик, отсидевший ни за что в лагерях десять лет и, конечно, потом реабилитированный, рассказывал мне историю о том, как корректорше газеты припаяли статью о контрреволюционной пропаганде за то, что она допустила вредительский перенос в фамилии маршала Блюхера (в именительном падеже). Её посадили, потом расстреляли уже самого Блюхера как врага народа. А она ещё с год сидела и писала жалобы, пока, наконец, не освободили...

Уже в новые времена меня, редактора, прорабатывали мои кураторы за «вредительский перенос» слова «крестьяне», когда «не» оказалось на новой строке якобы специально, и получилось «крестья-не поддерживают президента». Можно было бы и посмеяться. Но тогда мне было не до смеха. Вот уж точно, в газетном деле мелочей не бывает...

Безысходность

Я знал его лет тридцать. Его звали Сергей. И всегда он мне казался волевым, мужественным человеком. Всю жизнь занимался спортом, испытывал себя на предельных нагрузках. Как-то затеял забег на сто километров, потом – заплыв на 25 километров.

Работал тренером по плаванию, подрабатывал грузчиком. Всегда был собран, сдержан, деловит.

Однажды вечером Сергей отнёс сестре двух живших у него кошек, попросил мелочи на проезд, сказал, что его не будет несколько дней... Вернулся домой и повесился.

Почему он так поступил? Может, что-то у него случилось? В общем, ничего особенного. В бассейне его сократили, в магазине сказали, что грузчики им больше не нужны, другой работы не находилось... Семью завести не успел, жил одиноко, замкнуто... В петлю его загнали беспросветность настоящего, пугающее своей неизвестностью будущее, страх одиночества.

Провидческие строки

В своё время актер и талантливый пародист Валентин Гафт написал ядовитую эпиграмму: «Россия, слышишь страшный зуд? Три Михалкова по тебе ползут». Имелись в виду отец – поэт и общественный деятель Сергей Михалков, и его дети – знаменитые кинематографисты Андрон и Никита. Все трое – сверхактивные люди.

А когда Россия приняла новый текст государственного гимна, отдав предпочтение из многих предложенных вариантов опять Михалковскому (старший Михалков соавтор первого – сталинского, автор второго – после-сталинского, а теперь вот и третьего), российские юмористы язвительно иронизировали: большое видится на расстоянии – в той эпиграмме была заложена более глубокая аллегория. Под ползущими по России тремя Михалковыми В. Гафт иносказательно имел в виду три версии государственного гимна.

Благодарность

Ухоженная могила на городском кладбище. Уже не один год за ней присматривает пожилая интеллигентная женщина. Она делает это по собственной воле, хотя тут похоронен чужой ей человек.

Вот её история.

1942-й военный год. Глухая деревенька, затерявшаяся на необъятных просторах Северного Казахстана. Школа-восьмилетка. Расшалившиеся на перемене ученики уронили висевший в классе портрет Сталина в застекленной рамке. Стекло разбилось, порезав непрочную бумагу с изображением вождя народов.

Классная руководительница – немка с Поволжья, спецпоселенка. Она знает, что у неё в школе есть недруг, и он тотчас сообщит о случившемся «куда следует». И она сама едет в район, идёт к начальнику районного НКВД. Обливаясь слезами, рассказывает...

– Знаю-знаю, – говорит он ей, – уже есть сигнал.

– Что же мне теперь делать? – в отчаянии спрашивает она.

– Вам надо немедленно уехать, – отвечает он, – идите в районный отдел образования за новым назначением, я позвоню заведующему.

Умный человек, он сразу понял, что дело не стоит выеденного яйца, как и то, что житья ей в той школе не будет.

Её с охотой взяли в другое место, где она продолжала преподавать свою математику. Первое время ждала, что за ней придут, а потом успокоилась. Спустя годы судьба свела их в столице Казахстана. Она подошла, напомнила о себе. Он ответил: «Да-да, я помню». Она помогала жене хоронить своего спасителя, когда он умер. Потом его жена уехала в другой город к детям. А старая учительница много лет ухаживает за могилой.

Ярмарка тщеславия

Когда-то берег Иртыша от бывшего Дворца тракторостроителей и до речного вокзала был застроен сплошь одноэтажными домишками. Исключение составляли привилегированный трёхэтажный «обкомовский» дом да спасательная станция. Теперь же иртышский берег – настоящая ярмарка тщеславия, на которой новые хозяе-

ва жизни будто соревнуются друг с другом – чей особняк или дворец круче. Новые жилища, наклепанные вдоль береговой линии, где по-хорошему и строить-то подобные хоромы не следовало, вполне отражают вкусы их хозяев. Вернее сказать, пристрастия, потому что о чувствах вкуса и меры говорить не приходится. А роднят их все высоченные глухие заборы, как будто хозяева постоянно ждут нападения невидимого противника. И будто в назидание потомкам стоят многие из новых хором на улице основоположника учения, заклеившего капитализм, – Карла Маркса.

Чебацкие были

Старожилы прииртышских сёл называют себя чебаками – тёзками самой распространённой здешней речной рыбы, по-научному плотвы. Вот несколько коротких сюжетов из жизни старого качирского рыбака Проскуракова.

– Плавать мы выучивались, едва научившись ходить, и с малолетства держались в Иртыше как поплавки. Но я лет, наверное, в семь чуть не утонул. Мне надо было протоку переплыть – неширокую, с быстрым течением, что я уже не раз делал. Но тут надо было это сделать с ведром: ребята на другом берегу рыбу поймали и послали меня за ним, чтобы уху сварить. Ведро было наше общее, самодельное – жестяная пятилитровая банка из-под повидла с прилаженной к ней проволочной дужкой. Я переплыл на другой берег, отыскал ведро, припрятанное в кустах, – и бегом обратно. Но оказалось, что плыть с ведром на сильном течении неудобно, банка стала зачерпывать воду и тянуть меня вниз. Я плыть пытаюсь, а сам ухожу раз за разом под воду, не отпуская ведра. Я не столько утонуть боюсь, что было вполне возможно, сколько без ведра остаться. Ребята же засмеют, не простят...

Кое-как выплыл, нахлебавшись иртышской воды, но далеко меня отнесло вниз по течению. Иду с ведром,

ребята спрашивают: «Чего ты там барахтался, за корягу что ли зацепился?» – «Да так, – говорю, – вышло...»

Не признался, словом... Но до сих пор помню...

* * *

В деревне у нас существовало негласное правило: сразу после разлива, во время нереста, рыбу в Иртыше не брать. Но мы же пацаны – разве утерпишь? Ну и наловили бредешком в укромном месте разной рыбёшки. И нас за этим делом взрослые мужики прихватили. Заставили весь улов по дворам разнести. Это чтобы позора больше и чтоб в другой раз неповадно было...

* * *

Разливы на Иртыше иногда бывали такими, что как-то даже наш прибрежный колодец половодьем захлестнуло. А когда вода ушла, и мы опять стали им пользоваться, я большим ведром из него щуку вытащил. Кручу ворот и слышу – вроде что-то в ведре плещется. А когда оно показалось над венцами колодца, глазам не поверил: щука – живая.

* * *

По осени, к концу сентября, неглубокие пойменные озера пересыхали так, что становились лужами, где нам было по колено. Но там ещё оставалась рыба. Мы начинали взбаламучивать воду до того, что она становилась совсем грязной. Рыбе нечем было дышать, она выплывала наверх, чтобы глотнуть воздуха, и мы хватали её голыми руками.

Как теперь пишется история, или Цензура на новый лад

В вышедшей некоторое время назад энциклопедии области кого только нет... А вот одному из акимов области, а он побыл до этого акимом другой области и министром, места не нашлось. Потому что он ушёл в

оппозицию, за что и срок схлопотал – формально по уголовному делу.

Зато во всех ипостасях представлен в той же энциклопедии другой аким области, уже после выхода энциклопедии официально обвинённый в создании преступной группы и получении взяток на десятки миллионов тенге. И отделавшийся за эти свои деяния всего лишь условным сроком.

Роднит же их обоих то, что и первый, и второй хорошо себе отдавали отчёт в том, на что они шли.

К чему я это всё? К тому лишь, что в следующем издании энциклопедии хорошо бы восстановить справедливость и привести, кроме прочих, и вышеизложенные факты биографий этих людей, руководивших областью.

Напиток богов по-казахски

Архимандрит Иосиф в бытность игуменом служил благочинным церковью первого Павлодарского округа и активно участвовал в общественной жизни.

Однажды, возвращаясь с очередной сессии Ассамблеи народа Казахстана в составе делегации области, он оказался в одном купе поезда с Канатом Болатовичем Даржуманом – в то время заместителем председателя областной ассамблеи и большим любителем розыгрышей. Само собой, в пути они «пригубили», и Канат Болатович на полном серьёзе убеждал православного священника, что в Казахстане уже вот-вот будет выпущен чудо-напиток «кумьяк» – на основе двух составляющих – кумыса и коньяка. Отсюда и название.

Архимандрит потом много лет сокрушался, что так и не смог его попробовать.

Архимандрит-гастарбайтер

После Павлодара игумен Иосиф, получивший чин архимандрита, служил на разных должностях в Восточ-

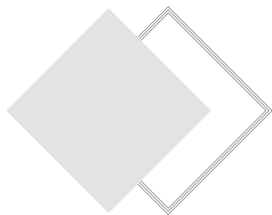
ном Казахстане и Алматы. А недавно переведён в Томскую епархию.

– Теперь я гастарбайтер, – говорил он мне во время недавней встречи в Павлодаре, куда приезжал навестить свою мать.

– Как это? Почему? – удивляюсь я.

– Обыкновенно. Я ведь гражданин Казахстана и, как иностранец, обязан регистрироваться в России, получая миграционную карточку. И, как иностранец, могу там находиться до трёх месяцев. А потом снова должен вернуться в Казахстан и заново выезжать в Россию.

Чудны дела твои, Господи! Иначе в подобной ситуации и не скажешь. Хотя при чём тут Господь...

Блёстки

Эрудит

Одну из своих публичных речей в колхозном клубе Иван Секретарёв (а выступал он практически на каждом собрании) начал так:

– Уважаемое аудиторное присутствие!

На собрании в очередной раз утверждали на должность старого председателя. Иван высказался против и обосновал свою позицию:

– Да будь у него хоть семь пятен во лбу, я всё равно скажу «нет»: разве можно доверять колхоз человеку, который полностью атрофировался от коллектива.

В зале смешки, легкий шум. Уставшие от долгого сидения, надоевшей всем процедуры, люди не прочь отвлечься... Однако председательствующий требует порядка, урезонивает Ивана:

– Не носи ахинею, а то лишу слова!

– Может, ещё скажешь – галиматню, – парирует Иван и, перекрывая хохот в зале, громогласно заканчивает: – Ну нет, теперь-то уж я точно в принцип встану!

Ультиматум

Недавний выпускник зооветеринарного техникума, назначенный техником-осеменатором, через несколько недель самостоятельной работы приходит к председателю колхоза:

– Вы определитесь наконец, кто вам нужнее: я или бык!

Непосредственность

В совхозном клубе идет собрание, посвященное итогам уборки урожая. Чествуют комбайнеров-победителей. Директор объявляет фамилию механизатора, занявшего третье место, и сообщает о том, что ему полагается ценный подарок – стиральная машина. Называется вто-

рой призёр и причитающийся ему приз – телевизор. В зале гремят аплодисменты. Розовые от смущения герои жатвы принимают подарки.

Доходит очередь и до победителя. Ему, единственно-му из всех, директор вручает Почётную грамоту и, не успевая сообщить, что к ней ещё полагается мотоцикл, слышит вместе со всем залом его раздосадованный рокочущий бас:

– Так это что ж... получается? Мне, выходит, почти что ни хрена?

Как «блётка» журналистам помогла

Однажды эта «блётка» стала рычагом прямого действия. Её прочитал и запомнил Роман Васильевич Скляр, работавший тогда у нас в Павлодаре первым заместителем акима области. Накануне Дня казахстанской журналистики они обсуждали с тогдашним акимом Б.А. Сагинтаевым список моих братьев, коих собирались наградить денежными премиями, Почётными грамотами и благодарственными письмами акима.

Всего таковых набралось пятнадцать. Первым пяти предполагались конверты с 500 долларами каждому, а оставшимся десяти – знаки высокого морального поощрения.

Тогда-то и повторил Роман Васильевич фразу раздосадованного победителя социалистического соревнования на уборке урожая:

– Выходит, этим десяти, как у Поминова в «блётке», почти что ни хрена?

– Как это ни хрена, что значит ни хрена? – удивился и даже обиделся аким области.

И тогда Роман Васильевич объяснил, в чём суть дела. Они вместе посмеялись над вечной, как жизнь, коллизией, и конверты с денежными премиями получили все журналисты. Знали бы они, неблагодарные, что обязаны этим литературному герою и равнодушному читателю!

Подобная практика действовала не один год... А потом опять вернулись к прежней.

Роман Васильевич занимает теперь высокий пост в правительстве... Может, ещё раз подкажете, Роман Васильевич? Вас же точно послушают...

Психология очереди

За многие годы Советской власти, особенно за последнее время, у наших людей, а у номенклатурной верхушки в ещё большей степени, сформировалась устойчивая психология очереди: ненавидеть тех, кто впереди, презирать тех, кто сзади, и по возможности расталкивать локтями тех, кто рядом...

Приходится констатировать: новые времена в этом смысле мало что изменили.

152

Почём Россия?

Ходил в воскресенье на барахолку. Вот уж куда не растает народная тропа: не только все торговые ряды, но и все мало-мальски свободные места заняты торговцами. Их едва ли не больше, чем покупателей. Новые «предприниматели» хорошо знают друг друга, в случае нужды подстраховывают, обмениваются информацией.

Вот одна из коммерсанток кричит – через торговый ряд – своей знакомой:

– Вер, а Вер, почём у нас сегодня Россия?

Та тут же откликается, называя сумму.

Сразу никак не пойму – о чем говорят, о каком товаре речь... Оказывается, это сегодняшней курс валют – российского рубля по отношению к нашему казахстанскому тенге.

И грустно, и смешно.

1993 г.

Какой теперь блат

Представления о блаате как таковом в наши смутные времена сильно поменялись. Недавно не без труда удалось устроить близкого мне человека – тётку – на работу в контору, которой руководит мой приятель. Работает тётка-пенсионерка уборщицей – моет полы в служебных кабинетах.

В чем же блат, спросите? А в том, что в этой конторе вовремя дают деньги. В перерасчёте на доллары выходит около полусотни в месяц. Не разбогатеешь. Но тётка довольна, почти счастлива: на прежней работе ей не платили по году-полтора, пенсию приносят с двухтрёхмесячной задержкой, а тут – зарплата день в день.

1995 г.

Стабилизация

Когда я в очередной раз слышу из уст политиков – российских ли, наших ли, казахстанских, утверждения о том, что в экономике началась долгожданная стабилизация, мне приходит в голову такое сравнение. Лежит в больнице тяжёлый больной, состояние его нестабильное, критическое – как говорят, между жизнью и смертью. И вот он, к несчастью, умер. Это ведь тоже своего рода стабилизация, теперь-то его состояние ухудшиться больше не может.

Мне кажется, стабилизация, о которой твердят политики, выдавая желаемое за действительное, из разряда подобных...

1997 г.

Из жизни денег

Было время, когда наличные деньги стали страшным дефицитом. И поскольку людям как-то надо было жить, из этой ситуации находили самые невероятные выходы.

На Ермаковском заводе ферросплавов, например, ввели свои собственные деньги – напечатали бумажки разного достоинства, которые выдавались его работникам и принимались в качестве платёжного средства в столовых, заводских магазинах и т.д. Инициаторами новшества были коммерческий директор Мухин и генеральный директор завода Донской. Заводские юмористы тут же окрестили местную валюту МУДОНами – по начальным буквам фамилий их изобретателей.

Одиночество

Зимний вечер. Пригородная электричка. Несколько припозднившихся пассажиров сгруппировались на сиденьях в центре пустого вагона. Холодно, неудобно, тоскливо. Все молчат.

Вдруг с визгом отодвигается дверь, и в вагон вваливается мужик – в унтах, шубе, мохнатой шапке, огромный – во весь проём... Решительно направляется к сидящим. У них и вовсе душа в пятки.

– Не возражаете, если посижу с вами? – утробно бабит он и, не дожидаясь ответа, сконфуженно оправдывается: – А то сижу один на весь вагон – жутко...

Оптимизм

– Не смотрите, что я худой и кашляю, – горячился старик, – у меня все почки в сале.

Несправедливость

Парень смолоду был мал ростом и получил обидную кличку – Окурочок. Вырос, стал мужиком, детей завёл – кличка осталась. Состарился, умер... Так и схоронили – Окурочком.

Проза жизни

Рабочая столовая. Обед закончился, работницы столовой поели сами и допивают чай. Посудомойка Валида, сорокалетняя татарка, встает из-за стола первой – идет звонить сыну. Все остальные вслушиваются в разговор.

– Линарик! Из школы пришёл? Пришёл... Костюм в шкаф повесил? Повесил... Ой, молодец (звучит – как «молодесс»). Пообедал? Пообедал... И посуду помыл? Уй ты моя умница (у неё выходит – «умнисса»).

Короткая пауза. Снова её голос – с тревогой и надеждой:

– Линарик, а по математике спрашивали? Спрашивали... Как двойка, Линарик? А, по контрольной... Свольшь ты, а не Линарик, билят ты...

Валида кладет трубку, сморкается в передник и, плача, идёт мыть посуду.

Отчего человеку хорошо?

Говорили о жёнах и мужьях, семейной жизни, разводах, и женщина 45 лет мечтательно сказала:

– Я до сих пор помню те свои чувства. Поздняя осень, но ещё тепло... Тротуар весь в палых листьях... Я в новом сером пальто, в туфлях на шпильках... Иду из суда, где нас только что развели... Всё моё существо, каждая клеточка поёт: «Всё, его больше не будет в моей жизни, мне не надо больше его видеть... Я свободна...» Я не иду, а лечу... Я счастлива, как в детстве...

Заноза из детства

Бывают в жизни события, как будто мелкие, второстепенные, которые сидят в памяти, словно занозы. И саднят...

Вот одна такая заноза – из детства.

Мы крепко поругались с соседом Колькой Шарубиным, моим одноклассником. Дошло до горячего – со-

шлись грудь в грудь, как петухи. Вот-вот должны пойти в дело и кулаки.

Я знаю, что Колька после операции, у него недавно вырезали аппендицит, и думаю: как врежу ему в живот – посмотрим, как запоёт.

Что-то удержало – не ударил.

Было это в классе шестом-седьмом, столько лет прошло. А до сих пор стыдно, как вспомню, что хотел сделать...

Стандарт

Секретарь обкома партии по сельскому хозяйству, приезжая в хлебный район на уборку, качество работы проверял так. Ставил «на попа» спичечный коробок, и если, не дай бог, стерня скрывала его, тут же устраивал разнос всем присутствующим, начиная от бригадира и кончая первым секретарем райкома.

Комбайнеров, как ни странно, он никогда не трогал.

Гротеск

Позвонил знакомому председателю колхоза – узнать, как дела, какие виды на урожай.

– Веришь – нет, заливают дожди: сено в валках сопрело, боюсь – хлеб сгниет.

– Так уж и сгниет, – усомнился я, зная его страсть к преувеличениям.

– А ты приезжай, – тут же нашёлся он, – оставлю тебя на сутки в поле – точно яйца мохом обростут.

Диагноз

Из выступления оратора-антикоммуниста на демократическом митинге:

– Фундамента капитализма в Казахстане не было, стены социалистического здания возводились на песке. В результате коммунистическая крыша и поехала...

Логика

Старшина-сверхсрочник проводит воспитательную беседу с личным составом вверенного ему подразделения:

- Лежите на кроватях в ботинках – а отсюда недисциплинированность на боевом дежурстве!
- Беспорядок в тумбочках – а отсюда двойки на политзанятиях!
- В самоволки бегаєте – а отсюда женитесь!

Фольклор

Часть деревни находилась за лесом и звалась Прицепиловкой, а другая, располагавшаяся на задворках по сути единственной, а потому главной улицы – Зажопинкой.

Так и говорили: живу в Прицепиловке или на Зажопинке...

Стиль жизни

Один мой знакомый, холостяк, страшный неряха и разгильдяй, чистил зубы и ботинки в двух случаях – когда его вызывали в райком партии и когда он шел ночевать к знакомой женщине. В общей сложности получалось раза два в месяц.

Производительность труда

Помощник большого начальника, переживший уже не одного своего шефа, после очередного вызова к нему сокрушённо вздыхает:

- Тяжело работать с молодым руководителем, очень высокая производительность – слишком много решений в единицу времени.

Нарушил субординацию

Сын наших знакомых после долгих мытарств устроился на работу – возит теперь на машине начальника средней руки.

Рассказывает, что тот отличается редким самодурством. Однажды прямо из машины начинает распекать по сотовому телефону кого-то из подчинённых. Его собеседник, похоже, не согласен с шефом, пытается ему возражать. Начальника это приводит в бешенство:

– Вы что, не понимаете, с кем говорите? Может, вы ещё и сидите?

Афоризм

Любимое выражение председателя колхоза – ветерана:
– Хозяйство вести – не яйцами трясти.

Сын своего отца

Пилим с братом дрова для бабушки. Нам помогает сын её соседа – семилетний Сашка: крутится рядом, что-то поддерживает, что-то подаёт. Он весь в отца: такой же круглый, розовощёкий и обстоятельный.

У него и топор свой – принёс из дому.

Дрова перепилены – надо колоть.

Спрашиваем:

– Сашка, а у тебя топор-то острый?

Он – степенно:

– Ну да: папка гострил-гострил, потом я...

Признание

Вечер. Семья у телевизора: бабушка, её сын с женой, трое их детей-школьников. Только что закончилась телепередача «Песни прежних лет». Глава семьи, ни к кому конкретно не обращаясь, с досадой сказал:

– Какую страну профукали!

Подумал, вздохнул и добавил:

– И я в этом принимал участие...

Плоды просвещения

Мой друг женат на гречанке. Они живут душа в душу, имеют двоих детей. Друг воспитывает их в духе уважения к родителям – отца они зовут исключительно на «вы». Много сил он уделяет просвещению детей, рассказывая об исторической родине их матери. И вот, наконец, первый блестящий результат. Вернувшаяся из школы дочь радостно заявляет с порога:

– Папа! Я сегодня сказала на уроке: первыми на земле появились динозавры и греки, но греки всё равно раньше! Вы ведь так меня учили?

О чём думает утопающий

Познакомился в дороге с мужиком. Разговорились. Он рассказал мне, как недавно тонул.

– Поехал первый раз в жизни на рыбалку – друзья вытащили. Сел в резиновую лодку, оттолкнули меня от берега, отплыл... Потом неудачно повернулся – и лодка опрокинулась. Конечно, тонуть стал – плавать же не умею... И вот что в это время в голове вертится: «Как всё глупо! Зачем поехал? Теперь жене столько хлопот будет – похороны, это ж такая круговерть...» В общем, не страх, а досада. Вытащили меня ребята... Воды, правда, нахлебался...

Шляпа

На большом тое довелось стать свидетелем такого разговора. Один почтенный аксакал, разглядывая велюровую шляпу другого, спрашивает:

– Как вам удалось её сохранить? Такие уже лет двадцать не носят...

– Так и людей таких давно нет, – сразу нашёлся его собеседник.

Философия жизни

Когда односельчане укоряли нашего соседа дядю Яшу Кукарекина за беспутный образ жизни, он беспечно отмахивался:

– Не вам жить – а мне. Бог даст день, Бог даст поллитру.

И вправду, дня не было, чтобы он остался трезвым.

Контраргумент

– За хорошим-то мужем и свинка – господинка! – поджав губы, всякий раз говорила наша соседка тетя Нюра, когда хвалили её невестку.

Неожиданное сравнение

Встретил приятеля – нового русского. Спрашиваю, как дела.

– Да уж получше, чем у государства! – неожиданно с вызовом отвечает он.

Диетик

Знакомый казах-начальник говаривал в преддверии зимы:

– Ну всё, согым заготовил, перехожу на диетическое питание – теперь никаких овощей и фруктов – буду есть только мясо.

Метаморфоза

Когда они только поженились, он говорил о своей жене – маленькой и хрупкой как тростинка:

– Моя четвертинка!

Затем, по мере того, как она набирала габариты:

– Моя половина!

А когда та сравнялась с мужем объёмами – просто:

– Моя!

Откровенность

Смазливая студентка пытается заигрывать с профессором в расчёте на его благосклонность на экзамене.

– Милая моя, – слегка гнусавя, замечает он в ответ на эту маленькую уловку, – я уже в таком возрасте, когда согласие пугает больше, чем отказ...

Отношение к жизни

Для одного весна – сплошной праздник: скворцы прилетели, распускаются листья, зазеленела трава.

Для другого – одни раздражающие хлопоты: снег надо от дома отбрасывать, огород копать, грязь кругом...

Господа-товарищи

Идет сессия областного маслихата. Прослушали доклад, начинаются прения. Слово берет депутат из первые избранных. Говорит, слегка волнуясь от осознания собственной значимости.

– Я вам хочу сказать, товарищи... – тут же сбился, будто произнёс что-то не то. – Я извиняюсь, конечно, господа...

В зале смешки, и сразу не поймёшь, кого тут больше: бывших товарищей или нынешних господ.

Почему нет порядка

Едем с коллегой-начальником по родному городу, он за рулём служебной иномарки... Нас останавливает гаишник: нарушили правила. Пытаемся договориться – не получается... Коллега тут же звонит по сотовому гаишному начальству, и нас отпускают, без всяких последствий.

Молчим... Потом он, будто размышляя вслух, говорит:

– Позвонил... Сразу отпустили...

И заключает решительно:

– Нет, никогда у нас не будет порядка!

Экспромт (блѣстка от А.Ю. Таракова)

Дружеский ужин в узком кругу с участием президента АО «Казахстанская правда» А.Ю. Таракова. Уже слегка приняли на грудь, и один из участников застолья начинает подначивать Александра Юрьевича: правда, мол, что он сочиняет экспромты?

- Бывает, – скромно соглашается тот.
- А прямо при нас на заданную тему сможете?
- Попробую, – соглашается А.Ю., – задавайте тему.
- Ну вот хотя бы про Поминова...

Прошло, наверное, минуты полторы или две, и мы услышали:

Из Поминовых помню я Петра,
А Юрия довольно часто вижу...
И потому, друзья мои, предвижу:
За братьев выпить нам пришла пора!

Конечно же, мы не могли не откликнуться на этот призыв.

Маска

На лице у этой женщины, давно занимающей руководящие посты, казалось, навсегда застыла маска-гримаса, в которой смешались вечная озабоченность, постоянное недовольство, и ещё читался некий всегда мучающий хозяйку вопрос: «Ну за что и зачем мне всё это?»

Интересно было бы посмотреть – снимает ли она эту маску дома?

Взаимозачѣт

В конце девяностых годов прошлого века горожане были постоянными должниками за электроэнергию, тепло, воду...

Поставщики этих услуг использовали самые разные способы борьбы с неплательщиками – вплоть до описа-

ния по суду и реквизиции их домашнего имущества. Но и они не помогали.

А в Павлодарском горводоканале придумали «мягкий» и эффективный метод погашения хотя бы части долгов. Поскольку и это предприятие месяцами не платило зарплату своим работникам, оно решило свести их с должниками за поставленную воду на своеобразном базаре-аукционе. Должники приносят годные к употреблению товары народного потребления, а работники горводоканала их приобретают – на сумму по договорённости. После «купли-продажи» в квитанции должника ставиться отметка на сумму «продажи», а «потребителю» (работнику горводоканала) засчитывают её в счёт долга по зарплате.

И самое поразительное, что эта «суперрыночная» мера бартера работала!

Человек-волк

У него мощная шея-загривок, сразу переходящая к затылку. Он никогда не вертит головой, а если надо взглянуть вбок, поворачивается в сторону всем корпусом. Говорят, точно так ведёт себя матёрый волк.

Жила-была бабушка

Любовь Ивановна Кравцова много лет проработала звукорежиссёром на областном радио. Я давно знаком с ней, но не знал, какая она удивительная рассказчица. Попытаюсь воспроизвести несколько эпизодов из её воспоминаний о своей бабушке.

* * *

– Меня бабушка воспитывала, донская казачка. Бывало, обидится на меня и выговаривает: «Любка ты Любка, я ж тебя с самой пупинки выходила!»

* * *

– Классе в восьмом я задружила с одноклассником Ванькой. А приходиться домой было строго-настроено велено до темноты. Один раз я подзадержалась – дверь уже закрыта. Стучу, а бабушка мне: «У нас все дома, а ты иди сучкуй дальше!» Понятно, от какого слова – «сучкуй»?

* * *

– Иной раз выдавала такое, что и не сразу поймешь. Вот, например: «Бьюсь я с тобой, Любка, бьюсь, а всё никакого лизуртату».

* * *

– Собирается к местному фельдшеру и говорит: «Ты мне, Любка, набери денег – чтобы помельче были...» – «Зачем, бабушка?» – «Та знаю я того Полупана – ему надо зараз свои лекарства сбыть. А я сразу скажу: у меня денег трошки, вот усе в жменьке».

* * *

– А умерла моя баба вот как. Вышла в 83 года во двор кур покормить, охнула, присела на завалинку и умерла.

Древняя бабушка

Внук Люды Гришиной Глеб увидел по ТВ, как глядят старым утюгом с углями, помахивая им время от времени туда-сюда, чтобы они не потухли, а он не остывал.

– Что это за утюг такой? – спрашивает внук.

Она объясняет, говорит, что он очень старый, такими тогда гладили, вот и у них дома такой тоже был. Внук резюмирует:

– Какая ты, оказывается, древняя, баба!

И после недолгих раздумий интересуется:

– Баб, а ты, может, и динозавров видела?

Лягушка имеет право...

Из афоризмов внучки моих друзей Насти Пуцелевой:

– Даже лягушка имеет право быть свободной!

Портрет деда

Пятилетняя внучка говорила, разглядывая деда:

– Какой-то ты стал старый, маленький и весь потрепался...

Это она его морщины имела в виду.

После похорон

У знакомой умерла мать. Похоронили. Едем с кладбища. Вдруг она говорит:

– Что же это я ей кофту не надела – мороз ведь какой...

Аналогия

Вскоре после того, как в нашем городе появились первые легковые машины престижной шведской фирмы «Вольво», у водителей персональных «Волг» вошла в обиход присказка: «Век «Вольво» не видать»...

Родственные души

Удивительно, как часто шофёры становятся похожи на своих начальников, которых им приходится долго возить. Ещё подобное случается с супругами по прошествии многих лет совместной жизни.

Хитроумная няня

Детсадовские дети очень разные: кто-то привыкает к новому образу жизни быстро, кто-то с трудом, кто-то не привыкает никогда. Вот один из таких «неприспособляемых» плачет в раздевалке, зовёт маму.

– Ну где я тебе её возьму? – возмущается грубоватая няня. – Нарисую, что ли...

– Нарисуй! – ещё пуще заливается он.

Няня недолго думая черкает на первом попавшемся листке нечто совершенно невообразимое и суёт рисунок мальчишке:

– На тебе твою маму!

И происходит удивительное: тот мигом успокаивается, всюду носит листок с собой, в «тихий час» прячет под подушку... И больше у этой няни проблем с воспитанником нет.

* * *

Той же самой няне предстоит кормить детей. Она знает, что манную кашу они не очень любят, и пускает в ход «домашнюю заготовку»:

– Дети, что я принесла?

– Ка-а-су! – отвечает нестройный хор.

– А помните стишок, который я вам в прошлый раз рассказывала?

– По-о-о-мним!

– Кто расскажет – тому и каша, – объявляет она.

Это уже игра, это интересно. Все наперебой тянут руки.

– Ну, давай ты, – выбирает она одного из самых бойких, зная, что после него и другие смогут повторить.

– Каса манная, ночь туманная, посулила – не дала, окаянная, – заученно, как на уроке, выдаёт тот.

– Молодец, получай кашу... Кто следующий?

Детям от двух до трёх лет, многие толком ещё говорить не научились. Им совершенно неведом смысл прибаутки. Но это в данном случае и неважно. Главное, дело сделано – ненавистная каша будет съедена.

Оптимист

Когда нашего соседа Серегу Хвостова укоряли маленьким ростом, он хладнокровно парировал:

– Это ничего: маленькие, они в хрен растут!

Характеристика

О вредном человеке:

– Такие рождаются не для того, чтобы жить, а назло другим.

Строители

В нашем дощатом дачном туалете провалился от старости пол. Неприятность, конечно... По строительной части я не мастак, надо кого-то просить, искать доски... Походил кругом, разобрал всё гнильё, нашёл несколько подходящих отрезков доски. Позвал в помощники младшего сына Пашку. Уже вдвоём вымеряли, пилили, перестилали, по очереди прибывали... Когда закончили и попрыгали на пару для проверки настила на прочность, чувство было такое – будто дом построили.

Хорошая закуска – капуста

Видя, как гости за столом охотно уплетают хрустящую, мастерски поквашенную капусту, хозяин дважды посылал жену за добавкой, приговаривая:

– Хорошая закуска – капуста: и на столе не пусто, и подать не жалко.

Секрет успеха

Владимир Иванович Чужба – мой давний знакомый, пчеловод с почти полувековым стажем. Его ульи в любой год с медом. Я всё выпытываю секреты его успеха.

– Да какие там секреты, – досадливо отмахивается он, – просто пчелу надо любить больше, чем жену!

– А почему наши пчёлы злые, кусучие, а на юге – нет?

– Ну, спросил тоже... – сердится он. – Южная почти всю зиму летает, а нашу как запрут в конце октября и только в конце марта выпускают на белый свет... Почти полгода не какаши – это кто ж такое выдержит? Тут сам себя укусишь!

Способ защиты

Пошутив неудачно (что поделаешь – бывает), А.М. обычно замечал:

– Каждый шутит как может.

Иногда это срабатывало. Иногда – нет. Тогда он добавлял:

– Если не может, всё равно шутит!

Последнее срабатывает почти всегда.

Реклама – это искусство!

Пришёл на базар покупать шиповник. Сухонькая, разбитная старушка агитирует:

– Бери у меня – не пожалеешь: сухой, чистый, ядрёный.

И, видя, что я почти созрел, добивает:

– Не шиповник, а коровьи титьки!

Ну как тут не возмёшь!

Когда умирать человеку

Подруга матери тетя Шура Горлова несколько раз собиралась помирать, а потом откладывала это дело. И всегда по уважительной причине. По такой, например:

– Как же я умру, если ничего вам не наказала – кому что достанется, – объясняет сыну своё выздоровление.

В очередной раз говорит моей матери:

– Никак мне сейчас нельзя помирать.

– А теперь что? – уже зная эту её особенность, деловито спрашивает мать.

– Да как же? Денег дома нету... Дочери не платят, зять не работает. На мою пенсию живём... Так что погожу ещё.

Спустя какое-то время тетя Шура опять за своё: пора мне, пора, зажила на этом свете. И снова раздумала. На этот раз по такой причине:

– А кажут, у двухтысячном годе конец света будэ. Так что уже немного ждть. Я уж тогда вместе со всеми.

Когда тётя Шура умерла, её дочь говорила мне:
– Я не верю, я всё жду, что она ещё что-нибудь придумает...

Из неопубликованного романа однокурсника
Женщины начали оголяться, ибо наступила весна.

* * *

И жизнь вновь показалась отнюдь немаловажной.

Новое имя

Свою учительницу Галину Фёдоровну ученики, сократив и объединив её имя-отчество, звали между собой Галифе.

«Курвычут журавли...»

Петь он любил, и голос у него был приятный. Но был и дефект речи. И когда, случалось, в компании он заводил прониновенно свою любимую: «А где-то там, вдали, курвычут журавли, они о родине заснеженной курвычут...» – остальные изо всех сил пытались сохранить серьёзность, хотя не всем это удавалось.

Кому достанется велосипед

Отец с сыном-младшеклассником пошли на рыбалку. Сына отец оставил на берегу, велел ждать до 12 часов дня, а сам уплыл на резиновой лодке рыбачить в заросли. И увлёкся... Когда проходящие мужики сказали пацану, что уже не двенадцать, а час, он отправился домой, где и объявил, что отец скорее всего утонул, поскольку к объявленному времени не вернулся.

Мать побежала на поиски супруга, а бабка, накормив внука, вместе с ним – вслед.

Внук по дороге – рассудительно:

– Бабушка, если папа утонул, значит, его велосипед теперь мой? Не будете же вы с мамой на нём ездить!

К счастью, навстречу им уже двигались его отец с матерью.

Подслушанное

В автобусе оказался случайным свидетелем разговора двух женщин среднего возраста. Кажется, они говорили о своём общем знакомом.

Первая:

– А ты знаешь, такой-то опять женился.

Вторая:

– Да знаю я его, пообтёрся уже по чужим подушкам.

Боялись не успеть на войну

Однажды мы пригласили в редакцию фронтовиков. Один из них рассказал, как некоторые павлодарцы встретили известие о войне.

– 22 июня пришлось на воскресенье. Жаркий день, масса народа была на пляже... И как только прозвучало сообщение о том, что Германия напала на нас, многие прямо с пляжа, даже не одеваясь, отправились в военкомат – он ведь был совсем рядом, на берегу... Мы очень спешили, боялись, что не успеем, что война без нас кончится...

«Бодрот ушёл...»

– Добрый утр! – энергично приветствовал меня каждое утро на набережной сосед-аксакал, когда я шёл на работу.

Теперь я его встречаю здесь всё реже и реже.

– Бодрот ушёл! – с грустью объясняет он произошедшую с ним перемену.

Нашёлся!

Редактор мангышлакской областной газеты Владимир Иванович Вова как-то встречал в аэропорту Олжаса Сулейменова. Были и другие встречающие – от обкома. Они представились первыми, за ними – он:

– Вова!

Сулейменов тут же отреагировал:

– Олжасик!

Критерий

Заговорили о прошлом, его преимуществах и недостатках, и старый приятель признался:

– А ты знаешь, мы бывало заспорим с братом о чём-то, чуть не за грудки хватаем друг друга – не сходимся во мнениях. Потом он – старший – мне вот так, прямо в лоб: «Тогда скажи – ты за советскую власть или против?» И я тут же отвечал: ну ты, мол, и спрашиваешь тоже... Да я сам за советскую власть любого... Вот так мы к ней тогда относились...

Но и не меньше!

Мой друг – поэт, редактор журнала «Нива» Владимир Гундарев перенёс инфаркт. Лежал в больнице, лечился...

Врачи рекомендовали ему побережться, жить поспокойнее, ограничить употребление спиртного.

– Даже норму мне установили, – рассказывает он, – до ста граммов в день.

Теперь Гундарев всегда носит с собой специальную рюмку-мерку – для контроля. И каждый день выпивает свою законную норму, не больше... Но и не меньше.

2002 г.

Образная речь

Большой любитель ненормативной лексики, он мог изъясняться, например, и так:

– Да этот, как его, Иван-блядь – Николаевич – на хер, что ли...

Присказка

– Да что ж ты, едрит-твою в Дарданеллы мать, делаешь!

Памятка холостяка

Бумажка лежит на столе. На ней «План жизни» телеоператора местной студии телевидения на субботу – всего три пункта, именно в такой последовательности:

1. Постирать носки.
2. Поиметь Райку.
3. И ещё – этот блядский фестиваль культуры.

История одного имени, или Послание к аллаху

Её зовут мужским именем Ермек Темешевна. Почему?

– Отец мечтал о сыне, а родилась первой старшая сестра, потом – я. Он сказал: «Видно, Аллах не слышит моих молитв, поэтому я должен назвать свою дочь мужским именем». Так я стала Ермек.

– И что, помогло?

– Ещё как: у меня семь братьев.

Девизом – по цели!

Серёга-подводник рассказывал:

– У нас на базе, где стоят в перерывах между походами подводные лодки, висел огромный лозунг: «Наша цель – коммунизм!» А чуть дальше другой: «Девиз подводника: все торпеды – в цель!»

Зависть

В детстве я завидовал Юрке Ш., у которого были кривоватые ноги. Мне казалось, именно поэтому он лучше меня управляется с мячом на футбольном поле.

Не повезло?

Знакомая женщина больше двадцати лет работает во власти. Умна, хороша собой, иронична. Но – одинока. Сетует:

– Мне говорили, что на госслужбе женщины продвигаются исключительно через постель. И что вы думаете: продвигать продвигали, но за четверть века ни одного грязного предложения!

С деньгами всегда так...

В компании с двумя приятелями. Один жалуется на постоянное безденежье. Другой на это замечает:

– С деньгами всегда так: у кого голова болит – где взять, а у кого – куда деть.

Результат

Анекдот, родившийся после перестройки:

– Что вам дала перестройка?

– Правду, одну только правду и ничего, кроме правды.

Вывод

Знакомая привела сына в детский сад – у них новогодний утренник. Его воспитательница уже наряжена Снегурочкой. Няня ей – восхищённо:

– Ой, Ленка, ты такая красивая! Я бы на твоём месте ни с кем не здоровалась...

Наставление

Менеджер наставляет группу новичков, решивших попробовать себя в сетевом бизнесе:

– Будьте всегда активны, помните: под сидячий зад доллар не подсунешь!

Доллар... без штанов

Преподавательница ассоциации деловых женщин, уже кое-чего достигшая в бизнесе, делится опытом со своими менее опытными коллегами:

– Когда я захожу в кабинет к мужчине-начальнику, то всегда улыбаюсь, представляя, что передо мной – доллар... А потом, чтобы не бояться, представляю себе этого начальника без штанов... И мне сразу становится легче, я чувствую себя увереннее.

Акт высочайшего доверия

Н.Н. очень дорожит благосклонным отношением к нему нового шефа. С гордостью рассказывает мне:

– В район вместе ездили... Весь день были вместе – ни на шаг меня не отпускал... Обедали вместе...

И после паузы – с особой гордостью:

– Отливать вместе ходили!

Из афоризмов брата Петра

– То, что отцы недоделали, это мы и есть!

Берёшься – доводи до конца

Обсуждали с большим начальником деликатную проблему. Я предложил половинчатое решение: мол, часть сделаем, а потом – как-нибудь, как получится...

– Ну ты это брось, – обиделся он, – знаешь, что говорил в таких случаях мой предок-кержак? Он говорил: «Самим-то недоимАшь – яйцами не дошлѣпашь!»

Желание

Зимой в нашем университетском студенческом обществе бывало очень холодно. Особенно страдал из-за этого Серега Ли – самый худой из нас.

– Щас бы бабу, – мечтательно говорил Серёга, – большую-большую и тёплую-тёплую...

Мы заинтересованно поворачивали к нему головы. И он заканчивал:

– Прижался бы к ней – и спал, спал, спал...

Самооценка

Один мой знакомый говорил о себе так:

– Я шустрый – как сперматозоид.

Хорошая должность

Пришёл к знакомым в гости. Садимся за стол. Хозяин распределяет обязанности.

– Я буду наливать, – тут же говорит один из гостей, – у меня должность такая – диспетчер по наливу.

Я подумал – шутка. Оказалось, нет: работает он на нефтеперерабатывающем заводе, и должность его именно так и называется...

Словотворчество

В Павлодар на открытие нового кафедрального собора приезжал Архиепископ Астанайский и Алма-Атинский Алексей – высшее должностное лицо православной церкви в Казахстане.

В своей речи по случаю знаменательного события он назвал акима области – путевождь.

Оказывается, и специфическому языку священнослужителей свойственно словотворчество.

* * *

У знакомого руководителя крестьянского хозяйства дела идут в гору: прибавилось скота, техники, увеличились посевные площади, иномарку себе завёл...

– Мне бы ещё ошебениться, – говорит, встретившись со мной.

– То есть? – спрашиваю я.

– Ну, дорогу от трассы до села щебнем засыпать...

На все случаи жизни

Побывал в офисе у одной знакомой, которая занялась бизнесом. В её кабинете – прямо напротив рабочего стола – лозунг: «Так будет не всегда!»

Знакомая говорит, что он помогает ей жить: когда дела плохи – утешает, а когда хороши – предостерегает от эйфории.

Где наше время?

Брат Петька однажды сказал:

– Мы выросли в тени отцов и как-то очень быстро оказались в тени детей... А нашего собственного времени вроде и не было...

Пожелание

Подруга матери тётя Шура Горлова делилась своими воспоминаниями – из военного детства:

– Идём, бывало, работать в поле, зовём ссыльных из Западной Украины – помогите. Отвечают: «Хай вам Господь помогае, а нас мИлуе».

Читательница

Иду домой, впереди молодая женщина с книгой в руках, незнакомая. В подъезд входим вместе, я вызываю лифт и, пока он идёт сверху, говорю:

– Теперь не часто встретишь человека с книгой...
Интересно – какая у вас?

– Не скажу, – как-то уж очень решительно отвечает она.

– Ну тогда извините, – примирительно говорю я.

Заходим в лифт...

– Ладно, скажу, – вдруг говорит она, отчего-то смущаясь... – Это «Камасутра» – я столько всего о ней слышала и вот решила почитать...

– Вас ждёт увлекательное чтение, – соглашаюсь я, хотя сам «Камасутру» не читал, но, правда, тоже много слышал о ней...

Прокололся

Директор совхоза «Жосалинский» Баянаульского района Капен Тулеубеков отправил на мясокомбинат очередную партию скота и с ней сопровождающего, чтобы ускорить приемку живности на месте.

День проходит, другой – от посланца никаких известий. Тулеубеков находит своего представителя по телефону, начинает отчитывать. Тот клянётся-божится, что делает всё возможное...

– Да вы, наверное, пьёте там? – возмущается директор.

– Что вы, Капен Тулеубекович...

– А ну дыхни, – неожиданно командует Тулеубеков.

– Да мы и выпили всего по сто грамм, – доносится из телефонной трубки.

Что есть телевидение?

Есть много определений современного телевидения. Мне больше других понравилось такое: это фабрика по производству товара принудительного потребления.

Урожайность по Шишкину

Николай Александрович Миллер – потомственный хлебороб, руководитель одного из самых крупных зерновых хозяйств в области. Мы уже не один год дружим, и как-то я пришёл его навестить в городской профилакторий, где он лечился и отдыхал. Обратил внимание на картину над его кроватью: могучие сосны, а на переднем плане дорога, по обеим сторонам которой – поспевающие хлеба...

– Что, нравится? – спросил Миллер. – Мне тоже.

И вдруг добавил:

– Здесь урожайность центнеров по 20, а может, 25 с гектара.

Не пора ли цензуру вводить?

Местное радио изо дня в день «крутит» молодёжную «попсу». Вот куплет из песни, исполняемой группой «Отпетые мошенники»:

Девушки бывают разные –
Чёрные, белые, красные,
Но всем одинаково хочется
За что-нибудь заморочиться...

И весь этот бред тоекратно повторяется.

Где вы, бывшие ред- и худсоветы? Где цензура?

Поэт – как путевой обходчик

Ехали на поезде с поэтом О. Григорьевой. И она, глядя на обходчика, бойко простукивающего какие-то узлы стоящего напротив состава, сказала:

– Поэт – как путевой обходчик: всё проверяет – на вид, на звук, на цвет... И так же тонко чувствует болезни своего времени – все эти трещины в морали общества, раковины в совести, и говорит об этом. Но его чаще всего не слушают, не слышат... И поезд жизни идёт под откос...

Экономия языковых средств

У сына Димки есть однокурсницы – Маша Дружинина и Ира Улькина. Однажды они втроем ездили на научную студенческую конференцию, и Димка, как он выражается, в целях экономии языковых средств, изобрёл из двух имён и фамилий одно целое – Мира Друлькина.

Они (кстати, ещё и подруги) оценили шутку и не обижаются.

Признания в любви

У моих друзей – Анатолия и Надежды Пуцелевых – есть внучки-близняшки, миниатюрные и шустрые, как обезьянки. И как две капли воды похожие друг на друга.

Вот одна забралась к деду на колени и буквально льнёт к нему. Он с умилением:

– Ах ты моя маленькая соплюшка!

Внучка ему тут же в ответ:

– А ты – моя большая сопля!

Оценил!

Желая произвести впечатление на своего нового возлюбленного, она пришла на встречу с ним в каких-то немыслимых красно-черно-белых одеждах. И он оценил это:

– Ну ты сегодня красивая – как гроб!

Учитель счастья

Я знаю его больше двадцати лет. Неудачник, балабол, путаник... Сменил десятки мест работы, нигде долго не задерживаясь.

И вдруг узнаю: ведёт курс в частной школе. Курс называется «Стратегия жизни. Как выстраивать судьбу, чтобы она состоялась».

Учит других тому, чему за свои полвека не мог научиться сам.

Народная мудрость

- Не откладывай работу на завтра, – воспитывала внука бабушка.
- А девок – на старость, – вторил ей дед.

Гимнописец

Когда в России был объявлен конкурс на лучший текст нового государственного гимна, свой собственный вариант сочинил и один павлодарец. Самолично отвёз его в Москву, отдал в администрацию президента России. И тут же поведал о своем поступке местным газетам.

Гимном России, как известно, стал «новый старый» текст, в очередной (третий) раз подправленный С. Михалковым.

А павлодарец получил кличку гимнописец.

Наивность

Однажды у меня на даче украли велосипед. И потом я ещё долго вглядывался в каждого, кто ехал мимо на велосипеде, – не на моём ли?

Сравнение

Встретил знакомого водителя. Машина у него той же марки, только вроде поновее.

– У тебя, – спрашиваю, – старый «УАЗ» или поменял?

– А то ты не видишь – совсем другая машина, – слегка обижается он.

– Да какая разница: тот был «УАЗ», этот – «УАЗ»...

– Ты что? – искренне изумляется он. – Этот совсем другой, я на него пересел – как на другую бабу залез!

Загадки с двойным дном

Иногда детские загадки бывают очень двусмысленными. Ну, например:

Без рук без ног – на бабу скок (коромысло).

У какого молодца вечно капает с конца (самовар).

Помнёшь-помнёшь немножко, и станет твёрдый, как картошка (снежок).

Туда-сюда-обратно – обоим им приятно (качели).

Нетрудно представить себе, какие ответы на эти загадки может дать иной взрослый...

Попы

Отец называл белые грибы попами. Теперь мне понятно, почему – за особую стать, осанистость, нарядную опрятность.

Зуборон

Сестра говорит: «У меня корова – зуборон». Это значит, что, принеся второго по счёту телёнка, её Зорька теряет зубы и снижает удои.

Псевдонимы

Актриса Грация Немытова.

Критик-славянофил Добромысл Хренов.

Эссеистка Матрёна Ивановна Ренессанс.

Принципиальность

Пошли с другом в баню. От души напарились, ополоснулись. Теперь бы попить... Банщик тут же предлагает пиво в жестяных банках. Услышав цену, друг, после короткого замешательства, решительно:

– Ну нет, лучше я умру от жажды!

Новое слово

Пойменные травы позднего укоса знакомый председатель колхоза называл спагетти. И пояснял: это напоминает гибрид спаги со спагетти, а использовать нельзя ни по одному из назначений.

После отсидки

Вовка Левенец отсидел в колонии два года за злостное хулиганство. Вернулся в наш целинный совхоз, пару раз пытался показать на танцах – кто есть кто... Зная его как облупленного, парни-ровесники сделали ему соответствующее внушение. Вовка обиделся:

– Да что с вами говорить! Темнота... Ни одного заграничного слова!

Предложение

Любитель выпить Миша Брыковский – жене:

– А ты дай мне три рубля – посмотрю, какой я красивый приду!

Способ воспитания

– Иногда и от пинка в зад вырастают крылья, – объяснял свой жёсткий метод воспитания подчинённых опытный строитель.

Профсоюзное масло

Так называли острословы в советские времена горчицу, которая в столовых выставлялась бесплатно.

Характеристика

Давно знающие его люди говорили об этом чиновнике так:

– Есть люди – инвалиды с рождения. А он с рождения – заворг.

Из выражений тёти Кати

Моя тётка – сестра матери Катерина, всю жизнь живёт в маленькой сибирской деревне Чубаровке. У местных старожиллов особый говор – я слушаю их речь как музыку. А тётка говорит ещё и образно. Вот, например:

– У меня уже душа с телом растается!

Это означает верх волнений и переживаний.

Или ещё:

– Наела зад выше сарая!

Это о ленивой, чрезмерно раздобревшей соседке.

Начитанность

Чтобы выглядеть более значительно, продемонстрировать свою образованность, он говорил:

– Дэталь, протэст, пэрспэктива, кофэ, срэдства...

* * *

Людей, пьющих часто и без меры, моя бабушка Мария Петровна (сама, кстати, никогда не бывшая убежденной трезвенницей) презрительно именовала одним словом:

– Алкогол!

Разозлил

Соседка уговаривает внука:

– Лёшечка, деточка, нельзя же так, нехорошо, внучек...

И тут же, без всякого перехода:

– Курва ты косопузая, что ж ты изделал, блядь ты худая...

Детские считалки

Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана:
«Буду резать, буду бить –
Ты останешься водить!»

Изуверский смысл считалки всегда оставался за пределами нашего детского сознания. Да и какой тут вообще может быть смысл?

* * *

Была у нас и такая считалка:

– Шёл поп через мост, поймал курицу за хвост. Эта курица была Тимофеева жена.

Считающий вытягивает руку ладонью вниз, все остальные подставляют к ней указательные пальцы.

После слова «жена» палец зазевавшегося остается в кулаке – ему и водить.

Детская клятва

Честно, мама, честно, папа, честно всех вождей!

Лёгкое счастье

Детское ощущение счастья многогранно и многолико. Хорошо оттого, что мать с утра затеяла блины; оттого, что утро светлое и солнечное, а в открытое окно задувает ветер и треплет занавеску; оттого, что вечером в совхозном клубе обещали новое кино...

Где оно, всё это, куда подевалось мое лёгкое счастье? Теперь даже крупная удача не трогает, скорее тревожит, про себя думаешь: ну вот, повезло – теперь жди неприятностей.

Загадка истории

В наше время оказалось возможным соединение, казалось бы, совершенно несоединимого. В результате рождаются абсурдно-комические смысловые монстры.

Вот один из примеров.

Бывший совхоз после очередной реорганизации именуется теперь так – «Товарищество с ограниченной ответственностью имени XIX партийного съезда».

Потомки, наверное, сломают голову в попытках понять – что бы это могло значить?!

1999 г.

Политическая примета

Если в нашей областной типографии внезапно выходит из строя печатная машина – значит, скоро выборы или другая важная политическая кампания. Поломка – самый удачный способ вывести на горячее время из игры «нежелательные» газеты, на которые не распространяется прямое воздействие властей. А типография в области одна.

1995 г.

После бани

Идём с братом из бани. Напарились, вымылись, выпили по бутылке пива. Голова ясная, тело сухое, лёгкое...

И ещё одно, может быть, самое удивительное ощущение – как последний штрих: кожа отдельно, а майка отдельно – будто не соприкасаются.

Хорошо!

Не забывайся!

Такое иногда случалось со мной... Вот удалось сделать что-то важное, значительное... Идёшь по улице в приподнятом настроении, голова полна новых радужных надежд, каких-то планов... Идёшь быстро, энергично, уверен в себе. И вдруг запнулся и со всего размаху – на землю. Портфель улетел в сторону, содержимое рассыпалось, ушиб колено и локоть, измазался...

С трудом поднимаешься, приводишь себя в порядок, собираешь вещи и уже потихоньку бредёшь домой... Это судьба, как будто играя, предупреждает: «Не забывайся! А то ишь ты – воспарил!»

Верное средство

Знакомая дачница, вернувшаяся из Крыма, поделилась весьма экзотическим способом повышения всхожести семян огурцов, позаимствованным у тамошних огородниц. Перед тем, как высаживать семена в почву, женщины заворачивают их в тонкий слой бумаги и помещают на сутки-двое меж собственных грудей. А груди у тех женщин – ого-го! И вот, напитавшись неведомыми жизненными соками, семена прорастают – как из пушки!

Чем помочь Петруше

Наша родственница – «сетевичка», распространяет лечебные препараты. Среди её клиентов и пожилая супружеская пара: ему чуть-чуть за восемьдесят, ей – около того. Они следят за собой, ведут здоровый образ жизни, иногда советуются с ней.

И вот один такой звонок:

- Леночка, нам нужна помощь!
- Что такое, Клавдия Семёновна?
- Да всё, в общем, в порядке, но не найдётся ли у тебя, Леночка, что-нибудь для моего Петруши?
- А что с ним?
- Да что-то слабнуть стал по мужской части...

Новояз

Наши дни... Вот-вот начнётся региональная конференция правящей партии... У входа в зал мечется взмыленный партийный функционер, пытающийся руководителей делегаций «с мест» одним-единственным вопросом:

– У вас все омандачены?!

Что в переводе с тарабарского на русский означает: все ли партийцы получили мандаты для голосования?

Каким должен быть начальник

Один мой старый знакомый, большую часть жизни проработавший в колхозе бригадиром, точно знал, что он должен быть:

– Товстый, лысый, пузатый и чтоб в очках!

Не вовремя задумалась...

Студенческие годы... Библиотека. Стоим в очереди за книгами... Девушка передо мной замешкалась, библиотекарьша ей сердито:

– Проснитесь, девушка, 25-й съезд партии идёт!

Не обслужила...

Мой знакомый Н.Ф. – человек чрезвычайно строгих правил. Жена его рассказывала:

– Сварила украинский борщ – Н.Ф. его очень любит. Налила ему в любимую тарелку, нарезала хлеб, поставила соль, перец, ложку и вилку положила... И тут как на грех зазвонил телефон... Ну и заговорила с подружкой... Прихожу минут через 15, на столе всё как было, и борщ стоит нетронутый... «Что случилось, Н.Ф.?» – я его дома по имени-отчеству зову.

– А сметана где? – спрашивает.

Она в холодильнике была, я её на стол забыла поставить.

Закон гостеприимства

Директор управления каналом «Иртыш-Караганда» Алексей Иванович Баталов рассказывал о своей поездке, ещё в советские времена, в Грузию. Там друзья его друзей решили показать ему город Гори, родину Сталина, где сохранился величественный памятник вождю.

Приехали поздно, было уже темно, у памятника – ни души... Гостеприимные грузины тут же выставили – прямо на капот машины – выпивку и закуску. Только

разлили по первой – появился милиционер: что, мол, граждане, общественный порядок нарушаем?

Хозяева стали ему объяснять: «Это наш гость из Казахстана, сказал, что не простит себе, если не увидит Гори и этот памятник... Как мы ему могли отказать? Ну а всё остальное – сами понимаете...»

Милиционер задумался – лишь на мгновение – и сказал:

– Ладно... Тогда мне тоже налейте.

Секрет успеха

Владимир Александрович Иноземцев – известный агроном-садовод – буквально одержим своим делом. Говорит мне:

– Вы, может, не поверите, но у деревьев душа есть. И они, и кустарники всё слышат, понимают, чувствуют. У меня, было дело, долго слива не плодоносила, и я тогда ей пригрозил: «Доиграешься – вырублю!» И что вы думаете – подействовало – на следующий год зацвела!

188

Посмотрел телевизор...

Середина шестидесятых годов. В Павлодаре началось телевизионное вещание, а с ним появились в домах и первые телевизоры. Внук спрашивает:

- Бабушка! А можно я телевизор посмотрю?
- Можно... Только не включай.

Тест на профпригодность

Мой однокурсник Лёха Закутаев хотел во время учёбы подработать по оформительской части в автобусном парке. Замдиректора долго и недоверчиво рассматривал его рисунки, потом спросил:

– А вождей писать можешь?

Лёха тут же набросал профиль Ленина и был взят «подснежником» – слесарем низшего разряда на полставки.

Секрет долголетия

Ему уже за восемьдесят, но он, как говорится, ещё вполне... Объясняет:

– А я всю жизнь болею...

– То есть?

– С детства болею и борюсь со своими болячками...

Так и живу...

Забота

Самое близкое и дорогое для неё существо в мире – кот. И вот ещё одно проявление этой безграничной любви – она делится с подругами своими тревогами:

– Если со мной что случится, как он один будет? Он же не сможет сам, он такой неприспособленный...

Награды

Был на юбилее у Геннадия Бабина. Он, показывая на внуков:

– А это два моих ордена!

Любитель буквы «К»

Он был к ней явно неравнодушен, говорил, например, так:

– С какой кстати... Климактические условия.

Новый облик

Одно время я в целях похудения перешёл на раздельное питание. И был весьма горд тем обстоятельством, что все друзья и знакомые с одобрением отмечали произошедшие в моём облике перемены. И только младший брат сказал:

– У тебя, брат, теперь голова на шее как-то ненадёжно держится...

Антисемит

Ему сказали, что Петров-то, оказывается, еврей.

– Ну вот – уже и фамилии наши порасхватали, – следует ответ.

Почему нет мёда

Были с патриархом павлодарского целинного земледелия и к тому же знатным пчеловодом Василием Степановичем Петрушкиным в одном из лучших нынешних хозяйств. Всё удаётся её руководителю: и полеводство, и животноводство, а вот пасека хромает.

– Не могу понять – в чём дело, – жалуется Петрушкину директор, – вроде все условия создали пасечнику, пчёл самых лучших, приспособленных к местным условиям, закупили. А мёда нет...

– Видишь ли, – отвечает многоопытный пчеловод и знаток человеческой породы, – мёд – это такая вещь... К рукам липнет...

190

Сразу не поняли...

В Павлодаре праздновали десятилетие первого частного роддома. Его владелица провозглашает тост:

– Так выпьем же за те замечательные ворота, через которые все мы выходим в этот мир!

Среди гостей лёгкое замешательство – это на что она намекает?

– За ворота роддома! – энергично завершает тост владелица, и гости с облегчением опорожняют бокалы.

Где искать счастье

Несколько лет веду занятия у студентов – будущих журналистов. Удивляюсь тому, что они совсем не похожи на студентов моего поколения. Никогда не знаешь, чего от них ждать.

Однажды у нас возник разговор о том, что такое счастье. Спорили-спорили, но так ни до чего и не договорились. И тогда я предложил:

– Напишите об этом всё, что вы думаете. Это будет практическое задание к зачёту.

Они написали, некоторые очень интересно. А в тупик меня поставила студентка, сочинившая примерно следующее: «В Павлодаре есть магазин «Счастье». Я на днях зашла туда и купила книгу Ю. Поминова «Живу». Так я обрела своё счастье».

Шутила? Иронизировала? Издевалась? Не знаю... Но зачёт я ей поставил.

Как умирают мечты

– В 20 лет я мечтала покорить Эверест. В 35 поняла, что сделать это мне не удастся, но я смогу хотя бы увидеть его: прилечу в Непал, поднимусь в промежуточный лагерь, откуда видна вершина. В 45 лет мой лечащий врач сказал: «Летать на самолётах, голубушка, вам теперь нельзя». А на поезде туда не доедешь... Вот и смотрю на Эверест по телевизору, недавно к кабельному подключились...

191

Правда жизни

Спрашиваю у знакомого, как чувствует себя его мать, которая недавно перенесла тяжёлый инсульт.

– Ждём, – отвечает он, занятый своими мыслями.

Эрудит

Новый русский, просматривая программу телевидения:

– Что там у нас сегодня? «Гранатовый браслет?» – боевик, наверное... А вот ещё – «Убить пересмешника». Опять у них ошибка – ясно же, что «пересменщика».

Игра слов, или Чувство меры

В компании – с художником И.В. Лагутиным... Ему было уже под девяносто, он – ученик знаменитого художника Батурина, который звал Льва Толстого... Все готовятся выпить по первой... Иван Васильевич в раздумье – пить ему нельзя. Выдержав паузу, говорит:

– Ну, разве что...

– Чуть-чуть? – добавляю я.

– Нет, это будет уже лишнее... Именно – разве что... Рюмочку всё же выпил.

Бремя выбора

Молодая наша сотрудница, за которой ухаживали сразу двое или трое парней, никак не могла определиться – на ком остановить выбор. Наблюдая за её метаниями – и тот вроде хорош, и другой, и третий, – повидавшая жизнь журналистка замечает:

– Ты сильно-то хвостом не верти – за всех всё равно не выйдешь...

Миг бытия

Всего раз в жизни я видел, как сходятся-расходятся на встречных курсах самолёты. Наш аэробус летел выше, а где-то под нами, сбоку, неслышно нёсся встречный самолёт. Его было отлично видно... Но сошлись и разошлись два борта так быстро, что мгновение спустя уже не верилось: было это или не было? О встрече напоминал лишь на глазах тающий след, оставленный встречным самолётом...

Подумал тогда: не то ли самое и жизнь большинства из нас – мгновение в бесконечном потоке бытия? А след оставляют совсем немногие...

Тоска по родине

Знакомый журналист уехал из Павлодара в Россию, куда-то под Нижний Новгород.

Года два спустя приехал погостить, зашёл ко мне.

Рассказывает: «Всё у меня хорошо: и с жильём, и с работой... В местное литературное объединение приняли...»

– Но какой-то ты не очень весёлый, – говорю ему.

И он, как будто даже с отчаянием, вдруг отвечает:

– Ты понимаешь... Там неба нет!

Блёстка от Егорова

Мой друг Толя Егоров рассказывал:

– Приехал я в гости к родным. Сидим с братом Сашкой, смотрим по телевизору новости. Опять – сплошные катаклизмы: вулкан «проснулся» в Юго-Восточной Азии, израильтяне воюют с палестинцами, горят торфяники в Подмосковье – Москва в дыму.

Тут входит мать:

– Саша, сынок, с этой крысой пора что-то решать – опять из кладовки кусок сала утащила.

Блёстка от Никифорова

Сибирский журналист Пётр Фёдорович Никифоров рассказывал:

– Был в дальней командировке, в тайге. Решил навесить старого охотника – таёжника, давнего своего знакомого. Слышал, что похоронил он пару лет назад вторую жену.

Встретились, поздоровались:

– Ну, как поживаешь, Евграфыч? – спрашиваю.

– Да, слава Богу, ничего, – отвечает, – вот, третью старушку дояряживаю.

Самому Евграфычу под восемьдесят, а «старушке» его чуть-чуть за пятьдесят.

Тенденция

О понравившейся ему женщине он говорил так:

– Да, это моя тенденция.

А о не понравившейся:
– Нет, это не моя тенденция...

Результат

Было это в нашем совхозе. Парторг вызвал механизатора, решившего уйти от жены к соседке, долго его воспитывал, убеждал – как хороша его жена, поэтому он просто обязан к ней вернуться...

И услышал в конце воспитательной беседы:

– Ну, коли вона така хороша, берить её соби и жить с нею...

Оценка

194
Приятель купил новую машину – иномарку. Хвалится:
– Мотор – чудо, не гудит, а шепчет. И бензин не ест, а только нюхает!

Мудрость жизни

Один мой знакомый говорил об умении жить так:

– Кто понял жизнь – тот не торопится.

Бродский и Цветаева – на разлив

Павлодарская поэтесса Ольга Григорьева вела вечер в Доме Шафера, посвященный Иосифу Бродскому и Марине Цветаевой. Поэзию Бродского она сравнила с брагой – так в ней всего много, всё в ней бродит, будто в хмельном русском напитке. А поэзию Цветаевой Ольга сравнила с чистым спиртом, имея в виду концентрацию мысли поэта, за образами которой бывает трудно угнаться...

Говорю Ольге:

– Теперь, когда захочу послушать Бродского в твоём исполнении, буду говорить: «Угости-ка меня бражкой!»

А если захочу чего-нибудь цветаевского, попрошу: «Плесни-ка ты мне спирта!»

Кто кого выгуливает

У него, единственного среди чиновников областного масштаба, была шитая на заказ в спецателье пыжиковая шапка, чем он очень гордился. И когда он выходил вечером прогуляться по морозцу, жена говорила: «Пошёл выгуливать свою пыжиковую шапку...»

Педант

Бывший председатель Павлодарского облисполкома Ж.Г. Искаков каждый год звонит мне из Петропавловска и поздравляет с днём рождения – на день раньше.

Я ему не раз говорил, что день рождения у меня завтра.

– Ничего не знаю, – отвечает всегда Жаксылык Габдуллинович, – у меня записано двадцать первого – двадцать первого и буду поздравлять.

Поняла с полуслова

В гостях у приятеля: сидим, выпиваем и закусываем. Закончили бутылку, и хозяин с расстановкой говорит жене: «Ну, где там у нас?»

Больше не было сказано ни слова, а новая бутылка с горячительным уже стояла на столе...

Возвращение на землю

Знакомый журналист рассказывал:

– Мне сделала сложную операцию под общим наркозом. Просыпаюсь после неё и не понимаю – где я? Тепло, светло, тихо... Думаю, грешным делом, может быть, я уже в раю? И вдруг слышу женский голос: «Вы уже проснулись? Можно вас спросить?» С трудом поворачиваю голову – на соседней койке и впрямь женщина, симпатичная. Я ещё плохо соображал и даже не успел удивиться – почему мы в одной палате?

И вдруг она спрашивает: «Скажите, а вы уже пукали?»

– При чём здесь это? – растерялся я.

– Ну как же, – говорит она, – это очень важно для нашего с вами положения, после такой операции. Мне врач прямо так и сказал!

И я сразу понял, что мы с ней по-прежнему на грешной земле.

Прощание...

Из стихотворения «Прощание с советским паспортом», присланного в редакцию:

Прощай, пурпурный мой, прощай!
Как всё случилось, не пойму –
Заголубел душой и телом,
А был как ты – пурпурным, смелым,
И всё хотелось самому.

Оценила!

Соседке бабе Поле под восемьдесят лет. Бывая на похоронах, она всегда обращает внимание на то, как покойник, а особенно покойница, выглядит, как они одеты.

С очередных похорон дальней родственницы- ровесницы баба Поля возвращается слегка возбуждённой:

– Какое платье Петровна себе на смерть приготовила! Лежала в гробу – как куколка, посмотреть приятно. У меня всё давно приготовлено, но я себе такое же хочу!

Воспитание нравов

Отец воспитывает троих взрослых сыновей:

– Сколько женщин было у моего отца, вашего деда, не знаю, сколько у меня – не скажу, сколько есть или будет у вас – знать не хочу. Но запомните раз и навсегда: семья – превыше всего.

Просто запомнилось

Меня попросили прочитать рассказ начинающего прозаика. В рассказе была такая фраза: «Она бежала ему навстречу, размахивая грудями...»

* * *

У знакомых сын завёл девуцу, и отношения у них уже не только платонические.

Бабушка интересуется:

– Ты насовсем её завёл или как?

* * *

Журналист-ветеран на редакционных пирушках поучал молодёжь:

– Запомните: алкоголь в малых дозах полезен в любых количествах!

* * *

Был на серебряной свадьбе у школьных друзей. Вспоминая о начале их семейной жизни, друг сказал:

– Бывало, лежим молодые вдвоём и поём как две канарейки – так нам было хорошо!

Комплекс

Знакомый, у которого отец был немец, депортированный в начале Великой Отечественной войны из Поволжья, а мать – казахстанская украинка, однажды признался мне, что в детстве не мог ходить на фильмы про войну: ему, ощущавшему себя немцем, казалось, что все будут смотреть на него и думать: «А тебе, фашист, что здесь надо?»

С возрастом это чувство притупилось, но до конца так и не ушло.

Симфония жизни

Картина из совхозного детства...

Осеннее утро, уже не слишком раннее, бодрящее до озноба. Недавно взошло солнце, серебрится трава, покрытая росой, которой у нас никогда не бывает летом... Воздух напоён прохладной свежестью. Встают первые редкие дымы над домами. Слышатся мычание коров и блеяние овец, которых собирает на краю села пастух; крики проспавших рассвет или просто припозднившихся петухов.

Голубоватый ароматный дым, оставленный во дворе семейным мотоциклом, на котором уезжает на работу отец... Ровный неумолчный гул совхозного мехтока, работающего в эту пору круглые сутки. Он всего через две улицы от нашего дома.

Люди, спешащие на работу – в мастерскую, гараж, стройчасть, на ток, куда и мне пора: я работаю «на силосе», разгребаю в кузовах грузовых машин зелёную массу кукурузы. Её сладковатым, сочным запахом пропах мой рабочий комбинезон не первой свежести.

Начинается новый рабочий день. Очередной день уборочной страды, когда в селе сильнее всего ощущается биение жизни, наполненной высоким смыслом большого общего дела...

Антистимул

Юрий Иванович Дубовицкий одно время работал директором крупного совхоза «Ефремовский», где, кроме мощного свинокомплекса, было и немалое стадо крупного рогатого скота, в том числе дойные гурты. И по условиям социалистического соревнования лучшие доярки и руководители среднего звена получали денежные премии. Коллективу-победителю также полагался переходящий вымпел, а самому отстающему подразделению – коровий хвост.

Юрий Иванович уверял меня, что «антистимул» действовал безотказно, и вскоре от него отказались за ненужностью – явных и отъявленных «хвостистов» не стало.

«Наша хлеб-соль»

Так звали дома одну нашу знакомую, поступившую на работу в санэпидемстанцию, где ей, как самому молодому специалисту, доверяли проверку этих двух продуктов, поступающих в продажу. После соответствующих проб и анализов проверяющим доставались и проверяемые продукты. Их она и приносила домой.

Семейные истории

Моя мать и соседка тётя Вера Шарубина – закадычные подруги, живут в домах напротив, через улицу. Узнав, что тётя Вера болеет, мать идёт её навестить:

– Ну как ты тут, подруга?

– Лежу, кума, никак не подохну, – отвечает тётя Вера, не задумываясь о том, как на это отреагирует внучка лет пяти.

Мать приходит через день – картина всё та же. Но ситуацию объясняет уже внучка:

– Баба лежит – никак не подохнет!

* * *

Этой же внучке очень нравятся бабушкины шторы на окнах – яркие, цветастые, нигде она таких не видела. И она спрашивает:

– Баба, а когда ты умрёшь, шторы кому достанутся?

К счастью, тётя Вера прожила ещё много лет, успела выдать внучку замуж, но эти истории до сих пор живы в их многочисленном семействе.

* * *

Богатый сосед нанял тетю Веру Шарубину, тогда ещё молодую, садить картошку. А когда она всё сделала, вдвое урезал обговоренную плату. В ту же ночь (благо, она была лунной) тётя Вера всю накануне посаженную картошку выкопала.

Вошёл в историю или списан в архив?

Сообщил брату Петру, что по просьбе архивистов, формирующих, кроме государственных, и личные фонды, передал им часть своих документов, рукописей, книг и газетных публикаций.

– Ну вот, брат, ты и вписан в историю, – констатировал он.

– Или в архив списан, – отвечал я в тон брату, зная, что никакой исторической ценностью сданные мною «экспонаты» не обладают.

От чего зависит ясность ума

Женщина-врач агитирует меня сделать чистку организма по некоей новой методике. И приводит такой аргумент:

– Вы разве не знаете, что степень ясности ума, да и умственная работоспособность тоже напрямую зависят от состояния кишечника?! Это не я, а Кацудзо Ниши сказал!

И далее она красочно живописует, насколько наш мозг связан с этой частью тела и как важно для первого содержание второго в полном порядке.

Она же предпочитает уменьшительно-ласкательные слова, которые кажутся ей более приятными для потенциальных клиентов, и, описывая внешний вид не в меру располневшей женщины, говорит:

– Ну прямо как жабка!

Слово жаба для неё слишком грубое, а жабка – в самый раз.

Настоящее свинство

Друг говорит мне:

– Я теперь почти всё время свинством занимаюсь...

Это он на подворье свиней на продажу выращивает.

Объявления

Объявления, попавшиеся на глаза непосвящённым в их суть людям, нередко поражают скрытым смыслом. Встречаются они и в Павлодаре. Вот, например...

На заборе частного дома: «Услуги гильотины. Недорого!»

Тут кого угодно оторопь возьмёт, хотя речь всего-навсего о приспособлении для рубки и резки «некондиционного» металлолома.

Или вот ещё – на специальной доске для объявлений: «Продаётся боксёр. Отец – чемпион Казахстана. Мать – российская сука (медалистка)».

Знающие, конечно, сразу скажут, что речь о собаке. А незнающие что подумают?

Парадоксы памяти

Вполне состоявшийся человек, успешный бизнесмен, в порыве откровенности однажды сказал мне:

– А знаешь, чего я больше всего хочу? Хоть на несколько минут вернуться в детство – к бабушкиному только что испечённому хлебу... Стал забывать его запах...

Помолчал и добавил:

– И ещё на подлодку хочу!

Я удивился:

– После того, что случилось с «Курском»?

– Да, хочу: там всё было просто и надёжно, хотя временами очень тяжело...

Между тем я знаю: детство его было далеко не безмятежным, а во время срочной службы на атомной подводной лодке он однажды едва не погиб вместе с ней в ходе учений...

Не халатное отношение

Ожидался приезд в нашу область Олжаса Сулейменова, у которого, если кто не знает, баянаульские корни. Повод – его юбилей, намечались торжества.

Организаторы связались с Олжасом Омаровичем, чтобы обговорить кое-какие детали. А потом он спросил:

– Но вы ведь не допустите халатного отношения ко мне?

И, упреждая встречное изумление, пояснил, что он имел в виду, – не увлекаться вручением традиционных юбилейных чапанов.

Привычка

Руководитель крупного зернового хозяйства рассказывал мне, что, возвращаясь в пору уборки домой за полночь, обычно засыпает как убитый. И спит без всяких сновидений, под шум расположенного неподалёку от его дома и работающего в эту пору круглые сутки мехтока. Но сразу просыпается – стоит мехтоку замолчать.

О подобном мне рассказывали фронтовики: могли спать на фронте под грохот канонады и просыпались – как только она прекращалась.

А суть, наверное, в том, что и в первом, и во втором случаях нарушалась привычная атмосфера бытия...

Частушка для Маршака

Режиссёр театра имени Вахтангова Рубен Симонов вспоминал, как в молодые годы встречался с С.Я. Маршаком – уже известным советским литератором, знаменитым детским поэтом, переводчиком.

Самуил Яковлевич был человеком большой культуры, многих талантов и любил хорошие частушки.

– Ну, чем порадуете на этот раз? – спросил он у Симонова.

Тот отнекивался и смущался: есть, мол, одна, но она Маршаку может не понравиться...

– Давайте-давайте! – настаивал Маршак.

И Симонов скороговоркой выдал:

Я мужик такого сорта –
 Не могу я без комфорта.
 Приходи, Маруся, с гусем,
 Переспим мы и закусим.

Симонов опять смущался (что за ерунду продекларировал!), а Маршак приходил в неопикуемый восторг, начинал анализировать и комментировать: «Первые две строки – это же и завязка, и вызов... Ну а дальше и вовсе прелесть – какая рифма, а сюжет какой! Это же настоящий сонет!» Тут же кому-то звонил, делился радостью, декламировал, объяснял и снова комментировал...

«Не тебе плачу!»

Шестилетний Толик – мамин хвостик... И вдруг его на целый день оставили на попечение приехавшей погостить бабушки. И весь день он терпел... Но как только появилась мать – тут же залился горькими слезами.

– Толик, детка, ты что это? – встревожилась бабушка.

– Уйди, – ещё горше усердствует внук, – не тебе плачу, а маме!

Всё ещё не привык

Мой друг – о жене: «Ты знаешь, 38 лет прожили, а я к ней всё привыкнуть не могу... Всё время – как на качелях: то холодно, то в жар бросает!»

Приговор

После долгой и не всегда гладкой совместной жизни жена в мгновения крайней обиды именовала мужа одним-единственным словом: «Свекрёныш!» Можно ли сказать обиднее?!

Жизнелюб и любобаб

Когда моего приятеля, умеющего со вкусом жуировать жизнь, пытались в этом упрекать, он – когда со вздохом (виноват, мол, но что поделаешь?), а когда не без самодовольства (мол, знай наших!) говаривал:

– Да, такой уж я жизнелюб, – делал паузу – будто ошибся – и добавлял полувопросительно: – Или любобаб?

Тест на вменяемость

Мне рассказывали про начальника – ещё сталинских времён, который время от времени вызывал поодиночке подчинённых и устраивал им своеобразный «тест на вменяемость». Спрашивал всегда одно и то же:

– Как ваша фамилия? Какое сегодня число? Сколько будет шестью восемь?

И ещё несколько вопросов в том же духе. Новые сотрудники удивлялись, а те, кто с ним давно работали, нет – начальник он был хороший.

Глаза – стальной и кирпичный

Художница Галина Беспалова – человек со своеобразным видением мира и таким же неординарным чувством юмора. Говорит:

– У меня теперь один глаз стальной, а другой кирпичный.

– То есть? – удивляюсь я.

– Мне их оба прооперировали, и денег на одну операцию дал директор «Стальмонтажа», а на другую – директор кирпичного завода.

Три «правды» прошёл

Мой друг, ветеран советской и казахстанской журналистики, а ныне редактор «Индустриальной Караганды» Владимир Иванович Рыжков, когда ему не хватает

аргументов в споре, пускает в ход «тяжёлую артиллерию»:

– Да что вы мне тут рассказываете – я сам три «правды» прошёл.

Имеются в виду газеты «Комсомольская правда», «Правда» и «Казахстанская правда», в которых собкорил Рыжков.

Ошарашенные таким доводом, любые собеседники тут же признают его правоту.

Так и сказал

Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко, оценивая переживаемые республикой трудности, публично заявил:

– Мы, конечно, будем жить плохо, но недолго!

За что над ним после долго издевались российские журналисты.

Режим дрожания

Перед началом заседания чиновник областного акимата обращается к присутствующим:

– Прошу выключить сотовые телефоны или хотя бы поставить... – запнулся и добавил: – Или поставить на режим дрожания.

Семейный диалог

Редактор газеты после вчерашнего загула с трудом отрывает голову от подушки, разлепляет глаза...

Жена ему – с укоризной:

– Володя, зачем ты вчера опять так набрался?

Он – с её же интонацией:

– Наташа, ну сколько можно – сорок лет мне говоришь одно и то же!

Наговорились и намолчались

Женщина делится впечатлениями о встрече с одноклассниками после 25-летней разлуки:

– Мы не только наговориться, но и намолчаться не могли. Ведь нам было о чём не только поговорить, но и помолчать.

Другой человек – о близком человеке:

– С ним не только поговорить хорошо, но и помолчать тоже. Второе, может, даже важнее...

Как правильно выпивать

Были на неформальной журналистской пирушке, в которую затесался долговязый, нескладный белобрысый американец Питер – корреспондент знаменитого информационного агентства «Ассошиэйтед пресс». После выпитого его быстро «повело», и он стал учить нас (русских!) – правильно выпивать: чокаясь, надо обязательно пристально, да ещё и с приязнью, смотреть партнёру в глаза. А то он может подумать, что неприятен тебе. Нас было в компании с десятков человек, и мы с усердием взялись выпивать правильно, всякий раз выпучивая глаза на того, с кем чокались... Питер, кстати, скоро «сошёл с дистанции»...

Может, и не он, но очень на него похоже...

Невнятная информация по радио: якобы депутат правительственной партии врезался на своём внедорожнике в четыре машины сразу...

Журналисты пытаются навести справки через информированные источники и получают совершенно замечательный ответ.

– У нас пока нет официального подтверждения, что это был именно он. Но очень на него похоже.

Встречали с музыкой

Знакомый журналист подрядился написать книгу о бывшем директоре оборонного завода, Герое Соцтруда, лауреате Госпремий и т.д. Решил встретиться с его вдовой. Пришёл в назначенный час, доложил по домофо-

ну, поднялся на этаж... Дверь в квартиру была открыта настежь, и из неё во всю мощь лилась чарующая мелодия Георгия Свиридова к пушкинской «Метели».

«В мою честь, что ли?» – только успел подумать ошалевший журналист, как навстречу ему вышла вдова и, промокнув платочком глаза, пояснила: «Это в память о муже, он так любил эту мелодию...»

Самый лучший термометр

Когда у народного академика – агронома, дважды Героя Социалистического Труда Терентия Семёновича Мальцева спрашивали – как он определяет готовность земли к севу, он отвечал:

– Сажусь на неё и жду – долго ли смогу высидеть. Если мне хорошо, комфортно сидится – можно сеять.

– Терентий Семёнович, так есть же градусники, термометры...

– Градусник можно разбить или потерять, – а мой инструмент всегда со мной и ещё ни разу не подвёл...

Решили – терпеть!

На улице – дикая жара, и в редакционных кабинетах дышать нечем. Народ ропщет... Верхи собрались на совещание... Вентиляторы уже есть в большинстве кабинетов, но толку от них мало. Хорошо бы поставить кондиционеры, но это дорого и к тому же займёт не одну неделю. Приняли решение: «Терпеть!» Да и правда: сколько уже того лета осталось...

О странностях патриотизма

В 2011 году исполнилось 25 лет со дня аварии на Чернобыльской атомной станции. Статьи в газетах, фильмы по телевидению... Трагические судьбы бывших ликвидаторов той страшной аварии, до которых теперь чаще всего никому нет дела... Журналисты спрашивают у Н.И. Рыжкова, тогдашнего Председателя Совета Мини-

стров: трудно ли было тогда найти людей для выполнения срочных, зачастую крайне опасных для здоровья работ? Он отвечает, что от добровольцев-«ликвидаторов» отбою не было... Можно предположить, конечно, что кто-то мог и не знать о грозящей ему опасности, но большинство, безусловно, догадывались – и всё-таки рвались туда. Что это было? Безумие? Героизм? Самопожертвование? Наверное, всего понемногу, и всё это называется «советский патриотизм». Плохой он или хороший? Об этом надо прежде всего спросить у тех людей. Но в том, что он был, сомневаться не приходится.

В те же дни – документальный фильм по российскому телевидению о том, как была изготовлена и испытана за Полярным кругом советская водородная супербомба, взрыв которой потряс всю Землю. И один из её создателей говорил, что работали они над этим проектом часто круглые сутки, и не было, наверное, людей счастливее их...

Что это – эйфория творцов или безумие людей, не ведающих, что творят? Наверное, и то, и другое. И, конечно же, всё тот же советский патриотизм. Плохой он или хороший – другой вопрос. Но в том, что он действительно был, опять же сомневаться не приходится.

Воспитание по-новорусски

Семья новых русских: муж, жена и их сын, младший школьник, живут в особняке. Отпрыска возят в школу и из школы на машине, он ни в чём не знает отказа. Но учится плохо. Мать воспитывает его:

– Знаешь, как жить будешь, если не начнёшь учиться? В школу и из школы будешь, как лох, ходить пешком. И жить потом в говённой девятиэтажке, что напротив нас.

Между прочим, этот девятиэтажный дом – в центре города и с улучшенной планировкой квартир...

Забота на перспективу

Эдмунд Шик происходил из депортированных в Казахстан немцев. Закончил школу в Семипалатинской области, потом Уральский пединститут... Защитил диссертацию, стал литературным критиком.

Много лет жил и умер в Омске, в возрасте 75 лет. Немец, он завещал похоронить себя на новояврейском кладбище. Чтобы удобнее было его жене, чьи родители покоились там.

Хоть чай заваривай!

Старшеклассником я работал на сенокосе. Тракторист дядя Митя Михальченко, к которому я был определен в помощники на подборщик-копнитель, сено для собственного подворья заготавливал из степного разнотравья, на опушках березовых колков, в низинах, где травы всегда сочнее и гуще.

Сено было зеленое, запашистое. Он брал его в руки, рассматривал, пробовал на ощупь, нюхал и заключал:

– Всем сенам сено: хоть чай заваривай!

Человек-жаба

Он не говорил, а вещал и при этом раздувался от осознания собственной значимости, удивительно напоминая жабу.

Объявление

Оно висит на доске объявлений у нашего подъезда: «Продается кровать, двухъярусная, недорого».

Надо полагать, для любвеобильных молодожёнов.

«Я их трудоустраиваю...»

Ветеран-железнодорожник Г.Л. Осипян, всю жизнь собиравший книги по искусству, на склоне лет стал их раздаривать, хотя они были ему очень дороги. И когда

его спрашивали – зачем он это делает, Григорий Леванович отвечал:

– Я не дарю их вам, я их трудоустраиваю!

Машина-стрекоза

Едем в час пик с пожилым водителем по забитому машинами проспекту. Перед нами шустрит, ловко маневрируя и находя просветы на дороге, маленькая, будто игрушечная, малолитражка. И обычно строговатый водитель, наблюдая за ней, на этот раз, скорее удивляясь, чем возмущаясь, замечает:

– Ну чисто стрекоза!

Уел

Большие писатели и поэты не всегда ладили друг с другом. Вот и поэт Афанасий Фет держал в своем имении ослика по имени Некрасов...

Объяснил...

Впервые пытаюсь сам проредить ветки на яблоне «уралке» под присмотром опытного садовода. Ему моя работа явно не нравится:

– Ты пойми – яблоня должна быть вся раскрыта к солнцу! Раскрыта – понимаешь? Как женщина, готовая к любви!

Последний помещик

Поэта Владимира Романовича Гундарева его друзья называли последним помещиком Советского Союза. Он был автором слов поистине народной песни «Деревня моя, деревянная», которую очень часто исполняли по радио, телевидению, на больших концертах, за что ему полагались отчисления. На них лет за десять вполне можно было бы купить «Жигули». Но «авторские» поэт бесшабашно прогуливал вместе с друзьями.

«Деревенька» звучала и на его похоронах. И её до сих пор поют люди. Правда, по телевидению и радио её не услышишь, но в интернете, где есть разные исполнения «Деревеньки», только одно из них набрало за два года семь с половиной миллионов просмотров.

«Ну шо? Уже?»

Дед моего университетского друга Пашки Бабенко, отправляясь по воскресеньям на базар, запрягал в телегу лошадь, брал её под уздцы и начинал водить по кругу в их просторном дворе. Бабка бдительно следила с крыльца их дома за этим ничего не говорящим случайному человеку действием.

Дед водил и водил лошадь, время от времени спрашивая у бабки:

– Марья, ну шо? Уже?

И только когда бабка подавала голос, дед останавливался. Бабка сигнализировала, что конь поднял хвост и вот-вот начнёт «делать по-крупному». Самолюбивый дед не мог допустить, чтобы это произошло на длинной деревенской улице, которая вела на базар, и над ним стали бы подшучивать односельчане.

Флегмат

Дед Прокоп рассудителен, неспешен, лишнего слова не скажет. Вот он заходит поутру к соседям домой. Те завтракают:

– Ну, скажем, здравствуйте, – говорит дед. – Снимае-те?

– Сидайте с нами! – приглашают его.

– Да мы уже посидали, – степенно отвечает дед, продолжая стоять в дверях.

Общее молчание. Соседи ждут, что он скажет – самим спрашивать у старшего по возрасту, зачем пришёл – неудобно. И, наконец, слышат неторопливое:

– Ну, я вам так скажу – у вас пригин (то есть сарай – прим. авт.) горит...

«Хватит работать грудью!»

Музыкальный педагог встречает свою бывшую ученицу, игравшую раньше на скрипке в его любительском оркестре.

– Ты куда пропала? У нас же без тебя в оркестре дыра.

– Да я в декретном отпуске...

– А сколько ребёнку?

– Скоро полтора года.

– Ну и хватит работать грудью – поработай опять у нас – руками!

Говорят старожилы

Художник В.Ф. Поликарпов блестяще передавал местный говор своей бабушки, которая впечатления от поездки на лошадях по заснеженной прииртышской долине живописала так:

– Чаю-то напьёшься густенького («г» – мягкое, местное, а не городское твёрдое) и от Пятирического до Семирического снежок-то и похватывашь!

Ехали, стало быть, из Пятирыжска в Осьмерыжск, вдоль Иртыша.

* * *

А у знакомых железинских старожиллов была такая присказка:

– Ничего, хорошо живём: чай кирпичный, вода иртышный...

Что не берёт в дорогу настоящий казах

Оказался как-то в одной компании за городом, на базе отдыха частного вуза. Принимал нас ректор-казах М.Х., ладно скроенный, с хорошей реакцией и чувством

юмора. Он же и стол вёл. Уже в разгар застолья кто-то поинтересовался:

– Мы тут почти все парами, а вы почему один?

И тот, будто только и ждал этого вопроса, отвечал:

– Мы ведь с вами, можно сказать, в пути. А мои предки по мужской линии, отправляясь в дорогу, никогда не брали с собой две вещи – продукты и женщину...

Общее заинтересованное молчание...

– И то, и другое уважающий себя казах должен был добыть в пути.

Одни засмеялись, другие призадумались, а немногочисленные свободные женщины бальзаковского возраста как-то приободрились...

Непростой, но правильный выбор

Конец 1970-х годов. 1 января. Сидим дома за столом, можно сказать, уже догуливаем... Звонок в квартиру – это сосед Борис с верхнего этажа пришёл попросить спичек. Борис – актёр местного театра, интеллигентен, представительен, как и его герои в спектаклях, которых он по преимуществу играет.

Приглашаем его за стол, с остатками шампанского и початой бутылкой портвейна №13... Видно, что Борису нелегко после новогодней ночи. Но репутация, сложившаяся у публики (а мы не только соседи, но и его поклонники), образ, амплуа... Он же может растратить это в наших глазах...

– Ну что, Борис, шампанского? – я решаю ему помочь. – Или давайте мы с вами портвейна?

Выбор непрост: шампанского совсем мало, да и как-то неудобно – остатки... А бутылка портвейна только начата... Это, конечно, не комильфо, но сколько можно издеваться над организмом...

Я понимаю его без слов, наливаю в стакан портвейна примерно на три четверти, подаю ему... И мы сдвигаем стаканы.

Уходит Борис почти сразу, забыв про спички...

Из жизни кошачьих и их хозяев

Самое дорогое в жизни существо для неё – кот по имени Граф. И вот она жалуется подруге:

– Что-то непонятное с моим Графом происходит...

Та делает вид, будто и ей это интересно, ждёт продолжения...

– Спать со мной перестал...

– В каком смысле? – невинно интересуется подруга, изо всех сил стараясь не рассмеяться.

– Какая ты, Оля... – обижается хозяйка кота.

Через какое-то время, преодолев мучительные сомнения, она согласилась кастрировать Графа. Не спала всю ночь, не давая ему зализывать «это место», как и наказывал оскопивший кота ветеринар.

Дело сделано, но сомнения по-прежнему одолевают её. И она опять делится переживаниями с подругой:

– Как он теперь будет?

– Так и будет – жить спокойно, – увещевает подруга.

– Легко тебе говорить, а как он на улицу пойдёт?

– Так и пойдёт – как ходил...

– Ну да, пойдёт... А коты на него посмотрят как на неполноценного... А кошки?

А у самой слёзы на глазах.

* * *

У моего знакомого живёт кошка, которую он зовёт «моя девка». Каждый год она приносит котят, которых он аккуратно топит в ведре, и она о них быстро забывает, а потом снова и снова приносит новых, которых он опять раз за разом топит.

– Ты бы лучше её стерилизовал, – говорю ему как-то.

– Зачем, она же живое существо, – спокойно возражает он, – а значит, тоже имеет право на радости жизни...

Мой – не такой как все

Только что родившая сына-первенца женщина уверена, что он – не такой как все и что его ждёт особая судьба. Делится своими наблюдениями с подругами:

– Я же знаю, что дети рождаются с бессмысленным взглядом, отсутствующим выражением лица. А мой родился сразу с осознанным взором. Принесли его – он тут же хватя меня за титьку... Нет-нет, это будет необыкновенный человек!

Ключ к образу

Поэт Евгений Евтушенко в свой первый приезд в Павлодар сразу проникся особым отношением к работам здешнего художника А.И. Бибина. Подчёркивал: в них есть что-то раблезианское. Они быстро нашли общий язык. Евтушенко организовал выставку Бибина в Москве, а художник в знак своего расположения к поэту и благодарности написал его портрет. Но не в раблезианском, а скорее в классическом стиле. И Евтушенко, улучив удобный момент, заметил Бибину:

– Саша, а я ведь забулдыга!

Что есть и в его стихах: «Я разный... Целе- и нецелесообразный...» Бибин эти строки, может, и не читал, но самохарактеристика Евтушенко помогла ему найти ключ к новому портрету поэта, на котором тот ироничен, лукав, расслаблен и с фужером вина...

Говорят, что Евгению Александровичу, и вообще-то относившемуся с большим пиететом к себе любимому, этот портрет пришёлся по душе.

Лошадь и женщина

С детства люблю лошадей. Да и как их можно не любить? Прочитал недавно о лошадях: у племени масаи есть поверье, что человек, убитый лошастью, прямиком попадает в рай; учёные утверждают, что лошади видят цветные сны (непонятно, правда, как учёные это узнали)...

А вот ещё: у мордвин существовал обычай: женщина может ехать на лошади верхом, только надев две пары юбок, чтобы не оскорбить благородный круп животного «нечистыми» частями своего тела. Лошадь, таким образом, ценилась дороже женщины.

Не понять и финнов, у которых слово «конь» оскорбительно, а «лошадь» – ласкательно. И любой финке по этой логике должно быть приятно, когда её мужчина скажет: «Ах ты моя прекрасная лошадка!»

Что роднит учителя и пьяницу

Женщину, пришедшую к стоматологу лечить зубы, не берёт заморозка.

– Вы что, педагог? – спрашивает врач.

– А как вы догадались? – удивляется она.

– Да по опыту: местный наркоз обычно не берёт пьяниц и учителей. А на пьяницу вы не очень похожи...

Мастер-пимокат

Пчеловод Владимир Иванович Чужба был когда-то ещё и известным в Павлодаре пимокатом. Хвалился мне горделиво:

– Мои пимы-чёсанки один цыган уже 29 лет носит. Не верите? А пойдём к нему вместе – спросим?

Правила жизни

– От жратвы не богатеют, а токмо пузатеют, – говорил старый кержак, когда его спрашивали, почему он так умерен в еде.

У него же был свой, особый ритуал начала заслуженной выпивки. Приняв первую стопку, он сразу никогда не закусывал. Степенно поглаживал бороду и говорил:

– Пущай она там маненько поиграет!

Пусть и не тот камень, но тоже драгоценный

Матери наших друзей, уже пожилой женщине, сделал операцию на сердце кардиохирург-казах по имени Алмаз. Она его имя почему-то не могла запомнить и называла при встрече Изумрудом.

– Алмаз, – поправлял он её сначала.

– Но это ведь тоже драгоценный камень, – оправдывалась она.

Он же, продолжая её наблюдать, привык к Изумруду и больше не поправлял.

И родители подкачали

У наших друзей трагедия: сына грозят отчислить из престижного лица – единственного в городе. Строгий преподаватель русского языка и литературы говорит, что их отпрыск на лицейский уровень не тянет. Вот, мол, посмотрю ещё, как напишет домашнее сочинение по лермонтовскому «Герою нашего времени»...

И тогда они пускаются на авантюру: пишут сочинение все втроём. Жена закончила филфак, муж – журфак. Текст составляли и вылизывали как только могли. Но строгий преподаватель всё равно нашёл в нём три ошибки, были претензии и к раскрытию темы. Итоговая оценка 3/3. Но в лицее парня оставили.

Дилемма

Когда он, как всегда без приглашения, приходит в гости, перед хозяевами встаёт дилемма: наливать – не наливать. Ошибиться нельзя: если он уже в кондиции, то наливать нельзя – до дома потом не дойдёт. А если он ещё недобрал, то можно и налить, но только до кондиции, а то тоже до дома не дойдёт.

Творческий метод

У старшины всегда был при себе перечень наказаний для проштрафившихся солдат: бумажки с надписями в кармане. Нарушителю воинской дисциплины он предлагал самому выбрать себе кару. Тот тянул одну из бумажек, где могло значиться: туалет, кухня, дрова. А старшина довольно заключал:

– Не обижайся – сам себе наряд выбрал!

Лев Волкович

Знакомясь с русскими, он, Арыстанбек Каскырбаевич, представлялся так:

– Лев Волкович!

Так переводилось с казахского его имя-отчество: Арыстан (Лев), Каскыр (Волк). По казахской традиции детей называют именами, которые имеют сакральное значение и ведут их по жизни. В данном случае – это качества двух выбранных родителями выдающихся животных.

Самохарактеристика

– Я смолоду таким был, что у меня, когда шёл, от подошв искры летели!

Кто кого не понял

Из практики хирурга-ортопеда, исправлявшего женщинам кривизну их ног...

Приходит к нему на приём пациентка. Он, дописывая историю болезни предыдущей, машинально говорит ей: «Раздевайтесь!» – и продолжает писать, не глядя на неё.

Потом, подняв от стола голову, видит: она не только разделась донага, но и на кушетку легла...

И он, и она были людьми с юмором, и когда он исправил ей ноги, с удовольствием рассказывали близкому кругу эту историю.

Новояз

Ольга Григорьева – руководитель музея А.И. Цветаевой в Павлодаре на общественных началах – разговаривает по скайпу с цветаеведкой из Москвы: говорит, что пошлёт ей какие-то новые материалы. Та сразу оживляется:

– Вот хорошо! А я их расповсюжу!

Что означает: разом разошлю по электронной почте нужным людям.

* * *

Разбираю со студентами – будущими журналистами – скандальную историю, которую разные газеты представляют по-разному. Надо что-то ещё уточнить, я не знаю, как это по-быстрому сделать... Студентка-второкурсница приходит на выручку:

– Не парьтесь – я сейчас загублю...

Что означает – быстро найду в интернете.

На чьей стороне судьба

Близкий человек сломал по пьяной лавочке ногу, и теперь она плохо заживает.

– Врач говорит, это потому, что я рыжий.

Человек мне шутливо намекает на то, что я когда-то сказал: рыжие, они счастливые.

Я шутку не принимаю – говорю в ответ:

– Вот видишь: судьба даже от рыжих устаёт...

Не угодила...

Наталья Михайловна Капустина подарила мне такую блёстку.

По доброте душевной она присматривала за старушкой. И та в очередной раз занемогла – лежит, даже встать не может. Наталья Михайловна, чтобы хоть как-то её приободрить, предлагает:

– А давайте я вам музыку поставлю. У вас же пластинки есть...

– Да ну тебя, Наташа, – недовольно отвечает та, – мне до смертинки три пердинки осталось, а ты тут с музыкой...

От чего теряют совесть

Не сказать, что он был уж очень большой любитель выпить, но, пожалуй, эстет этого дела. Говорил, например, о себе, нисколько не стесняясь:

– Когда я вижу перед собой виски, сразу теряю совесть!

Искусство перевода

Наша знакомая художница Г.Я. одно время состояла в электронной переписке с французом, тайно лелея надежду, что он пригласит её к себе в гости, а заодно на смотрины.

Пишет ему в завершение очередного письма: «Нежно обнимаю, крепко целую». В переводе, сделанном её здешним знакомым, вторая часть фразы прозвучала по-французски примерно так: «Крепкая, целая...»

Рецензия

Наверное, самую лучшую рецензию на мою «Хронику смутного времени» написал Геннадий Гаврилович Сокуренок, с которым мы люди одного поколения. В ней по сути всего одно предложение: «Мне кажется, не вы, а я написал эту книгу».

Новая дегенерация

Немало поварившийся в чиновничьей среде приятель говорил о ней так:

– Это какая-то новая дегенерация людей.

От Черномырдина...

Блёстки я собираю по принципу: брать своё везде, где только можно.

Вот несколько блёсток от В.С. Черномырдина – большого мастера языковых перлов...

О выпивке:

«Вино нам нужно для здоровья. А здоровье нам нужно, чтобы пить водку».

«Лучше водки хуже нет».

«Вечно у нас в России стоит не то, что нужно».

«Никогда такого не было, и вот снова».

Аморальная поддержка

– Подсудимый, расскажите о ваших отношениях с гражданкой Н.

– Она оказала мне тогда аморальную поддержку...

– Что вы имеете в виду?

– Ушла от мужа и стала со мной жить...

221

«А ты пой, брат, пой...»

Режиссёр казахского музыкально-драматического театра Еrsaин Тапенoв рассказывал, как они с братом в детстве воровали яблоки в соседском саду. Старший полез через забор, а Еrsaин, забоявшись, сказал, что будет в это время петь, чтобы подбадривать брата.

Нарвал тот яблок, перелез через забор обратно, отошли в укромное место, брат высыпал яблоки... Еrsaин потянулся за приглянувшимся. Но брат решительно отвёл его руку.

– Нет-нет, брат, это я буду есть, а ты пой-пой, ты хорошо поёшь...

Главное правило тоста

Вот что услышал от соседа на явно затянувшемся застолье, на котором тостующие очень уж долго говорили:

– Тост должен быть коротким и точным как выстрел: сказал, чокнулся, выпили. Всё!

Кто такой хурсик?

До сих пор помню выражения нашей соседки, материной подруги тёти Веры Шарубиной...

Про чем-то провинившегося соседского пацана:

– Ишь ты, хурсик какой!

Думаю, она и сама не могла бы объяснить, что означает это слово. Всем и так было понятно: нечто мелкое, вертлявое, непослушное. Словом, хурсик он и есть хурсик.

Или вот обращённое к соседке:

– Ну, чего расшиперилась?

Это означало – расселась, заняла много места, но было ближе, наверное, к «растопырилась», с явным оттенком недовольства. Хотя то же самое могло быть обращено и к домашней гусыне, защищавшей своих гусят.

222

Всё познаётся в сравнении

Приятель жалуется:

– Ну что за жизнь: всё тело чешется, зуб болит...

И после паузы:

– То ли дело, когда просто болеешь: лежишь себе с температурой под одеялом и загибаешься помаленьку...

Осторожность не помешает

Девочка-дошкольница наотрез отказалась ходить с матерью в бассейн после того, как услышала по радио: в бассейне реки Иртыш нашли зубы древней акулы.

Кулинарные причуды

Пирожки «Робин Гуд» (с луком и яйцами).

Чапанизация

На казахском юбилее... Наблюдая за тем, как виновнику торжества поздравляющие его гости дарят чапаны один за другим, сидевший рядом его коллега заметил:

– Вот бы надеть на него их все сразу! Что бы, интересно, с ним стало?

Пожелание

Когда вышла моя книга «Живу», коллега Вера Ливенцова, у которой, как у бабелевского Бени Крика, «всегда есть в запасе пара слов», посоветовала:

– Ты следующую назови «Хорошо живу», а следующую – «Очень хорошо живу».

Говорящая кличка

Известного в нашей области руководителя Геннадия Ивановича Могилевцева в пору его работы в Экибастузе хорошо его знавшие горожане звали меж собой за глаза «Порешаем!»

Именно так он чаще всего подытоживал обсуждение важной проблемы, чью-то обоснованную просьбу, поставленную начальством задачу.

И, что самое главное, почти всякий раз решал!

* * *

Сын Даня – про одного нашего общего знакомого:

– Он – человек «с жульцой».

Какое вкусное слово, и характеристика тоже замечательная!

Перебор

Друзья накануне хорошо посидели вдвоём. Утром один, глядя на себя в зеркало, говорит:

– Да, двадцать два.

– Не понял, – отзывается другой.

– Перебор, говорю, вчера был у нас с тобой...

* * *

А вот ещё на ту же тему: перенедопили. Что означает: выпили больше, чем могли, но меньше, чем хотели.

Женские образы

Лицо у неё было ещё по-детски наивное, а фигура – вполне сформировавшейся девицы со всеми полагающимися выпуклостями-вогнутостями.

* * *

Шея у неё была, как у породистой лошади, и осанка под стать ей же.

Ещё одна мудрость жизни

Старый ловелас наставляет молодого:

– Жить надо так, чтобы было о чём вспомнить, но стыдно рассказать...

Не вражда, но совражество

224
Есть такое понятие, как содружество. А у нас с ним было совражество. Не вражда, а именно совражество – нечто трудно объяснимое, нас объединявшее и нами обоими вполне осознаваемое.

Объявление в частной газете

Две крутые тёлки уберут ваш офис. Чисто, конкретно, без базара. За реальные бабки.

Реклама

Рекламный плакат у бани: «Который день паришься, в тот день не старишься!»

Какой бывает взгляд

У него был взгляд нечистого на руку человека – бегающий, неуловимый...

* * *

У него было не столько застывшее, сколько остановившееся лицо.

Наблюдения

Лучше всего у этой актрисы получалось плакать.

* * *

Он шёл величественный и гордый, как двугорбый верблюд.

* * *

Над огнём костра бормотал, закипая, чайник. И в этом было что-то от человеческого недовольства, возмущения...

Как дурак на поминках

У моего отца была присказка:

– Напоролся – как дурак на поминках!

Что означало: переел, пользуясь случаем.

О странностях любви

Правильный выбор

Женщина, говоря о своём муже, человеке внешне ничем особо не примечательном, с которым они жили душа в душу, объясняла подругам, не слишком удачливым в личной жизни, свой давний безошибочный выбор так:

– А он спину прямо держал!

О красоте и не только

Моя бабушка Мария Петровна, отвечая на чьи-то слова о том, что человек некрасив, сказала: «С лица воду не пить, а счастья не купить!» А она понимала толк в жизни.

Любовь

Когда дядя Коля Хухорев стал ухаживать за моей теткой Ниной, своей будущей женой, она отпилила каблочки на своих туфлях, чтобы не так заметна была их разница в росте.

И какая же прекрасная получилась у них пара – на всю жизнь.

В гостях

Молодой человек, желая произвести впечатление, в гостях разговаривает с собакой по-немецки. Хозяйка, мать пригласившей его девушки, простодушно советует:

– Да вы с ней лучше по-нашему, она иностранным языкам не обученная.

Припел

(история одного знакомства)

– Мы жили с ним в одном посёлке, мельком встречались, но не были знакомы. Надо было наточить коньки, посоветовали – пойди к Василию. Пошла... А он вместо этого четыре часа играл мне на баяне и пел. Так познакомились, а потом поженились... Других привораживают, а он меня припел!

Вопрос по существу

В нашем десятом классе это была самая экзотичная пара: и он, и она очкарики, дружили чуть ли не с пятого класса, ходили, держась за руки... И очки, похоже, вообще никогда не снимали.

– Как думаешь, целуются уже? – вдруг спрашивает мой друг-одноклассник.

– А тебе что, завидно? – парирую я.

– Да нет: мне просто интересно – им очки при этом не мешают, или они их всё-таки снимают?

Признаться, я и теперь, спустя целую жизнь, не знаю: в очках они целовались или снимали их перед этим?

«Не сиди! Делай что-нибудь!»

Они прожили долгую-долгую супружескую жизнь – в общем, вполне благополучную. Была ли любовь? Наверное, была смолоду, хотя много позже она ему сказала, что в супружестве есть вещи и поважнее любви.

Были, конечно, и обиды друг на друга... У него свои, у неё – свои... Так, она уже на склоне лет призналась, что очень долго не могла простить ему походя брошенной фразы: «Ты не сиди – делай что-нибудь!» Они были в гостях у друзей, хозяйка дома хлопотала на кухне, а гостья была занята собственным грудным ребёнком... Вот муж и бросил тогда ту фразу. А ей стало до того обидно, что она даже плакала тайком...

Результат – один

Если выйдет дева замуж,

Станет дева дамою.

А не выйдет дева замуж,

Будет то же самое...

Вроде, обычная частушка, но всё же больше, чем частушка.

Семейное...

Муж и жена. Он – здоровяк, а она всё время болеет. Он трогательно за ней ухаживает. И вот он давно умер, а она всё ещё болеет...

Опасности нет

Лето, Чёрное море, санаторий, мужик средних лет говорит по сотовому телефону, похоже, с женой:

– Не волнуйся – опасности нет: тут одна старичня, только бабки.

Словом, если и хотел бы загулять, так не с кем...

Консенсус

Приятель делится секретами своей семейной жизни:

– У нас с моей благоверной такие отношения: я её иногда запускаю в свой карман, а она меня – в свою постель...

Родственные души

Встретились две женщины. Бывший муж первой, уйдя от неё и оставив совместно нажитую дочь, прижил на стороне ещё троих детей – от разных женщин. И вот одна из них говорит его первой супруге, товарке по несчастью:

– Люда, если мне понадобится помощь, я ведь могу к вам обратиться?

– Конечно, – отвечает та, – мы же не чужие друг другу!

Мечта

Знакомая женщина однажды призналась, о чём она иногда думает: «У меня есть мечта – собрать всех мужчин, которых я когда-то любила, за одним столом – большим, деревянным, без скатерти и клеёнки. Я бы наварила большую кастрюлю борща и каждому сама наливала черпаком в большую чашку. И смотрела бы – как они едят... Я всем, кого любила, всегда говорила о своей любви. Мне кажется очень несправедливым, когда человек может уйти из жизни, так и не узнав, что его любили...»

Пришли попить чаю...

Жена кремировала умершего мужа. Урну с его прахом хранила дома и часто носила с собой – в хозяйственной сумке вместе с продуктами и другими магазинными покупками. И в гости с этой урной – симпатичной керамической вазой – ходила. Заходя в квартиру, ставила её на стол и говорила:

– А это мы с Колей! Пришли к вам чаю попить!

Одна из её знакомых во время первого такого визита «супружеской пары» чуть не упала в обморок.

Двойной удар

Служебный роман... Секретарша после каждого свидания с начальником-любовником звонила его жене, меняя голос, и ставила её в известность:

– Ваш муж опять был у этой стервы, примите, наконец, меры!

Вот как бывает...

Они прожили в браке сорок лет. Он считал, что ему с ней необыкновенно повезло, ведь они прожили все эти годы душа в душу. Семью их и друзья считали редкостно счастливой. Двое их детей стали успешными людьми, жена боготворит внуков. И только на склоне лет в порыве откровенности она призналась мужу, что более всего ей отравляла жизнь необходимость исполнять с ним супружеские обязанности...

У каждого своя правда

Одна подруга жалуется другой, одинокой, на беспутного мужа, отбившихся от рук детей и с обидой подытоживает:

– Тебе-то, Людка, хорошо, – ты ни с кем не живёшь!

Не судьба...

Женщина с несложившейся судьбой жалуется единственной подруге после очередного неудачного романа:

– Ну что я за уродина такая – даже сблядовать, как нормальные бабы, и то не могу!

Вторая бывшая...

Старый приятель показывает на женщину со следами былой красоты – будто хвалится:

– А это моя бывшая вторая жена!

Есть такая профессия...

Наблюдая за тем, как на экранах ТВ получают постоянную прописку жёны почивших народных любимцев – актёров, певцов, литераторов и других «героев нашего времени», поневоле приходишь к выводу: есть теперь такая новая должность и даже профессия – вдова! Надо полагать, и кормит кого-то из них неплохо.

Раньше и теперь

Женщина средних лет жалуется подруге на мужа:

– Раньше, когда видел меня с утра непричёсанной, говорил: «У тебя голова – как хризантема». А теперь – причёску сделаю, а он: «У тебя на голове – чёрт-те что, копна сена какая-то».

Оля

Она появилась у нас в четвёртом классе, сидела за партой передо мной, и я всегда мог сколько угодно любоваться этим чудом...

Она была так хороша, просто прелесть, что казалась пришлицей из неведомого мира. Нежное, чуть бледное личико с большими голубыми глазами, светлые волосы, разделённые на пробор и заплетённые в крохотные косички с двумя пышными белыми бантами.

Белый же, всегда отутюженный фартучек поверх коричневой школьной формы... Изящные лакированные башмачки...

И портфель для тетрадок и книжек у неё был такой, какого не было ни у кого: красивый, изящный, с привязанной к его ручке чернильницей-непроливайкой в специальном матерчатом чехольчике.

Она была не просто, а божественно красива, в её облике было что-то неземное, ангельское.

Любил ли я её? Какая любовь может быть в четвёртом классе! Но, может, именно тогда я впервые, сам того не понимая, ощутил: какое это чудо – женщина, даже если она – маленькая девочка. И этот дивный образ до сих пор живёт во мне. Наверное, потому ещё, что она проучилась с нами недолго, уехав с родителями в другое место.

Выбор

– Родня не хотела, чтобы я шла за него. Мать, тётки, старшие сёстры говорили: «Дура ты, Дашка, дура!» А я отвечала: «Ну и пусть!» И никогда потом не пожалела...

Подарок (быль)

Они недавно поженились, жили бедно. Приближался день её рождения, а у него не было денег даже на скромный подарок. И тогда он выучил и прочитал ей наизусть «Незнакомку» Блока, которого она обожала. Она была счастлива.

Не совпали...

Она прибежала в нашу комнату в студенческом общении, брала его несвежую рубашку, зарывалась в неё лицом и иступлённо шептала: «Я так люблю его! Если бы он только знал – как я его люблю!»

Он это знал и старательно её избегал...

Кино и записка

Близкий человек рассказывал:

– Я влюбился в неё в седьмом классе. И самыми счастливыми, благостными минутами в моей жизни были полуторачасовые сеансы кино в нашем совхозном клубе. Я бы, конечно, никогда не позволил себе сесть с ней рядом... Я занимал место позади неё в следующем ряду и всё время, пока шло кино, смотрел не на экран, а на её «под мальчика» стриженную голову, тонкую шею с пушком золотистых волос. Хорошо, что в зале был полумрак, и никто не видел, как я люблю её.

Однажды я осмелился и написал ей письмо с предложением дружить – писал втайне от всех, на чердаке нашего дома. Я написал его красными чернилами, долго-долго думал, как же мне его передать, и, наконец, на перемене, последним выходя из класса, сунул записку в один из её учебников, оставленный на парте.

Она мне не ответила...

Школу, так вышло, я заканчивал уже в городе, и увиделись мы через десять лет на вечере встречи выпускников. Передо мной была зрелая, красивая, уверенная в себе женщина... Но ничто в ней не напоминало ту девочку, по которой я страдал... И я не стал ей ничего говорить ни о тогдашних своих чувствах, ни о записке с призывом дружить...

Парадокс

Странная вещь: в старых советских фильмах нет не только постельных сцен, но и вообще ничего «такого», кроме, может быть, поцелуев, и то лишь обозначенных... А чувства есть... В нынешних же всё «про это» показывают – во всех видах и позах, а чаще всего не трогает – скорее, неудобно становится, особенно если смотришь не один...

Прозрение

Одноклассница рассказывала:

– В восьмом и девятом классах я была буквально без ума от Васьки М. Он казался мне таким значительным, мужественным... Я по нему с ума сходила, а он меня не жаловал...

И вот мы школу закончили, я поехала поступать в институт, сдала экзамены, ещё не зная, буду ли зачислена... И вдруг он приезжает ко мне, мы всю ночь вдвоём бродим по городу, говорим... И у меня будто пелена с глаз падает: «Какая же я дура! Как могла влюбиться в этого недалёкого, неотёсанного, самовлюблённого индюка...»

Он стал мне не только безразличен – я его презирала. И он навсегда ушёл из моей жизни. А я стала иначе к себе самой относиться – как будто, наконец, цену себе узнала...

Склероз

Немолодая одинокая женщина вечером, готовясь ко сну, уже в ночной рубашке, накручивает перед зеркалом бигуди на ночь... Выходит босиком в коридор и забывает – зачем... Какое-то время стоит в раздумье, потом опять подходит к зеркалу, красит губы и ложится спать...

А в коридор она выходила, чтобы закрыть на цепочку входную дверь...

В очереди...

С.П. Шевченко рассказывал мне, как влюбился в девочку, стоя в бесконечной очереди за хлебом (случилось это в военные годы). Заговорить, познакомиться с ней было просто невыносимо... Счастьем было стоять рядом с ней в этой очереди, в которой, казалось ему тогда, он был готов простоять всю жизнь...

Страшная месть

– Когда она отвергла меня на втором курсе, я невероятно страдал... И мечтал... Пройдут годы, и я стану не просто известным, а знаменитым... И приеду в их посёлок на огромной чёрной лакированной машине. Мы встретимся, конечно, и будем идти по улице... Я скажу ей, что у меня мало времени, и машина, на которой я приеду, будет медленно и почти бесшумно ехать за нами. И тогда она, наконец, поймёт – кого потеряла...

Наивность и глупость несусветная – скажете вы. Почему она будет жить именно там? С чего я решил, что буду успешным и знаменитым, а она – наоборот? При чём здесь машина – у кого их и каких только сегодня нет?

Пусть так, пусть глупость и наивность... Но тогда я именно так представлял себе эту страшную месть...

Тайное признание

Летний вечер у неяркого костра. Они двое – чуть-чуть поодаль от всех: она сидела, а он полулежал, опершись на ствол сваленного недавней бурей тополя.

Девчонки пели:

Ты у меня одна – словно в ночи луна,
Словно в степи сосна, словно в году весна.
Нету другой такой ни за какой рекой,
Ни за туманами, дальними странами...

И вдруг он почувствовал на своей голове её маленькую, лёгкую, почти невесомую, совсем ещё девчоночью руку, которая стала медленно перебирать пальцами его волосы... Он сразу даже не понял, что это – она...

В инее провода, в сумерках города,
Вот и взошла звезда, чтобы светить всегда... –
пели девчонки...

А она всё не убирала руку, и ему стало трудно дышать от нахлынувшего и прежде ни разу ещё не испы-

танного чувства. И ему так хотелось взять её руку, прижать к губам...

Но девчонки уже почти допели песню...

Рецепт счастья

Друг, у которого были затянувшиеся семейные нелады, однажды с отчаянием сказал:

– Знаешь, сколько супружеских пар стали бы счастливыми, если бы муж и жена боролись не друг с другом, а друг за друга!

Превратности любви

Он и она – хорошая пара. Когда они вместе, ими любят. Им завидуют. По всему видно – дело идёт к свадьбе. И вдруг, совершенно неожиданно для всех, они расстаются...

– Что случилось? Почему? – спрашивают у него друзья.

– Вы понимаете, у нее мечты нет, – объясняет он.

* * *

Парень и девушка долго дружили, уже представили друга друга своим родителям. Потом – размолвка и расставание. Подруги допытываются: «В чем дело, чем он тебе не хорош?»

Она объясняет: «Мы встретились, я ему говорю: «Ты знаешь, Индиру Ганди убили?» Он спрашивает: «А кто такой этот Индира Ганди?» Ну как, скажите, я потом буду жить с таким человеком?»

Не оправдал...

У друга в семье разлад. Он пытается объяснить мне суть конфликта:

– Ты понимаешь, у неё всё на мне сошлось. Я должен быть для неё подружкой и товарищем, мужем и любовником, матерью и отцом... А я обычный человек, мне

этот груз не по силам... Понимаешь, она всё на меня поставила, а я не оправдал...

Натюрморт

Молодые с вечера поссорились и даже спать легли порознь. А утром, когда супруг вышел на кухню, на столе его ждал сюрприз: два вареных яйца – одно к одному, а сверху сосиска. Натюрморт был столь живописен, что он, не удержавшись, улыбнулся.

И мир в семье был восстановлен.

Жили-нежили

Она первой призналась ему в своих чувствах и дождалась из армии, хотя вокруг неё – красивой, обаятельной, умной – всегда столько парней вилось... Вышла за него замуж, закончила институт, родила двух дочерей, состоялась в профессии, даже небольшой собственный бизнес создала... Она всегда тянулась вверх...

Он же привык довольствоваться малым: делал ту работу, которая ему подворачивалась, любил посидеть с приятелями, друзей так и не завёл... По пятницам – пиво, по выходным – рыбалка... Он плыл в жизни по течению, и это его вполне устраивало...

В начале их супружества она пыталась тянуть его за собой, вперёд – готовила к поступлению в институт, искала для него работу поинтересней... Со временем поняла – ничего этого ему не надо, и его уже не изменишь...

Их супружеские отношения начали охладевать, но его и это не трогало: тебе не надо – и мне не надо...

К концу жизни она его почти возненавидела, но жить они продолжали вместе – уже из-за детей и внуков... Хотя давно были по сути чужими людьми...

Правда жизни

Бабы-соседки обсуждают своих мужей. И так выходит, что ни одного путного: тот пьяница, тот неумеха, тот любитель сходить налево...

Вдовая немка Фрида, обычно в подобных разговорах не участвующая, неожиданно вставляет одну-единственную фразу:

– Лучше без хлеб, чем без мужик!

Бабы умолкают и быстро расходятся.

Сюжет для небольшого романа о семейной жизни

Когда-то им нравились даже недостатки друг друга, а теперь и достоинства раздражают... Между «когда-то» и «теперь» – их совместная жизнь. Вот о ней и надо рассказать.

Образ любимой

Друг отца, дядя Саша Агеев, звал жену – «моя опасна».

Беспечность

Бабы, собравшиеся вечером посудачить, сочувствуют соседке:

– А твоего-то, Настёна, опять под утро у Верки видели.

Настёна (она не выговаривает «ч») беззаботно машет рукой:

– А сёрт с им, небось не сотрётся...

Кафе «Алькины слёзы»

Так называли мужики гараж своего приятеля, в котором часто выпивали. Алей звали его жену.

Породу перевела...

– Ты же мне всю породу перевела! – в сердцах говорил муж жене. – У меня дед был агроном, отец агроном, я агроном. А сыновья в кого: один – зубной врач, другой музыкант, третий и вовсе банкир. Как мне теперь жить?

«На нём муха не сидела!»

Говорят две подруги – о мужьях.

– Ты своего как выбрала? – спрашивает одна у другой.

– Да это, можно сказать, не я, а сослуживица...

– Как это?

– Он к нам на работу устроился, и она, уже замужняя, говорит: чего, мол, зеваешь – посмотри, какой мужик видный...

– Бабник, наверное, – сказала я ей первое, что пришло в голову.

– Дура ты, дура, – говорит она, – на нём муха ещё не сидела!

– Послушала её и не прогадала.

О странностях семейной жизни

Разговор двух приятелей о супружеской жизни:

– Я никак свою не пойму, – жалуется один, – то она обижалась, что мне от неё надо только одно, а теперь недовольна тем, что мне от неё больше ничего не надо.

– Ты заплати супружеский долг и спи спокойно, – советует второй, работающий в налоговой инспекции.

* * *

Друг – о своей бывшей жене:

– Ты веришь – нет, я её как увижу, у меня сразу изжога начинается.

Свекровь не проведёшь...

Свекровь о говорливой снохе, преувеличивающей свои домашние хлопоты:

– Мыла и стирала, шила и гладила... И всё – языком.

Про коронавирус (народное творчество)

Пожелал себе, чтобы новый, 2020 год стал самым незабываемым в жизни. Не прошло и полгода, как его желание сбылось.

* * *

И даже через много лет, дожив до глубокой старости, вы без проблем ответите на вопрос, что делали весной и летом 2020 года.

* * *

Размышления публициста местного разлива на его блоге: «Ни у кого из нас нет сегодня уверенности в собственном завтрашнем дне – какое оно будет, это завтрашнее дно?..»

* * *

– Что-то шашлык у вас невкусный – недожаренный, что ли, мясо не жуётся совсем...

– А вы масочку-то снимите.

* * *

Состояние – правительства и наше – во время второй волны коронавируса: никто не знает, можно ли уже то, что нужно, и нужно ли теперь то, что можно...

* * *

Идея с масками не такая уж плохая. Гулял сегодня с подругой и встретил жену с тещей. Они меня не узнали.

* * *

Россия накануне судьбоносного голосования: режим самоизоляции и маски отменяются – страна пошла на поправки.

* * *

Карантин в Америке – это когда белые преклоняют колено, чёрные грабят магазины, а полицейские за всем этим спокойно наблюдают.

* * *

По данным последних исследований, большинство опрошенных заявили, что в условиях пандемии потеряли интерес к работе, а остальные сказали, что никогда его и не имели.

* * *

Из-за пандемии мартовские коты перенесли свои выходы к кошкам на апрель, май, июнь... А потом и вовсе расхотелось...

* * *

Всё – конец карантину: на улицы городов вышли тысячи озирающихся по сторонам шизофреников с одичалыми от самоизоляции взорами и идеально чистыми руками.

* * *

Поговорки времён коронавируса:
На Бога надейся, а руки помой.
Незванный гость – хуже инфицированного.
А ВОЗ и ныне там!
Переболела – гуляй смело!
Виртуальный друг лучше новых двух.
Хорошо чихает тот, кто чихает последним!

Нет, народ, так реагирующий на собственные беды, победить нельзя!

«Звездизмы»

Так я называю цикл блёсток, каким-то образом связанных со «Звездой Прииртышья», её журналистами и авторами, веселыми и грустными историями, которыми бывает так богата редакционная жизнь.

Неожиданное признание

Знакомый редактор областной газеты признался:

– Верись – нет, иногда ночью проснусь и думаю: твою мать, как хорошо, что бюро обкома партии больше нет.

Верю, потому что знаю: в редакторах он без малого двадцать лет.

Гонорар за... общение

Он перехватил меня в коридоре.

– Вы редактор?

– Я редактор.

– У меня к вам срочное дело.

– Пойдёмте, раз так.

В кабинете, перед тем, как сесть, он пошарил где-то за пазухой, выложил на стол пачку денег.

– Что это?

– Ваш гонорар.

– За что?

– За общение со мной!

– ???

Оказалось, Петр Павлович намеревается открыть свою собственную газету «Светило» и хотел бы получить необходимые консультации на этот счёт. Газета его будет духовной (что под этим подразумевается, он не сказал, сославшись на коммерческую тайну). Выходить она будет «по мере необходимости». На первых порах Пётр Павлович собирается пропагандировать создание региональных энергетических колец. Одно из них уже действует вокруг Павлодара. Оно сооружено по иници-

ативе шефствующего над городом и его окрестностями Высшего Реально Действующего Разума, представителем которого и является Пётр Павлович. Энергокольцо имеет радиус 130 километров – во все стороны: начинается оно в центре земли и поднимается на определенную высоту («Чуть выше туч», – уточнил мой собеседник). Кольцо служит исключительно мирным целям, ограждая всех тех, кто в нем находится, от всевозможных вредных воздействий и продляя людям жизнь. Но состоящим на службе у Высшего Реально Действующего Разума энергомонтажникам, сооружающим такие защитные кольца, следует платить – кто сколько может. Для чего Пётр Павлович просит пока (до создания своей газеты «Светило») опубликовать его расчётный счет в банке и домашний адрес, куда можно переводить деньги. Готов он принять заявки и на создание энергетических колец для других регионов...

Закончив, Пётр Павлович напоследок поинтересовался:

– Журналистами не поможете?

– Не могу – самим не хватает.

– Напрасно, – предостерег он, а потом махнул рукой: – Хотя чего там – сами потом ко мне прибегут...

Кинул взгляд на деньги, которые всё так же сиротливо лежали на краю стола, деловито поинтересовался:

– Ну а с гонораром как?

– Никак. Забирайте свои деньги.

Он ещё постоял в раздумьи, вздохнул и опять засунул их куда-то за пазуху:

– Правильно. Я бы тоже не взял...

Газетова жена

«Газетова жена» – звали мы иногда Веру Кирилловну Побережникову, жену первого зама «Звезды Прииртышья» Петра Арсентьевича Побережникова, для которого журналистика была превыше всего, включая семью. Кирилловна, как он сам именовал супругу, хорошо это

понимала и была не только для него, но и для всех нас, молодых газетчиков, и мамкой, и нянькой, и заботливой наставницей. Тогда-то и родилось это определение – «Газетова жена», которым она тайно очень гордилась.

Новатор

Новый редактор был грубоват и прагматичен. Он поломал прежний распорядок дня, требовавший от сотрудников сидения на работе «от» и «до», отменил каждодневные планёрки и недельные летучки, после чего провозгласил главную задачу, стоящую перед коллективом.

– Ваши задочасы мне не нужны. Вы – пчёлы, собирайте нектар действительности, перерабатывайте и несите в редакционный улей – на полосу. Это и будет мёд нашей жизни.

Всем сразу понравилось: образно, точно и очень понятно.

Разделение труда

У нашей официальной газеты разделение труда с нашими конкурентами из частных изданий. Мы публикуем соболезнования и некрологи, а они – объявления о знакомствах «с клубничкой».

А роднит нас то, что все мы берём за эти специфические услуги деньги.

Критерий

Один мой приятель, несостоявшийся поэт, смолоду подававший большие надежды, так определял суть настоящего творчества:

– Есть в стихах романтическая дурь – есть и поэзия. А нет её – и поэзии нет.

Прогресс

Старый журналистский волк – студенту-третьекурснику:

– А ты вырос: раньше тебя надо было переписывать, а теперь можно сокращать целыми абзацами.

Сон

Жене приснился сон. Умер один из наших сослуживцев. Он лежит в гробу, стоящем на диване в вестибюле редакции, и, слегка приподнимаясь, пожимает руку каждому входящему.

Очень на него похоже.

Аргумент

Пришёл пенсионер – бывший сотрудник редакции. Просит оказать материальную помощь в связи со смертью жены.

Аргумент у него такой:

– Жить на наши пенсии ещё как-то удавалось, а вот смерть её оказалась непозволительной роскошью: хоронить не на что.

Кличка

Секретаршу шефа – худую и злющую, вечно чем-то недовольную, по имени Айша Канапьяновна, сотрудники за глаза называли Анашой Конопляновной.

Возраст спелого арбуза

– Как жизнь? – интересуюсь у бывшего сотрудника редакции, несколько лет назад ушедшего на пенсию.

– А какая может быть жизнь у человека, вступившего в возраст спелого арбуза, – меланхолически замечает он, – пузо – растёт, конец – сохнет...

Знание жизни

Как-то был в командировке вместе с большим областным начальником. В одном из совхозов, как водится, у директора выпили, закусили. Он вышел проводить: благодарил за приезд, приглашал ещё...

– Да ладно, не усердствуй, – добродушно остановил его мой высокопоставленный спутник, – сам не раз встречал гостей – знаю: нет для хозяина ничего приятней, чем пыль с колёс отъезжающего начальства.

Уступка

Мы знакомы лет пятнадцать. Года три не виделись, а она всё такая же – хрупкая, свежая, девчонка-подросток. И как всегда в делах: пишет сценарии, снимает по ним фильмы, собирается в очередной раз в зарубежную командировку...

– Ну а замуж когда?

Она не обижается – смеётся.

– У меня теперь шансов много. Раньше дедушка наказывал: «Смотри – только за казаха!» Потом сделал уступку: «Пусть будет мусульманин...» Затем ещё одну: «Выходи хотя бы за советского!» А буквально на днях заявил: «Пусть будет кто угодно, лишь бы не негр!» Думаю, к следующему приезду получу полную свободу выбора...

Что такое газета

Всем известно определение, данное Лениным: газета не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор. Есть и другие: приводной ремень, подручная партии, коллективный разум, зеркало нашей жизни и т.д., и т.п. Но самое удивительное определение, которое я когда-либо слышал, сорвалось в порыве откровения с уст секретаря райкома партии в кругу единомышленников:

– Газета должна быть послушной, как любимая жена.

Результат

Знакомый представитель номенклатуры, не лишенный поэтического дара, так охарактеризовал результаты перестройки:

Опасно есть – в жратве нитраты.
Вода не водка – страшно пить.
Всё небо в дырках, зад – в заплатах.
В желудке – язва, в яйцах – СПИД.

Из неизданного

К нам в редакцию пришло письмо из воинской части – со стихами. Там были и такие строчки:

Все солдаты спят на койках
И своих целуют жён.
Только я, как шут какой-то,
На посту стоять должен...

Вот такой Иерусалим...

(из читательского письма)

«...Жизнь наша протекает во тьме... Свет дают от случая к случаю... И сидим мы без телевизора, без радио, без холодильника...

Вот такой получается Иерусалим!»

1995 г.

Отчего происходит искажение лица

(из письма в редакцию)

«Зарплату уже полгода не дают. А за квартиру платить надо и за продукты. О здоровье и говорить нечего, дома сижу – в больницу идти без толку – там тоже денег потребуют...

Ну вот кто это всё придумал?

...А ведь я не старуха, мне всего 51 год... Но вот от всех этих переживаний и получается у меня искажение лица...»

1996 г.

Изысканная просьба

Объявили очередную подписку на газету. Вроде и недорого по сравнению с другими, но всё равно многим не по карману. И вот письмо в подтверждение – из села Фрументьевка Качирского района:

«Много лет я выписывала газету, и была она для меня – как свет в окошке. А теперь вот не могу – не за что... Подарите мне подписку на «Звёздочку» – уж будьте настолько перпендикулярны!»

Ну можно ли отказать человеку после столь изысканной просьбы?

«Вася, шо ты наробыв?!»

Ольга Фролова вела у нас в «ЗП» семейную страницу и объявила в ней конкурс «Человек родился!»

Из присланных историй мне запомнилась больше других такая – вопль одной из женщин, когда ей пришла пора рожать:

– Ой, Вася, шо ты наробыв! – орала она так, что слышала вся больница.

...А уже через день, гордая и счастливая, демонстрировала в окно палаты первенца своему Васе...

Деревенская валюта

Журналист нашей газеты ездил в командировку в дальний район. Привёз оттуда такую новость. В одном из сёл сохранился клуб, и время от времени в нём устраивают дискотеку (фильмов в сельских клубах уже давно никто не показывает). Завклубом остался, но денег ему тоже не платят, поскольку такой должности теперь нет.

В ходу разнообразная деревенская валюта. Хочешь попасть на дискотеку – неси три куриных яйца, или стакан сметаны, или пять пустых бутылок...

И ходят, и носят...

1998 г.

«Я никогда не лебедю!»

Одно время у нас в редакции работал водитель, любивший ввернуть в свою речь что-нибудь «этакое-такое» и почти всегда попадавший из-за этого впросак.

Вот он возбужденно изъясняется с кем-то по телефону:

– Это я-то лебедю? Я вообще никогда не лебедю!

Он же говорил о своей машине:

– У неё развал снисхождения неправильный!

Ещё в его лексиконе была «ахиндея» (в смысле – ахинейя) и прочие «изобретения»...

Советы тёти Лёли

Знакомая нашей сотрудницы, тётя Лёля, поучала подружек своей дочери:

– Не бойтесь, девки, ешьте сало – сало «не толстит».

* * *

У неё же была частушка:

Ой, бабоньки, завтра пятница:

Кто не пьёт, не даёт – после схватится!

248

Два сапога – пара

Пришла устраиваться на работу новая секретарша. Обо всём договорились, но она не уходит, мнётся:

– Я должна вам сказать... Я на одно ухо не слышу.

– Тем более сработаемся! – говорю ей. – Я на один глаз не вижу.

Замшелость

Зашёл старый журналист. Небритый, заросший щетиной – волосы у него растут даже из ушей и носа.

Вывод

Знакомая поэтесса после просмотра очередного блока новостей по российскому телевидению выдала четверостишие:

Два года смотрела я «Новости»,
И ясно до коликов мне,
Что нету печальнее повести,
Чем повесть о нашей стране.

Я думаю, впрочем, что то же самое можно сказать не только о России.

Командировка раньше и теперь

Раньше журналисту в командировку на село можно было ездить без денег. Встретят как дорогого гостя: накормят, напоят и спать уложат. Ничего, кстати, не требуя взамен...

Теперь времена изменились. Корреспондент нашей газеты оказалась в дальнем районе, в доме у фермера. Хозяин был в отлучке, а его жена охотно рассказывала об их житье-бытье: что, мол, Бога гневить, не бедствуем – и сами себя пропитанием обеспечиваем, и на продажу остаётся...

Дело шло к обеду, на кухне у жены фермера всё кипело-скворчалло, распространяя дразнящие ароматы. Контакт с героиней был полный, да и есть, по правде сказать, хотелось – выехали-то из города затемно. Журналистка сделала вид, что собирается попрощаться.

– Уезжаете? – уточнила собеседница и тут же предложила: – А может, сметаны у меня купите?

Журналистка от неожиданности оторопела, хозяйка же энергично настаивала: «Берите-берите, в городе такой не купите... Ещё яички есть... свежие... И недорого...»

Купила гостя и сметаны, и яичек. А поскольку никакой другой перспективы поест не просматривалось, перекусывали в машине с водителем и фотокором предвзвешенно захваченными из дома бутербродами.

Авторское самолюбие

Давно и очень точно подмечено: авторы самолюбивы, как пудели.

И вот ещё одно тому подтверждение.

Только что выпустивший первую книжку поэт, уже немолодой и немало повидавший человек, жаждет немедленного и всеобщего признания. Он не устает перечитывать свою книжку, и раз от раза она нравится ему всё больше.

И вот, наконец, публичная оценка – рецензия в республиканской газете. Правда, она посвящена сразу нескольким поэтическим сборникам... С досадой сообщая мне об этом, автор, как бы между прочим, замечает:

– Про поэта С., который пишет уже 30 лет, там всего 64 строки, а про меня – 72.

И так, мол, ясно – кто есть кто.

Только с большой!

250

Были с заместителем редактора нашей газеты П.А. Побережниковым на Всесоюзном семинаре по мелиорации, который проходил в известном колхозе «30 лет Казахстана». Сам Побережников представлял, а мне, как молодому корреспонденту, поручил написать информацию. Дело нехитрое, я написал, споткнувшись лишь в одном месте. Семинаром руководил первый заместитель министра мелиорации и водного хозяйства СССР Полад-заде.

– Пётр Арсентьевич, ясно, что Полад – это фамилия, а вот «заде» пишется с большой или с маленькой?

Побережников задумался, но лишь на мгновение.

– Его заде всегда с большой, – с непоколебимой уверенностью изрёк он.

Так я и написал. И только спустя какое-то время выяснил, что эта часть фамилии пишется всё же с маленькой. Но житейская логика у нас, как правило, вернее и выше любого правила, а лингвистические законы – они тоже не вечны, особенно в русском языке.

Тосты

Отмечали юбилей журналиста-ветерана. Было много хвалебных слов, как всегда, не без обычного в таких случаях перебора...

Один из тостующих высказался в том смысле, что юбиляр всей своей биографией доказал: журналистика – это не профессия, а образ жизни...

Недолюблявавший этого журналиста за снобизм и себялюбие заместитель редактора Побережников, сам хорошо знавший цену журналистике, тут же взял слово и произнёс такой тост:

Давно работая в газете,
Пришёл я к мысли таковой:
Уж если жить на этом свете –
То только жизнью половой!

* * *

Мария Григорьевна лет сорок работала у нас теле-тайписткой. И на всех редакционных гулянках произносила свой коронный тост:

– Дай вам Бог всего, чего хочется...

Тут Мария Григорьевна делала паузу и неизменно добавляла:

– В эту же ночь!

И, странное дело: сколько раз повторялось, а не надоедало.

Магарыч

Среди наших нештатных авторов он появился недавно. Человек уже немолодой и небесталанный, он приносит нам свои заметки, размышления о жизни, короткие рассказы. Некоторые из них мы публикуем.

Как-то он заявляется ко мне в пухлой куртке, вроде даже раздался по бокам, и протискивается в дверь боком. Расстёгивается и достаёт из боковых карманов пиджака по бутылке водки.

– Вы что это? – изумляюсь я. – Зачем?

– Ну как же, – чувствуется, он не в своей тарелке, – гонорар вот получил... Магарыч положено ставить... Никак не привыкну: мало того, что печатают, так ещё и деньги за это платят...

Страшная месть

Нового редактора сразу невзлюбили. И было за что – будучи сам человеком в газете случайным, он относился к журналистам свысока, считая их людьми никчемными.

Они платили ему тем же, взаимная неприязнь росла.

В день своего пятидесятилетия редактор получил телеграмму: «Поздравляем юбилеем. Нетерпением ожидаем встречи». И три подписи – фамилии недавно умерших сотрудников.

Форма первична

(из советского материализма)

Эту историю мне рассказал Альходжа Мухамеджанов, бывший редактор газеты «Сарыарқа самалы», ветеран журналистики.

– Дело было в Тургае, летом. Середина июля, жара под сорок градусов... Начинается заседание бюро обкома партии. И вдруг первый секретарь объявляет перерыв. Оказывается, несколько приглашенных явились на бюро без галстуков. Тут же были вызваны две или три

обкомовские «дежурки» и увезли бедолаг доэкипировываться.

Это был урок «младшим товарищам» по партии на всю оставшуюся жизнь.

* * *

А вот уже из совсем недавнего прошлого:

Ельцин на совещании, набывчившись: «Не так сели» – новому премьеру и его заму. Традиции незыблемы.

Земная юдоль вдохновения

Надпись на двери кабинета заведующего отделом культуры областной газеты гласила: «Не обольщайтесь!»

Она адресовалась поэтам и прозаикам, но, увы, мало кого останавливала.

Кто кому должен

Написал очерк об С.П. Шевченко – к его шестидесятилетию. Опубликовали. Через какое-то время звоню:

– Ну как?

– Замечательно. Не могу от телефона оторваться – весь день звонят, поздравляют... – и тут же, без всякого перехода: – Так что с тебя бутылка!

– С меня-то почему? С какой стати?

– Так ты же на мне своё мастерство оттачиваешь!

Правила восточного гостеприимства

Ездили в командировку вместе с опытным журналистом, который всю жизнь проработал в Средней Азии. Изрядно проголодались и приняли приглашение молодого агронома, который показывал нам хозяйство, перекусить у него дома. Тот волновался: жена была в отъезде, хозяйничать приходится самому... Спросил, что мы предпочтём – перекусить на скорую руку или подождём,

чтобы подзаправиться основательно. Вот тут-то старый газетный волк и изрёк глубокомысленное:

– Никогда не спрашивай у гостя – хочет ли он, чтобы хозяин зарезал для него курицу. Потому что гость – ишак хозяина: куда хозяин захочет, туда он и поедет.

Не знаю, откуда он это взял, но мне запомнилось. А в тот раз хозяин сполна воспользовался своим правом, и мы у него заночевали, хотя и не планировали это.

Мягкая валюта

Муж одной нашей сотрудницы работает на мебельной фабрике. Зарплату ему долго не платили и вдруг выдали сразу за полгода – мягким уголком, их выпускает его же предприятие. Оценили уголок почти в тысячу долларов... Его можно было и не брать, но живых денег всё равно нет и не предвидится.

Живет семья в своём доме, для уголка там места нет, да и деньги нужны позарез... И вот расклеили по городу объявление: продаётся мягкий уголок, дёшево... Потенциальные покупатели позванивают, но почему-то не берут.

Муж нашей сотрудницы сокрушается:

– Вот что значит мягкая валюта – никого не привлекает...

1997 г.

Побудем троечниками

Когда нам в редакции в очередной раз «выкручивают руки», заставляя писать то, что писать по-хорошему никак нельзя (но и отказаться бывает нельзя: журналист – существо подневольное), мы вспоминаем спасительную формулировку Геннадия Бабина: «Побудем троечниками!» То есть напишем, «раз вам надо», но без усердия, для видимости, как Бог на душу положит.

Своего рода саботаж, мелкая месть, фига в кармане...

«Редактор «ЗП» был вооружён до зубов,
занимался валютными операциями
и пил водку графинами...»

Однажды, в лихие 90-е годы, воришки проникли в мой служебный кабинет, взломали хлипкий сейф и поживились его содержимым. А там были 20 дойчмарок, переданных мне в качестве подарка из Германии уехавшей туда однокурсницей; большой фигурный графин с водкой «Золотое кольцо», подаренный мне на юбилей газеты директором нашего винно-водочного завода, и три газовых пистолета, сдуру купленных для фотокорреспондентов и водителей, якобы необходимых им для самозащиты и охраны ценного конторского имущества...

Воришки-грабители, судя по их дальнейшим действиям, были так воодушевлены уловом, доставшимся от таких, как мы, ротозеев, что бросили в кабинете даже женскую шубу, утаченную ими в соседнем здании (за ней после опубликованной нами заметки пришла хозяйка и со слезами благодарила – ей не в чём было ходить на работу). А я боялся, что кто-нибудь из собратьев по профессии из конкурирующих изданий, прочитав миллионную сводку, ядовито напишет о нашем ротозействе. И мне даже явственно виделся заголовок: «Редактор «ЗП» был вооружён до зубов, занимался валютными операциями и пил водку графинами...» Но – пронесло. А воришек, конечно же, так и не нашли...

Ошибки

Бывший редактор «Казахстанской правды» Фёдор Игнатов, возглавлявший за свою жизнь не одну редакцию, рассказывал мне, что знал газетного курьера, который часто повторял: «Нет, ошибки в газете нужны – ошибки веселят читателя».

Не знаю – как читателя, а меня мало повеселила ошибка, которая могла стоить моей редакторской головы: в тексте важнейшего указа наша газета окрестила

президента вместо всенародно «вненаародно» избранным.

Помню, стращали ветераны «Звезды Прииртышья» нас, молодых, рассказывая, как в сталинские времена редактора увели под руки прямо из кабинета. Якобы в приказе Верховного Главнокомандующего в последнем слове каким-то образом выпала буква «л»...

«Индустриальная Караганда» в честь полёта в космос Валентины Терешковой выдала на первой странице шапку: «Есть 76 оборотов вокруг земли!» (имелось в виду, разумеется, оборотов).

«Казахстанская правда» однажды едва не опубликовала такой перл: «Близится к завершению уборка кокосовых культур» (речь, ясное дело, о колосовых).

У нас как-то чуть не проскочил заголовок «Пидеры встретились в Астане» (вместо «лидеры»).

Читателя ошибки, может, и веселят, а редактора не очень...

Я тучи разгоню руками

256 Готовим номер к очередному государственному празднику. Ответсеку принесли на показ фотоколлаж. На нём величественные здания столицы, индустриальный пейзаж, хлебное поле... И над всем этим весёлые облака...

– А это ещё что за тучи? – хмурится ответсек. – Что вы хотите этим сказать? Так не пойдёт – сделайте ясное небо!

Философское

Один из поэтов редакции, пожелавший остаться безмяннным, родил после очередной командировки на село такие строки:

Хоть и редко посещая
Сельский дырчатый клозет,
Вижу: вот судьба какая
Политических газет!

«Неопровержимые чувства»

Из стихов под таким заголовком, присланных в газету:

Оля, Олечка, Оль, успокой в сердце боль,
Осознай всё, пойдя мне навстречу.
Страх в себе побори, если сможешь – дозволю
Целовать твои нежные плечи.
И о том не забудь: твоя девичья грудь
От природы сильна магнетизмом...
Неуёмная страсть, чтоб губами прильнуть,
Наслаждаться твоим организмом.

* * *

Ещё из стихов, поступивших в редакцию:

И твой прощальный взгляд
С плывущего перрона
Вонзится в грудь мою
Под перестук колёс.

Парфразировав классика
(о себе любимом)

Я снова в деревне,
Хожу за грибами,
Пишу свои блёстки –
Живётся легко...

Частушка

На введение Казахстаном своей национальной валюты – тенге – поэт Виктор Семерьянов откликнулся четверостишьем:

Я люблю вино и бражку,
Пошататься по пурге.
А ещё люблю Кульпашку,
У которой есть тенге.

Кульпаш Конырова работала у нас корреспондентом, а теперь блистает на «Хабаре».

Крамольная мысль

Он – журналист с именем, но очень уж высокого мнения о себе и до того испортил отношения со всеми, до того насолил каждому, что мне иногда приходит в голову такое: «Не дай Бог помрёт – некролог написать будет некому, никто не возьмётся...»

Цитаты

Сыновья Димка с Пашкой, читая нашу газету, иногда потешаются надо мной. Как-то они выловили и теперь постоянно цитируют такой перл: «Тревожное ожидание весенних попусков сменилось полным удовлетворением...» Это начало материала о традиционном разливе Иртыша.

258

* * *

Из Лебяжинской районной газеты «Ленинский путь»: «Сена нынче уродились богатые...»

«Заветы Павла Ильича»

С развитием ЭТЭКа – Экибастузского топливно-энергетического комплекса – быстро рос и город Экибастуз. Здесь решено было создать свою городскую газету. Не мудрствуя лукаво, назвали её «Заветы Ильича». А редактором назначили П.И. Оноприенко – собкора «Звезды Прииртышья» по Экибастузу. И поскольку звали его Павел Ильич, газету журналисты тут же окрестили «Заветами Павла Ильича».

Всюду жизнь...

Есть картина известного художника с таким названием: взгляд арестанта из тюремного вагона на волю, где прыгает птичка.

А мой коллега Жумабек Сманов, слушая однажды, как подобострастно разговаривает по телефону с супругой другой наш коллега, философски заметил:

– И под каблуком есть жизнь...

Профессионал (блётка от Марата Ибраева)

Марат Ибраев, много лет проработавший на Павлодарской областной студии радио и телевидения, рассказывал:

– Когда я только пришёл на телевидение, Саше Р. было уже под пятьдесят, но звали его все только Сашей. На работу он приходил первым, часам к восьми или даже раньше. Рабочий инструмент у него всегда был под рукой: авторучка, телефон и загодя припасённая бутылка портвейна. Первым делом он из неё пригубливал, но немного, лишь для того, чтобы обрести нужную форму. После чего обзванивал своих информаторов, которые были у него повсюду – как в городе, так и в районах.

Часам к десяти утра очередная подборка информации для радио, записанная его чётким округлым почерком, была готова. И пока её набирала машинистка, Саша Р. с чувством исполненного долга позволял себе уже целый стакан портвейна. Чуть погода подписывал, не читая, машинописный текст подборки, сдавал его выпускающему. А возвращённые ему рукописные листки запечатывал в конверт и отправлял в редакцию «Звезды Прииртышья». Наша газета его тоже охотно печатала: при тогдашнем пятиразовом выходе в неделю свежей информации всегда недоставало. А Сашу Р. не надо было перепроверять – он хорошо знал своё дело. И таким образом снимал с каждой информашки второй

урожай – как правило, трёшку, то есть три полновесных советских рубля, что в «переводе на кир» равнялось почти двум поллитровкам портвейна. Других напитков, как, впрочем, других жанров, кроме информации, Саша не признавал.

Отправив конверт с «новостями области» в газету, Саша допивал уже более чем ополовиненную бутылку и до обеда мирно дремал. Но однажды он, приняв дозу больше обычного, прикорнул на диване в пустующей приёмной председателя телерадиокомитета, зная, что тот появится лишь после обеда. И закемарил так крепко, что не проснулся, даже упав с дивана.

Лежащим на полу в приёмной, рядом с диваном, его и обнаружил вернувшийся почему-то раньше срока председатель телерадиокомитета Хамза Махамбетович Токпанов. Ничуть не удивившись увиденному – будто это было обычным делом, перешагнул через спящего Сашу Р. и распорядился, заходя в кабинет:

– Положите на месте!

Самое интересное было потом. Ждали большого разбора, оргвыводов, даже увольнения Саши, который целых три дня ходил трезвым, как стёклышко. Но никакой реакции не последовало вообще. Почему? Потому что Токпанов, много чего повидавший в жизни, всё точно рассчитал. И это был, как говорят дипломаты и политики, асимметричный ответ: он заставил не только самого виновника, но и всю радиотелевизионную братию, не отличавшуюся строгостью нравов, трепетать целых три дня. Что было похуже любого разноса.

А дальше всё у Саши пошло, как и прежде. Правда, в приёмной у председателя на диване он больше никогда не придрёмывал. Он больше вообще никогда на него даже не садился.

Поэтическое

Местный самодеятельный поэт принёс в редакцию стихи, надеясь увидеть их на страницах газеты. В числе прочего там было и такое:

Заколосится строчками
рассада рифм в моей душе.

* * *

И лишь стихи мне утоляют жажду –
Бурдюк мой кумыса целебный.

* * *

Мозги – как соты. Сок ума
Без тем уже загустевает.

* * *

Любопытство шлейф меня трёт,
И вперёд любопытство толкает.

* * *

И мне как страсть ломает кости,
Когда, как шприц, беру я стих!

* * *

В стихах я, может быть, казах,
Но он в стихах меня казаше...

Когда слово и правда не воробей

В советские времена у нас на областном радио бытовала поговорка: «Слово – не воробей: поймают – вылетишь!»

Идеологическая диверсия

Советские времена. Районная газета «Путь к коммунизму» опубликовала заметку, заканчивающуюся словами: «За сдачу сельхозпродукции сверх плана передо-

викам будет производиться встречная продажа товаров капиталистического производства». Фраза была признана политически ошибочной, подчёркивающей превосходство капиталистического способа производства над социалистическим. Редактору на бюро райкома партии объявили выговор.

«Наше умственное Эльдorado...»

Из юбилейного номера многотиражной газеты «Тракторостроитель», представляющего в ней её журналистов:

«Володя К. – наш интеллектуальный центр... Он – наше умственное Эльдorado, которое мы нещадно эксплуатируем...»

Подписал номер и.о. редактора – тот самый Володя К.

«Всё надо делать по совести»

Из очерка в Железинской районной газете «Ленинское знамя»:

– Я считаю, – говорит потомственный хлебороб Павел Ильич, – что каждый на своём месте всё должен делать по совести. И ещё очень важно, чтобы каждый делал то, что ему по душе. Тогда и отдача будет весомой. У меня три дочери, скоро будет четвёртый ребёнок. Так и должно быть: ведь все мы живём ради наших детей.

«А мы думали, тебя похоронили...»

После публикации в Павлодарской районной газете «Нива» очерка о знатном кукурузоводе, делегате партийного съезда А.Ч. под заголовком «Предан земле своей», мужики из его бригады наутро делали вид, что удивляются:

– О, да ты, оказывается, живой! А мы думали, тебя похоронили...

Опечатка или предвидение?

Иногда ошибки или опечатки оказываются поистине провидческими...

Ермаковская городская газета «Новый путь» допустила опечатку, назвав сподвижника Горбачёва Шеварднадзе министром странных дел.

Время показало – газета ничуть не ошиблась: в роли министра иностранных дел СССР он вёл себя так, сдавая позицию за позицией своей тогдашней страны её стратегическому сопернику США, что именно этим словом только и можно было охарактеризовать его деяния.

Мастер заголовка

Никто лучше него не придумывал заголовки.

Вот, например, для материала о малярах: «Не место красит человека...»

Вот о тех, кто уклоняется от службы в армии: «Косари».

Об ограблении ювелирного магазина: «Время собирать камни?»

Или вот – едва ли не шедевр: «Копай, Емеля, твоя неделя!» Это заголовок. А есть подзаголовок: «Емельян – человек редкой профессии – он могильщик».

Буковка – копеечка!

Гонорар для него – святое.

Мне кажется, что даже когда он пишет, в голове его всё время звучит неслышимая для других музыка: «Буковка – копеечка, буковка – копеечка, буковка – копеечка...»

Эпиграмма от Азарова

Евгений Григорьевич Азаров известен павлодарцам не только как крупный руководитель, но и как автор пародий, эпиграмм, дружеских шаржей. Вот одна из его

удачных эпиграмм, посвящённых Сергею Павловичу Шевченко:

Создатель романов,
Любитель кеспе,
Маститый писатель
Шевченко С.П.

Питательно, но невкусно

Журналистка Марина Юрченко обозревала на редакционной летучке содержание газеты за последние две недели. Охарактеризовала его так:

– Знаете, всё у нас полезное, нужное, можно сказать, питательное, как соя... Но невкусное.

Писатель – по штату

После выхода на пенсию С.П. Шевченко какое-то время подрабатывал на заводе «Октябрь» – организовывал там музей, писал книгу о предприятии.

Однажды пришёл ко мне и заявил:

– Теперь я – настоящий писатель!

И пояснил:

– Директор утвердил штатное расписание. Я в нём тоже есть, сам видел: уборщица – одна, дворник – один, писатель – один...

«Напишу я так...»

Напишу я так, что люди,
Девяносто пять из ста,
Будут рвать друг другу груди
У газетного листа.

Именно так представлял в 60-х годах павлодарский журналист и поэт Михаил Кириллов высокую миссию газетчика... Нет теперь ни витрин с газетами, у которых должна была выстраиваться очередь жаждущих прочесть очередной «гвоздь» номера, да и высоких стремлений у нынешних журналистов поубавилось.

Этикет

У заведующей отделом писем нашей газеты З.А. Суворовой был постоянный автор в Щербактах. Материалы он слал именно ей, сопровождая их короткими личными посланиями.

Одно из них начиналось так: «Добросердечная Зоичка Алексеевна! Здравствуйте 111 лет!»

Словотворчество

Маленький Андрюшка, сын журналистки Ирины Лисовской, говорил в детстве: «Мне не нравится этот «гавнитур» (понятно, речь шла о гарнитуре). Еще он говорил «брёдра», имея в виду сразу брови, бёдра и рёбра; и «черезпрыгну» – то есть перепрыгну через лужу.

265

В. Колчин. Из неопубликованного

Ехал по граверу, шёл по коридору, открыл фотолабораторию, поставил кофер и сказал: «Уф, чижало!»

О нас пишут...

Аспирантка Восточно-Казахстанского университета Ольга Кувшинникова написала научную работу «Безличные конструкции как средство художественной коммуникации» (на материале произведений Ю. Поминова).

О чем речь – убейте, не пойму. Но всё равно приятно...

Посвящение

Взявшись как-то разбирать свои старые бумаги, я неожиданно для себя обнаружил в них немало посвящений. Одно из них особенно мне по душе. Написал его Володя Гундарев.

Помни, Поминов, меня
И в жару, и в злую стужу,

И когда я занедужу,
Не виня и не кляня,
Помни, Поминов, меня.

Помни, Поминов, меня
И когда я стопку выпью,
Крикну лебедем иль выпью –
На заре ль, к исходу дня –
Помни, Поминов, меня!

Помни, Поминов, меня
И когда с похмелья буду,
Перебью с утра посуду
И не сяду на коня...
Помни, Поминов, меня.

Помни, Поминов, меня!
И когда уйду я – тоже
(Все в твоей мы власти, Боже!) –
Память о былом храня,
Помни, Поминов, меня!

Писал Владимир Романович вроде шутя, а после его неожиданной кончины эти строки читаются совсем иначе...

Вердикт

Бывший кагэбэшник рассказывал мне, как его контора сначала хотела завербовать в качестве сексота одного из местных журналистов, а потом вынуждена были отказать от этой затеи.

Причина?

– После первых же обстоятельных бесед выяснилось – предан советской власти... до глупости.

Что такое групповой тост?

Был приём в честь делегации Мангистауской области, приехавшей в нашу Павлодарскую область устанавливать деловые и прочие контакты.

Когда слово для тоста в составе группы из нескольких человек предоставили редактору областной газеты из Мангистау Вове (это фамилия), он решительно воспротивился, заявив прямо в микрофон:

– Ну, групповой секс – это я ещё могу понять, а групповой тост... Это как – хором, что ли?

267

ТютЮшки-люлЮшки

Так называл журналист нашей газеты Владимир Воронов байки, шутки, прибаутки. Но это могло относиться и к пустопорожнему газетному материалу, в котором преобладали словеса, а не суть дела.

Баня – не паровоз!

Обсуждаем на редколлегии журналиста. Мало дает материалов, не бывает в командировках, не работает с авторами, не выдвигает интересных идей...

В ответ на последнее замечание замредактора Виктор Семерьянов решительно возражает:

– Ну это уж слишком! Нельзя же ругать баню за то, что она не паровоз!

Проглядели!

(Тоталитарное мышление)

Пришёл на приём пожилой казах-фронтовик, принёс свои воспоминания о войне. Я бегло просмотрел, сказал, что опубликуем. Вроде пора прощаться, а он не уходит, делится своими мыслями о последних событиях глобального масштаба.

– Нет, что бы ни говорили, а при Союзе лучше было... Страна была – весь мир считался. И людям лучше жилось...

И вдруг, без всякого перехода, в лоб:

– Ну как же наш КГБ Горбачева проглядел? Как мог допустить на должность – он же враг народа!

Подумал, вздохнул:

– Да, при Союзе лучше было... Но как-то надо и теперь жить. Живет же маленькое государство имени Розы Люксембург... Независимое... И нашему Казахстану надо стараться...

Попрощался и пошёл, но от самой двери вернулся. Смущенно:

– А можно я привет передам?

– Как, кому?

– Ну через газету – знакомым, однополчанам – мол, живой, здоровый.

– Хорошо, сделаем приписку к вашим заметкам.

Просиял:

– Вот спасибо. А то я переживал: вроде неудобно...

Может, из-за «привета» и приходил? Вот тебе и Роза Люксембург.

1995 г.

Гурман

Принёс старому журналисту, некогда меня опекавшему, баночку солёных груздей в подарок. Стал объяснять: их сначала нужно промыть, потом сдобрить кольцами репчатого лука, залить подсолнечным маслом и уж потом...

– Да что вы понимаете, молодёжь, в солёных груздях? – вдруг рассердился он. – Такой груздь или тот же рыжик берёшь скользкий, нет – сопливый – и без никому отправляешь в рот, откуда он летит напрямиком, нигде не притормаживая, в желудок. А если ещё рюмку холодной водки перед этим принять, так это и вовсе услада для души! Про солёные грузди он мне будет рассказывать... Давай сюда!

Великая сила искусства

Старый журналист рассказывал:

– Своим появлением на свет я обязан песне «Вечерний звон»... Отец мой служил в русском экспедиционном корпусе во Франции. Влюбился во француженку, жениться хотел...

Случайно попал в театр, где выступал русский хор. Услышал, как он поёт «Вечерний звон», заплакал... Сказал себе: «Только домой!» Вернулся, женился на моей будущей матери... И появился я...

269

Бабкин день

В среду у нас в редакции «Бабкин день». В вестибюле собираются женщины, преимущественно пенсионерки (есть и мужики, но их совсем мало), несколько десятков человек – все они продают на рынках, вокзалах, в других бойких местах субботний номер «ЗП». Он больше обычного по объёму и пользуется особым спросом, потому ещё, что в нём публикуется программа телевидения.

Деньги женщины платят вперёд, заказывая каждая от нескольких десятков до полутора-двух сотен газет, и мы с учётом их заявок увеличиваем тираж.

В субботу все они с половины шестого утра, в любое время года и в любую погоду ожидают выезда из типографии редакционного «УАЗа», гружённого газетами, и разбирают их. Газеты мы отдаём по издательской цене, а они на неё накручивают ещё примерно столько же, тут мы их не ограничиваем.

Вроде плохие мы коммерсанты – вон они как на нас «навариваются»! Но нам выгодно и издательская цена, потому что эти женщины помогают нам «держат рынок», заполонённый частными газетами, а также «держат тираж» – пока что самый высокий в области. А это главная приманка для рекламодателей, предпочитающих «ЗП» другим газетам.

Словом, ещё один способ распространения газеты (кроме подписки и почтовой розницы) нам выгоден. А им? Те, кто впрягся в эту лямку по-настоящему, зарабатывают за полтора-два дня 500-700 тенге. Стало быть, в месяц выходит от двух до трёх тысяч тенге, а это больше, чем их нынешняя пенсия... Значит, и у них есть интерес в этом приработке.

Между тем у многих из этих «бабок» позади голодное или полуголодное детство, нелёгкая жизнь... И такая вот старость... Когда я вижу их, навьюченных спереди и сзади самодельными рюкзаками, набитыми газетами, то думаю: вот он, сегодняшний рынок, устроенный для этих женщин, и не только для них, нашими реформаторами середины 90-х годов.

Не вышло...

Два ветерана-журналиста с очень разными судьбами, зашедших однажды ко мне в редакторский кабинет, подвыпив, вдруг ударились в воспоминания о первых попытках расстаться с девственностью...

Первый:

– Лет мне было уже почти восемнадцать. Пошёл её после кино из клуба провожать, завёл в укромный уголок в саду, прижал, полез под платье... А у неё трусы на проволоке... Тут я, как говорится, и спёкся... А она потом писала мне: «Петя, возвращайся, я себя сохранила, теперь не буду сопротивляться...» Потом война началась, и прослужил я целых шесть лет... Её больше не видел. Женился поздно...

Второй:

– Я в трудармии был, с шестнадцати лет на лесоповале. Почти целый день в холодной воде – древесину сплавляли. Сам из-за этого весь в чирьях... Ночуем в бараке, не знаю, как устроиться на нарах со своими чирьями, чтобы уснуть. А нам в подмогу уголовниц прислали. Одна в первую же ночь забралась ко мне под одеяло и жмётся... А я только: «Ой-ой!» – мол, больно...

Но не говорю, почему – стыдно... Так она и ушла ни с чем – и в эту, и в другую ночь. А на третью облагодетельствовала соседа – кто же откажется... Но через неделю он нам показал свои распухшие причиндалы – это она его наградила триппером.

Так меня чирьи уберегли...

Кто есть кто

Наблюдая за очередными перестановками в руководящем партийном органе области – бюро обкома партии – многоопытный заместитель редактора нашей газеты П.А.П. философски констатировал:

– И тот уж член бюро, – делал паузу и завершал: – А этот просто член.

И всем было понятно – о ком идёт речь.

Совет – не баран

Когда я, сменив на редакторском посту Сергея Павловича Шевченко, приходил к нему и говорил, что надо посоветоваться, он неизменно отвечал:

– Совет – не баран: это я могу сколько угодно.

Советы же его часто оказывались очень и очень кстати.

Сегодня порадовать нечем...

Журналист О.П. вёл у нас на первом частном телеканале популярную передачу «Криминал». Сообщения о грабежах, угонах машин, а также авариях, чрезвычайных происшествиях он читал столь экспрессивно и даже торжественно, что было непонятно: огорчается он при этом или радуется? А как-то он и вовсе сразил своих телезрителей, заявив:

– Увы, мне вас сегодня порадовать нечем – никаких громких уголовных преступлений и происшествий в минувшие сутки не зарегистрировано!

Кто из нас успешнее

Он пришёл к нам в «ЗП» из районной газеты, подавал большие надежды... Был приглашён на работу в республиканское информационное агентство... И вдруг пропал...

Оказалось – торгует. Сперва «челночил» сам, потом арендовал угол в магазине, потом отдел, потом открыл торговый дом. Себе построил сперва дом, потом большой особняк... Купил квартиру в Москве сыну, а следом и себе. Однажды мы вместе летели из Павлодара в Москву – он перебирался туда жить.

Я спросил – жалеет ли он хотя бы иногда об оставленной профессии?

Он посмотрел на меня с сожалением, и я понял, что зря спросил...

Как тюрьма не стала музеем

Ветеран музейного дела, краевед, давний нештатный автор «ЗП» и других местных газет Э.Д. Соколкин рассказывал мне о том, как предлагал превратить старую, ещё дореволюционную павлодарскую тюрьму, в которой кто только не сидел, в музей органов внутренних дел и жертв политических репрессий. Когда тюрьму собирались сносить, он даже заметку с этими своими соображениями написал в центральную газету «Советская культура».

Идея, понятно, властям не понравилась: были ещё советские, как их позднее назовут, застойные, времена. С автором заметки провели воспитательную беседу насчёт несвоевременности и ошибочности его идеи. Тюрьму снесли. Между тем идея, как мне кажется, была вполне плодотворная.

Кто как потомков считает

Готовлю очерк к юбилею аксакала, заслуженного человека и к тому же главы большого семейства. Спрашиваю напоследок:

– Ну сколько детей у вас, я знаю. А внуков и правнуков сколько?

Он призадумался, подсчитывая, помолчал и говорит:

– Знаешь, напиши «около десяти» или лучше – «не меньше десятка»...

– Как-то нехорошо так писать... А вы что – не знаете точно?

– Я-то знаю... Но знаешь, у нас не принято их подсчитывать, да ещё объявлять об этом. Давай лучше как-нибудь обойдём цифру...

Сразу вспомнил байку про немца-баптиста. Если кто-то спрашивал – сколько у него детей, он отвечал:

– Не знаю. Когда на работу уходил, восемь было.

«Пусть хоть побздят!»

Если знакомого журналиста, бившегося за справедливость даже тогда, когда на неё не было надежды, спрашивали: «Зачем ты это делаешь?» – он отвечал: «Ничего – пусть хоть побздят!»

Что означало: знаю – что проиграю, но зато и «они» потрясутся от страха возможных неприятностей...

Вот это читатель!

Объявили в «Домовёнке» конкурс детских сочинений к столетию нашей газеты. Настоящий шедевр прислала одна девочка, написавшая:

«Мой дедушка очень любил «Звезду Прииртышья». Он читал её много-много лет, пока не ослеп. Теперь я ему её читаю».

Будь я, как в былые годы, редактором, обязательно премировал бы их подпиской на «ЗП».

Как лучше?

Молодая журналистка принесла материал о работе больницы, в котором была фраза: «Ложка пациентов в стационар...» Я её подчеркнул и вернул материал на правку. Возвращает, там: «Кладя пациентов...». Тоже как-то коряво...

Вот и поработай с такими!

Максимально минимизировать!

Нас, редакторов государственных газет, инструктируют на закрытом совещании «для своих» – как нам надо вести себя в ходе предстоящей предвыборной кампании:

– Ваша задача – максимально минимизировать присутствие на газетных страницах оппозиционных кандидатов в депутаты!

Как и куда уходят из жизни

Встретил коллегу, явно чем-то озабоченного. Спрашиваю – что случилось?

– Да вот, – говорит, – уйду из жизни...

– И куда теперь?

– В 21-й век.

Кто-то подумает: какие-то оба ненормальные. А на самом деле всё очень просто: коллега мой, без конца перебегающий из одного издания в другое, расстаётся с газетой «Новая жизнь» и переходит в газету «21-й век».

И чтобы никаких интервью!

Каких только, в том числе и самых идиотских, указаний не наслушался я за своё без малого четвертьвековое редакторство...

В Павлодаре – рядовое событие: международный фестиваль детского музыкального творчества. Патронирует его лично первая леди Казахстана. Нас, редакто-

ров, наставляют в местном «белом доме» по части освещения события:

– И запомните главное: никаких интервью у первой леди! Ни в коем случае!

Журналисты – не люди?

Бабка сокрушается: у неё кто-то весь огород вытоптал.

Соседка ей:

– Да это журналисты, наверное: они тут вчера зачем-то со своими камерами толклись.

Бабка:

– Нет, следы-то вроде человечьи...

Не оговорка

Хорошо знавшие его коллеги говаривали:

– Да, он был бздительный редактор.

Прозвище

Прияли на работу компьютерщика – худого, нескладного, длинноволосого. Говорил он сбивчиво и невразумительно. Пожилая корректорша, пообщавшись с ним на первом дежурстве по номеру, окрестила его обидным прозвищем «мамин писа». Между тем дело своё он знал неплохо.

Искусство фразы

Ветеран нашей газеты П.В. Лефлер рассказывал, как учил писать его, тогда ещё нештатника, матёрый корреспондент ТАСС эстонец А. Паль:

– Ну вот напишешь ты: «Дайте мне хлеба...» – кого это тронет? А если, скажем, так: «Хлеба дайте мне!» – уже звучит. А теперь ещё так: «Хлеба, хлеба мне дайте!». Совсем другое дело. Чувствуешь?!

За наших читателей!

Тост старого журналиста, заставшего ещё хрущёвские, брежневские, горбачёвские времена и дожившего до наших дней:

– Так давайте же выпьем за наших читателей, которые ни в чём не виноваты!

На учёте у Бога...

Пишет одинокая, немолодая женщина, больше сорока лет проработавшая в школе, а теперь оказавшаяся никому не нужной: «Я сегодня на учёте только у Бога, молюсь пять раз в день, и только он меня поддерживает...»

Мы и так могём!

В старом журналистском блокноте нашёл восхитившую меня фразу совхозного бригадира, так объяснившего провальную работу его бригады на сенокосе:

– Ни агронома, ни Ёська, ни ёшь твою мать! Что тут можно сделать!

Можно догадаться, что агроном не на высоте; неизвестно, кто такой Ёська и почему упомянут он; с «матерью» всё понятно, тем более что упомянута она была в более крепкой связке слов... Но замечательно-музыкально – пусть и сумбурно-невнятно триединство этой фразы, подтверждающей величайшую изобретательность бригадира – носителя великого и могучего языка.

Из писем в газету

Уважаемая редакция, разберитесь, наконец, что у моего мужа за работа такая, которая постоянно приводит его в нетрезвое состояние?

* * *

Пишет вам ваш закоренелый подписчик с тридцатилетним стажем.

* * *

И вот он, подлец, обещал на мне жениться, а теперь предлагает сделать аборт, мотивируя это мировым экономическим кризисом.

* * *

И тогда, используя своё служебное положение, он стал посягать на мою девичью неприкосновенность. И, конечно, добился своего.

* * *

И вот я стою перед трудным выбором, не зная, как мне быть: что лучше – чужой муж, но хороший, или законный свой, да плохой?

* * *

Вот вы всё время пишете, как плохо мы теперь живём. Но пора, наконец, найти и истинных виновников нашего времени и назвать их поимённо.

* * *

Ярко горит звездарий молодых дарований в нашей школе для одарённых детей.

* * *

Или возьмём, к примеру, Австралию – страну овец...

* * *

В Иртышском районе началась жеребьёвка кобыл.

* * *

И вот, не успела я отклематься от первого брака, как на мой моральный облик стал покушаться этот преподаватель Коля.

* * *

Поскольку я до сих пор не женат, мне поневоле приходится иметь дело с посторонними женщинами...

* * *

Журналистка Ж. набросилась с видеокамерой на следователя, после чего ей пришлось оказывать медицинскую помощь.

* * *

Успешно работают по линии наркобизнеса сотрудники нашего УВД.

* * *

Вот и муж мой всё время говорит: «Ты как человек такая умная, а как женщина – такая дура!»

* * *

Из-за этой самой голоделицы (имеется в виду гололедица, – Ю.П.) я временно потеряла дееспособность – сломала правую верхнюю конечность.

* * *

И несёт он эту свою мудрость по жизни, как, Господи прости, грыжу...

* * *

Она мне стала за эти годы как мать, поэтому я решил её уматерить. Почему же мне отказывают в этом?

* * *

Гори, пылай, ристалище любви! (из стихотворения, присланного в редакцию).

* * *

Это не сливки КПСС, а её мёртвый осадок... Вот кто такие нынешние коммунисты...

Редакционные были и небыли

Почти всю жизнь проработавшая в редакции теле-тайписткой, Несип Айтымова говорила о себе так:

– Из газеты я ушла вместе с телетайпом...

И выговаривала нашему компьютерщику Володе Митрофанову, что это он лишил её работы.

* * *

Присказка П.А. Побережникова:

– Русская речь без мата – что щи без томата.

* * *

Один из журналистов нашей газеты прославился в советские времена тем, что имел выговор за обман партии. Обещал на партийном собрании больше не пить, но не сдержал слова. И секретарь парторганизации настоял именно на такой формулировке.

* * *

Собираю необычные заголовки. Вот, например: «Ночью на директриссе» (директрисса – полигон для ночных стрельб).

Или вот: «Могила Ленина – колыбель всего человечества» (речь – о мавзолее).

Или такое: «шапка» в многотиражной газете сталелитейного завода: «Сталевары! Ваша сила – в плавках!»

А это «шапка» в многотиражной газете Дальневосточного морского порта: «Путина началась! Всех коммунистов – в море!»

* * *

Редактор «ЗП» С.П. Шевченко и директор телецентра О.Ф. Лебедев много лет дружили. Как-то оказались вместе в командировке в одном из сибирских городов. Вечером поужинали в ресторане и, уже «хорошие», решили прогуляться. На мосту порывом ветра у Олега Фёдоровича сорвало шляпу, которая упала в реку. Он всё сокрушался: и шляпа эта ему нравилась, и подарок к тому же...

– Да не переживай ты так, – сказал Сергей Павлович, – смотри!

Снял свою шляпу и швырнул её с моста в реку.

Так у них появился повод выпить ещё раз – за настоящую дружбу!

* * *

Виталий Данилович Ступак после перехода из «Звезды Прииртышья» собкором в «Казахстанскую правду» жаловался:

– Это всё равно, что с двухспальной кровати перебраться на раскладушку.

В «ЗП» не ограничивали размеры материалов писучего В.Д., а в «Казправде» собкоров по этой части прижимали.

* * *

Два журналиста «ЗП» вместе ездили в командировку. Один «отстрелялся» быстро, а другой беседовал с будущим героем долго. И объяснил, почему: очень уж нестандартная у него по советским временам биография – родная его мать оказалась в Америке и теперь ещё там живёт.

– Неужели писать будешь? – не поверил собрат по профессии, поскольку времена были партийно-строгие.

– Буду, и заголовок уже придумал – «Мама из Чикаго».

– Плохо, – резюмировал коллега, – назови лучше «Не пропал без матери мальчонка...»

Образная характеристика

Из зарисовки нештатника «ЗП»:

– Безотказная она у нас, – говорит завгар об инструментальщице Елене Б., провожая взглядом её стройную фигуру в ладно сидящем на ней комбинезоне, и, помолчав, добавляет: – Потому-то и любят её у нас в коллективе.

Сколько жить и как умирать

Навещал в больнице коллегу, пережившего всех своих сверстников и пребывающего в беспомощно-жалком состоянии.

Вернувшись, поделился тягостными впечатлениями с другим коллегой, предпенсионного возраста, заметив: жить, конечно, лучше долго и желательно при этом не сильно болеть... Но умирать надо быстро.

– Ладно, буду иметь это в виду, – последовал неожиданный исчерпывающий ответ.

Мастер-класс

Когда у ветерана-районщика Владимира Павловича Бессонова начинающие журналисты спрашивали: откуда он черпает темы и факты для своих публикаций, он отвечал, что всегда руководствуется правилом трёх «п», и пояснял: это пол, потолок, палец. И пояснял: в раздумье смотрит в пол, факты черпает с потолка, а всё остальное высасывает из пальца.

Шутил, конечно. Просто район и своё дело знал так, что мог на любую тему написать не выходя из кабинета, разве что прибегнув к помощи телефона.

Встречи с чудом

Очищение

Такое случается, наверное, с каждым... Бессонной ночью услышишь вдруг, что дождевики стучат по жестяной крыше вразнобой. Или заметишь свежим морозящим вечером, что луна нынче матовая, а влажные провода блестят, как натянутые струны.

Почувствуешь горько-свежий запах опавших листьев в осеннем лесу и ни с чем не сравнимый, до боли знакомый запах пыльного зерна у совхозного тока.

Такое случается, наверное, с каждым. И невольно остаётся в тайниках памяти, чтобы отозваться тихой радостью или щемящей грустью. И делает нас добрее к людям, лучше и чище...

Сила жизни

В Баянауле красивые и своеобразные горы. Но, может, самое удивительное здесь – не они, а деревья, растущие прямо на камнях.

Каменные глыбы, как блины, пластами выходят изпод земли, наслаиваясь друг на друга; прямо на этих пластах неизвестно за что цепко держатся щупальца корневищ сосен, берёз... Трудно дереву бороться с камнем, гнётся оно, рвётся вверх – вкривь и вкось, изгибается, словно в танце, но камню не уступает: глыба трескается, появляются расщелины, за которые с удвоенной силой цепляются корни деревьев... Чтобы выжить, снова дробить камень, давать потомство.

Вот она – сила жизни, которой можно позавидовать.

Мелодия дождя

Было тепло и тихо, как бывает ночами в наших местах только в середине лета. И дождь пошёл незаметно, тёплый, спокойный и очень редкий. Не было слыш-

но привычного монотонного шелеста, только тишина становилась всё ощутимее – в такие минуты невольно ждёшь звука, который бы её нарушил. И он пришёл так же незаметно и тихо, как сам дождь: чуть слышный, но явственный – будто кто-то едва коснулся колокола. Казалось, мелодичный звон и родился только для того, чтобы коснуться уха и исчезнуть. Это первая капля дождя, скатившись с крыши, попала на пустое ведро, висевшее вверх дном на заборе.

Странная и пока ещё не волнующая нота родилась снова и звучала теперь громче, отчётливее. Не успев оборваться, зазвучала опять, тревожа и настораживая.

Звук был однотонный и печальный, похожий на перезвон маленьких колоколов. Он не раздражал почему-то, только тревожил. Но это была ещё не мелодия, она пришла чуть позже – просто и ненавязчиво – звуки были теперь разной силы и тональности. Так, случается, играют лишь для себя, словно задумавшись и не мешая другим.

Ветер случайно тронул листья клена, на дно ведра упали сразу несколько капель, и этот неожиданный аккорд оборвал грустную мелодию.

Потом она пришла снова, но это уже была другая мелодия, и слушать её уже не хотелось.

Ошибка

Как-то осенью в Алма-Ате зацвели яблони. Странно и непривычно было видеть рядом с желтеющими и уже пожухлыми листьями маленькие и беззащитные розовые и белые бутоны.

Яблони хотели, наверное, пережить весну в одном году дважды. А это не всегда удаётся даже людям.

Маленьким бутонам было одиноко и неуютно холодными осенними ночами, и они не понимали, что обречены на гибель.

А синоптики объясняли всё очень просто: в Алма-Ате была на редкость теплая осень.

Иней

Вечером упал туман. Сгладил очертания домов и деревьев. Яркие огни редких фонарей стали матово-бледными кругами и полукружьями. Потускнели звёзды.

Всю ночь трудился туман, оседая на голые ветки деревьев, провода, окна домов и столбы.

А утром туман растаял, словно его и не было. Зато остались совсем седые деревья, пушистые провода, посеребренные крыши домов и столбы. На улице тихо и торжественно. Воздух свеж и прозрачен.

Но посмотришь на солнце – воздух искрится и переливается: то ветер сдувает с проводов и деревьев мельчайшие снежные иглы, ещё недавно бывшие туманом. И странно – смотреть больно, а отвернуться не можешь.

284

Тополиная метель

Невесомая пышная шаль липнет к заборам, укутывает калитки, прозрачным слоем стелется по земле...

Мой трёхлетний сын бежит по белым островкам, взметая за собой белый туман: так, наверное, можно бегать по облаку...

Пух, гонимый ветром, лезет в нос и в уши, серебрит волосы.

– Ну чисто буран, – говорит мать, прикрывая ладонью глаза.

Скворцы прилетели

На совхозной улице переполох – скворцы прилетели. Сидят рядком на проводах, по-хозяйски орудуют в садах среди почти голых ещё ветвей тополей и кленов, наполняя округу щебетаньем и щёлканьем, трелями и пересвистом. Во всех дворах царит праздничное оживление: ребягня и взрослые шарят по кладовкам и чердакам, извлекая на свет божий скворечники... А то непорядок получается – хозяева прилетели, а квартиры не готовы...

Удивительный факт: никто не видит, когда именно и как прилетают скворцы. Просто однажды утром обнаруживается, что они прибыли, и теперь дело чести каждого двора встретить новосёлов как подобает. Очищаются от мусора и пыли старые скворечники, спешно готовятся новые, и вот уже то там, то здесь поднимаются в небо шести с разнокалиберными птичьими домами – выбирай, кому что нравится!

Соседям везёт: дед Годун не успел как следует шест закрепить, а две скворчиных семьи уже затеяли шумную ссору за право обладания жилищем... Чрезвычайно довольный этим обстоятельством, дед спешит к нам поделиться радостью: «Мой-то, вишь, заселился...» Достает кiset, степенно закуривает и поучает отца: «Ты бы, Митьк, развернул скворешню к востоку – птице, ей, вишь, наспротив солнца сподручней...»

Я жду, затаив дыхание: остаться без скворцов было бы в высшей степени обидно и несправедливо. И вот откуда-то сверху спикировал скворец и на крышу вывешенного нами домика. Мигом обследовал внутренности скворечника, видно, остался доволен. На его призывный пересвист явилась хозяйка... Новоселье состоится. И душа полнится рвущейся через край радостью: на улице – весна, всю греет солнце, скворцы прилетели...

Весной

Весна. Уже подсохли пригорки, и мы, пацанва, по вечерам играем на них в лапту... На приусадебных участках хозяева жгут скопившийся за зиму мусор, прошлогоднюю картофельную ботву, остатки ненужной соломы.

Голубые сумерки... Плывет, слонится по совхозным улицам сизоватый ароматный дымок... Ещё не тепло, но уже и не холодно. Душу переполняет ни с чем не сравнимое, ни на что не похожее светлое чувство. Хорошо, сам не знаешь отчего. До сладких слёз хорошо...

Нигде больше и никогда не бывало так безмятежно и светло на душе, как в те уже теперь далекие весенние совхозные вечера с плывущим по улицам слоистым ароматным дымом.

Холодно

Морозный день. Только взошло солнце. Воробей на ветке нахохлился, топорщит перья – видно, так греется. И при каждом его движении можно заметить, как из крохотного клюва вылетает едва заметное облачко пара. Ох и холодно воробью! А не поможешь...

Тихая охота

Грибы – как люди: у каждого свой нор, свои привязанности. Всякий уважающий себя грибник знает, за чем идёт он в лес, и соответственно этому лес выбирает.

За грибами на жарёху лучше всего пойти в смешанный лес, где спокойные берёзы уживаются с нервными молодыми осинами и разномастным семейством тальника. Первой вас обязательно встретит нарядная сыроежка. Она вообще любит яркие одежды и шляпку свою красит едва ли не во все существующие цвета радуги, с самыми неожиданными оттенками – от бледно-жёлтого и малинового до светло-зеленого и густо-синего. Сыроежка – гриб бесхитростный и неприхотливый: её можно встретить и в березняке, и в осиннике, на опушке и в тени, она не прячется, как её многочисленные собратья, а, наоборот, сразу бросается в глаза. Сыроежка не слишком ценима основной массой грибников, а без неё и лес не лес...

Застенчивый подберёзовик и франт подосиновик в смешанном лесу нередко соседи. Вот среди редкой травы застыл на тонкой ножке подберёзовик, а рядом, в осиннике, маячит густо-красная шаровидная шляпка подосиновика, корень у него забирается глубоко в землю и бывает во много раз больше головы. Иногда

ошибёшься, приняв издали за подосиновик молодой мухомор, на котором ещё не проклюнулись характерные белые пятна.

Если особенно повезёт, вам встретится боровик, он же белый, – гриб степенный и важный. У боровика выпуклая смуглая шляпка, которую держит плотная осанистая ножка, чем-то похожая на короткую перевернутую морковку. Даже в хороший год боровик в нашем краю встречается не часто, так что найти его – большая удача. Этот гриб хорош в любом виде – жареном, вареном, маринованном, его можно сушить и солить; при этом боровик всегда остаётся белым – отсюда, наверное, и второе название.

Ближе к осени любители тихой охоты наведываются в лес в поисках груздя. Из солёных грибов он самый вкусный. У нас растёт несколько видов груздей, поэтому встретить их можно в любом лесу – берёзовом, осинном, смешанном, на пойме. Поросшие травой опушки и лесные поляны облюбовал белый степной груздь – истинные грибники называют его белянкой. А вот сухой груздь предпочитает сумрачные осинники. Срежешь его, и на ножке мгновенно выступает белый сок, напоминающий молоко, поэтому такой груздь называют ещё молочным.

Но особенно ценим у грибников житель влажного и тенистого колка – настоящий, или сырой, груздь. Опытный глаз сразу обратит внимание на характерный, едва заметный бугорок рядом с берёзкой. Под шапкой из листьев и прячется влажно-горький, упругий, ворсистый красавец. Белый гриб почти невесом, а срезав этот, сразу чувствуешь благородную тяжесть. Вот это удача! Но не спешите. Настоящий сырой груздь не любит одиночества, гриб он семейный. У молодых груздей шляпка выпукло-вогнутая, с плавно закруглёнными вниз краями; у старых – широкая, в форме развернутой воронки.

Далеко не каждый год бывает урожайным на грузди, особенно сырые. Но случается, в конце дождливого

августа – начале сентября почти в каждом колке обитает вместе с ними и несметное количество опрытно-рыжих волнушек, а их у нас тоже далеко не каждую осень встретишь.

Впрочем, кто ищет – находит грибы в любой год. В лесопосадках с конца лета до середины осени упрямо лезет из земли неистребимое племя стойких валуёв. В колках и на пойме каждые лето и осень попадаетея степной белый груздь...

Осенний лес не только красив, но загадочно щедр: случалось, подберёзовики и грузди в нашем краю находили и в конце октября, по первому снегу.

Запах родины

Хорошо оказаться ранним утром, на исходе мая, в нашей павлодарской степи... Земной простор до самого горизонта, голубой купол неба – и ничего больше. Неброский, радующий взор пейзаж. Легко, привольно дышится. Тихо до звона в ушах. Накатывает лёгкими волнами уже горячий майский ветер, принося с собой родной, до боли знакомый запах...

Этот неповторимый, с горчинкой, запах – то внятный, резкий, то едва осязаемый – мне никогда не забыть и ни с чем не спутать, я помню его с первых мгновений своей осознанной жизни. Это запах моего детства, моей родины – запах полыни.

В нашем целинном краю она отвоевывала себе место всюду – на приусадебных домашних огородах, на обочинах дорог, в привольной степи. На окраинных совхозных пустошах полынь вымахивала высотой в человеческий рост, и мы, пацанва, затевали в её пахучей чащобе свои нехитрые игры с захоронками-поисками-преследованиями... Когда полынь цвела, мне нравилось срывать с её макушек покрытые пылью зеленоватые шарики-плоды, прихватывая мелкие, узкие листья, и, растерев на ладони, нюхать... Запах был густой, насыщенный.

И потом ладонь ещё долго хранила аромат полыни, её стойкую горечь.

В первые годы целины полыни в нашем краю было так много – целые дремучие заросли – что её использовали вместо камыша как строительный материал. У некоторых наших соседей в наскоро сооруженных сараях стены были из стеблей полыни, обмазанных глиной. И ничего – десятки лет стояли! Сухими, ломкими полынными стеблями подтапливали хозяйки «походные» летние печурки, на которых готовились – прямо во дворах – обеды и ужины. А как аппетитно хрумкали зимой овцы, выискивая в степном сене полынок и курай! Считалось, что без витаминной полынной добавки для овец и корм – не корм... Еще помню полынные веники – их мы заготавливали в поле из какой-то особой полыни, похожей на кустарник, с упругим, почти древесным стеблем...

Кто-то считает полынь грубым, бестолковым растением. А я её люблю. Наверное, не меньше, чем ароматную степную землянику моего детства...

Самая удивительная встреча с полынью была у меня несколько лет назад в Америке. В штате Джорджия нас, казахстанских туристов, повезли в экзотический сад цветов, который нам показался раем земным. Диковинные цветущие деревья, благоухающие кустарники, необыкновенной красоты растения со всего света... И вдруг у самой дорожки, посыпанной мелким гравием, такие неожиданно знакомые сероватые, с легкой голубизной, совсем крохотные кустики. Неужели полынь? Оказалось – она самая. Её тут выращивают как редкое экзотическое растение. Не знаю, как и когда она здесь оказалась, но пахла совсем как у нас дома...

Просёлки

Просёлочные дороги – как вещи – предметы первой необходимости. Только принадлежат они не кому-то одному, а всем. Они появляются неожиданно и сразу вме-

сте с людскими заботами, верно служат, как это было в нашем целинном совхозе, откуда просёлки устремялись во все стороны света... А когда в них отпадает нужда, они стареют в одиночестве, снова зарастают травой. Но и тогда, спустя годы, опытный глаз распознает едва видимый в степи контур.

На милых сердцу просёлках прошли мои детство и юность. Они дороги мне, как прочитанные в ту далёкую пору книги, как лица моих школьных друзей.

Те просёлки, как ненужные вещи, ушли в небытие, но не ушли из памяти. Они даже снятся мне иногда. И, может быть, самое моё заветное желание – пройти по ним хоть ещё раз или проехать на старом, не раз чинённом велосипеде... Окунуться в безвозвратно ушедшее прошлое...

Подорожник светится

Скошенный пойменный луг на большом острове, отдалённом от Иртыша протокой... А на лугу – голубоватые свечки цветущего подорожника. Кажется, что они испускают свет...

Снег идёт

Снег за окном, раздуваемый ветром, шёл временами, как пьяный мужик, – сам не зная куда, сразу во все стороны.

* * *

За окном ходил волнами мельчайший снег – будто его сеяли. Мать говорила:

– Это Бог сита вытряхивает!

Ночь

В чёрном небе вольготно лежит на боку растущий месяц.

Доверчивость

В алтайской Белокурихе курортники прикармливают синичек. И они даже могут сесть вам на раскрытую ладонь с приготовленными для них семечками или хлебными крошками.

Невероятное ощущение возникает от этой птичьей доверчивости.

Строитель

Воробей суетился на карагаче, пытаюсь оторвать веточку для будущего гнезда. У него это не получалось – веточки были живые. Всё же нашёл подходящую, сухую, оторвал и упорхнул с ней под крышу.

Трясогузки в недоумении

После весеннего тепла – уже и почки на берёзах набухли – нередкий у нас заморозок.

Ошалелые трясогузки, подскользываясь, бегают по прихваченным ледком мелким лужицам, не понимая, что произошло...

На опушке

Осень. На краю берёзового колка сгорает в нервном ознобе стайка молоденьких осин.

Было или не было?

Мы с братом в сыром лесу под Питером, куда приехали на электричке. Долго и упорно разжигаем костёр... И вот он занялся... И пусть мы не дома в совхозе, где костёр в ближайшем колке – обязательный ритуал при нашей встрече, но мы всё равно чуть-чуть дома...

* * *

Париж, раннее утро, позади 500 километров пути на автобусе... Мы почти не спали и слегка в прострации. И поэтому всё вокруг кажется нереальным... Перед нами Собор Парижской Богоматери, ещё не сторевший. Мы с Ольгой ходим по нему, рассматриваем его внутреннее, непередаваемое убранство...

Было это или не было? Я почему-то ничего не запомнил из того, что там увидел.

* * *

Начало лета. Берег Байкала. Бурятская юрта, стилизованная под настоящую, но с деревянным полом и горячей печкой-буржуйкой (ночи ещё холодные). Деревянная дверь юрты открыта, и через неё виден краешек неба, и слышен плеск Байкала... Невероятное ощущение гармонии и покоя...

Такое разное море

Серое, ненастное утро в Эстонии... Побережье Балтийского моря... Свинцово-серая вода до самого горизонта с барашками белой пены на прибрежных волнах. Далёкая тяжёлая рыбацкая лодка на волнах, то появляющаяся, то исчезающая из виду, – как будто ныряющая.

Море – равнодушное, недоброе и непостижимое в своём мощном и недоступном обычному разуму величии.

* * *

Сочи, конец сентября, черноморское побережье. Вхожу в воду, и море принимает меня в свои объятия, как большая тёплая женщина – обнимает и покачивает, словно баюкает...

Что сильнее?

Однажды весной на наши дачные участки очень долго не подавали воду. Всё сохло буквально на глазах... И вот, наконец, воду дали. Я открыл все краны, и около большого бака с водой образовалась лужица. Тут же, неизвестно откуда, возникла ящерица и как-то совсем по-собачьи жадно стала лакать воду. Она была совсем рядом, в каком-то метре от меня, делала короткие передышки и снова пила...

Жажда оказалась сильнее инстинкта самосохранения? Или, наоборот, инстинкт самосохранения заставил пренебречь явной опасностью?

...Я отошёл в сторону, чтобы не мешать ящерице...

Живая душа

Ранней весной на даче бывает так же неуютно, как поздней осенью. Пожухлая прошлогодняя трава, сквозь которую едва-едва проклёвывается новая зелень; жалкие и не очень опрятные кусты и деревья, остатки грязноватого снега в укромных местах... Даже птиц в такую пору почему-то не слышно. В такие минуты как-то особенно сильно ощущаешь одиночество и неприкаянность.

Так было в тот раз и со мной. Делать ещё вроде нечего, пришёл, сам не знаю зачем... И вдруг услышал какой-то шорох в глухом, самом запущенном углу, где перемешались невесть как туда забравшиеся кусты малины, черёмухи и чего-то ещё, чему я не знаю названия, потому что мы ничего здесь не сажали... Подумал сначала – просто показалось. Но оттуда снова послышался шорох, и куда более явственный... Пошёл посмотреть и обнаружил среди кустов серого степного ёжика, маленького, с кулачок... Похоже, он зимовал где-то здесь и теперь приходил в себя после долгой спячки. Как я обрадовался этому бродяге-ёжику: всё же ещё одна живая душа! И сразу будто отлегло от сердца, и уже не было так неуютно и одиноко на ещё не проснувшейся после зимы даче.

Я видел кукушку

Каждый из нас, и наверняка не один раз, слышал кукушку. Но кто может похвалиться, что он кукушку видел? Эта птица очень осторожная.

Прошлым летом мне удалось понаблюдать за кукушкой на даче. Она куковала уже несколько дней – то где-то на острове, за неширокой протокой, то в пойменном лесу, что тоже недалеко от нас. И вот майским вечером уже привычное гулкое «ку-ку» послышалось совсем рядом. Такого чистого и звонкого голоса кукушки мне ещё не приходилось слышать – может быть, потому, что он звучал так близко?

Я завертел головой в надежде увидеть неожиданную гостью. И рассмотрел метрах в пятидесяти на самой верхушке старого, полусохшего карагача её продолговатый, будто литой силуэт. Он очень рельефно смотрелся на фоне вечернего леса и по своим контурам напоминал хорошо знакомую нам сороку, с той лишь разницей, что тело у кукушки длиннее, а оперение менее яркое, однотонное.

«Ку-ку! Ку-ку!» – продолжала свой вечный зов кукушка, а я всё смотрел и смотрел, совершенно забыв о том, что надо бы спросить у неё: «Кукушка, кукушка! Скажи, сколько лет мне ещё жить?»

Подружка

Она появилась у нас на лоджии в начале зимы – шустрая, деятельная синичка. На застеклённую лоджию проникла – будто поднырнула – через отверстие, оставшееся между рамой и верхним углом лоджии. Нисколько не стесняясь нас за оконным стеклом, она хозяйски деловито обследовала пространство лоджии, словно говорила всем своим видом: «Ну, чем тут у вас можно поживиться? Не знаете, что ли, как нам, синицам, холодно и голодно зимой?»

Я где-то читал или слышал, что синицы в числе прочего любят полакомиться зимой солёным или подмороженным свежим свиным салом. Пристроил прямо на лоджии, примерно в метре от пола, что-то вроде кухонного стола, застелив мешковиной, и стал выкладывать для гостьи угощения: пластики сала, хлебные крошки, остатки солёных брусочек сёмги, которые мы иногда для себя покупаем.

Судя по тому, что гостья стала прилетать к нам каждый день, и притом не по одному разу, ассортимент блюд пришёлся ей по вкусу. Что не мешало синичке, однако, раз за разом обшаривать лоджию: нет ли, мол, у вас ещё чего-нибудь вкусенького?

По душе ей пришёлся жир в пиалке, собранный из кастрюли, в которой мы варили бешбармак. Хотя выставляли мы это блюдо не для неё, прятать не стали, и она выклевала большую его часть, чередуя с другими упомянутыми яствами.

Так она стала ещё одним членом нашей семьи – всегда желанной и ожидаемой подружкой. В сильные морозы мы всерьёз за неё опасались: кто знает, где и как она проводит долгую зимнюю ночь? Ведь на лоджии она никогда не оставалась надолго, предпочитая всякий раз трапезничать за компанию: как только на кухне оказывались мы, тут же появлялась и она – азартно долбила сало, вертя во все стороны головой. Иногда слегка хулиганила, азартно порхая по всей лоджии... Могла в наше отсутствие расклевать пакетик со съестным, выставленным нами про запас – уже для себя, а не для неё.

Она прилетала каждый день, всегда одна, никогда и никого не приводя с собой. А когда однажды вслед за ней на лоджию проникли двое незваных гостей – воробей и другая синица, она устроила им такую трёпку, что те сразу забыли дорогу на её суверенную территорию.

...Кажется, синицы только зимуют в городе, а весной перебираются в другие места обитания. Вот и наша подружка, когда по-настоящему потеплело, покинула

свою «зимнюю столовую». Может быть, ещё вернётся будущей зимой? Нам, во всяком случае, этого бы очень хотелось...

Ещё зима, но уже весна (предошущение весны)

Я очень люблю это пограничное состояние в природе.

Ещё, конечно, зима, но уже чуть-чуть весна. Уже потрудились солнце и растопило предутренний туман. В воздухе разлита прозрачная, хрустальная свежесть... И хрусткий ледок под ногами в пристывших за ночь лужах, и лёгкий морозец, и высокое небо, и звонкий птичий концерт в соседнем парке...

Всё это пьянит, будоражит душу, и ты невольно ускоряешь шаг и дышишь полной грудью...

Потом разойдётся солнце, начнёт слепить глаза или греть спину... Притаёт лёд... И будет тоже хорошо... Но лучше всего – утром, февральским утром, когда отчётливее всего понимаешь: уже весна, хотя ещё, конечно, зима.

Степь. Времена года

Один из знаменитых путешественников, побывавший в наших местах в конце девятнадцатого века, написал, что он не видел ничего более однообразного и унылого, чем павлодарская степь.

Вряд ли с этим согласятся те, кто родился и живёт здесь. Для тех, кто способен видеть и понимать степь, она прекрасна в любую пору, во все времена года.

Хорошо оказаться в степи весной, на исходе мая или в начале июня, ранним утром... Зелёный ковёр трав, внятный запах полыни... Степь благоухает... Песня невидимого в небе жаворонка... Земной простор до самого горизонта – неоглядная зелёная равнина, небо и ты... Найдётся ли человек, чью душу не тронет этот неброский, радующий взор пейзаж?

Умытая быстрым июньским дождём степь ходит под утренним солнцем волнами и лоснится, как круп молодой сытой кобылицы.

Осенняя степь в погожие дни дышит спокойствием и умиротворением, а в ветреную пору поёт: это ветер играет на струнах трав свою никогда не повторяемую мелодию.

Осенью в степи можно увидеть самую земную из всех земных картин – рукотворную: золотистые хлебные поля от горизонта до горизонта... Всюду, куда хватает взгляда, хлеб, хлеб, хлеб... Разве такое забудешь?

Полна очарования и тайны скованная морозом зимняя степь, когда над ней курится позёмка и когда на белой равнине так гармонируют, дополняя друг друга, цвета снега и прошлогодней травы.

В степи хорошо, неспешно думается, здесь отдыхаешь душой, как будто оттаиваешь, и начинаешь верить в то, что кажется совершенно недостижимым в «другой» жизни...

Боевая ничья

Когда я впервые попал в Баянаул, то был очарован не только его красотами, но и поражён невероятной силой жизни деревьев, растущих здесь прямо на камнях. Вообще же примеров живучести в природе настолько много, что их трудно описать. Вот ещё один...

Около двух десятков лет назад наше семейство стало хозяином дачного участка. Совсем небольшого – в четыре с половиной сотки, зато в тихом, укромном месте, на самом берегу старого русла Иртыша, ставшего протокой. Прежние хозяева дачки посадили за её забором несколько карагачей – с вполне определённой целью: чтобы они, набрав силу, держали своими корнями берег, не давая ему осыпаться. И вот уже полвека карагачи успешно справляются с этой задачей. Но им давно стало тесно на глинистом, твёрдом как камень берегу... Мало того, что карагачи затеняют добрую половину нашего и

без того крошечного сада-огорода, лишая его солнечного света, они каждую осень щедро рассыпают по всему участку свои семена. И молодой карагач каждой весной всходит как сорняк повсюду, порой в самых, казалось бы, не подходящих для этого местах – среди зарослей малины, под раскидистой яблоней-«уралкой», в центре грядки лука-батунна... И если вовремя не вырвать эту юную поросль, потом уже ничего нельзя сделать. Как-то росток карагача забрался в куст черноплодной рябины, так быстро окреп и укоренился в нём, что мне – что бы я ни делал – никак не удавалось его выжить. Каждой весной карагач вновь давал отростки, а рябина всё хуже плодоносила и чахла, чахла, чахла... В конце концов пришлось выкорчевать карагач вместе с ней...

Так и проходит наша совместная жизнь со старыми карагачами – в постоянной борьбе, с переменным успехом. Каждые два-три года мы беспощадно обрезаем их кроны, а они затем отрастают вновь. И меня вполне устраивает то, что у нас с ними в этой упорной борьбе – боевая ничья...

Любимая пора

В детстве я больше всего любил пору ранней весны. Когда, оттаивая, совсем по-особому пахнет земля, наполняясь живительными весенними соками, когда пробивается к солнцу первая робкая травка, когда едва набухают почки... В такую пору хорошо было выйти за село, присесть на уже подсохший пригорок, ощущая, как сильно и свежо тянет холодком и сыростью из близкого берёзового колка, где ещё лежит снег... И просто посидеть, ни о чём не думая...

На набережной...

На набережной Иртыша я живу, по ней уже много лет хожу на работу и часто гуляю. С ней связано много впечатлений и воспоминаний. Может быть, они будут интересны ещё кому-то...

Камыш

Когда-то на этом отрезке набережной – там, где теперь стоят наши десяти-двенадцатизэтажные «кривые» дома, многоэтажек не было. Не было острова, что на наших глазах возник правее Лермонтовского пляжа. Не была обустроена и средняя часть набережной – с теперешними фонтанами и террасами к Иртышу. Зато был внизу «камышинный остров» – густые высокие заросли, через которые вела неширокая дорожка. Летом, в самую жару, в этих зарослях можно было ощутить желанную прохладу. Ещё тут чуть-чуть пахло болотной сыростью от никогда не высыхающей лужи, покрытой зелёной ряской. А зимой, особенно во время бурана, в сердце-вине этого «островка» было тихо и как-то очень уютно. Наверное, и потому ещё, что шум ветра был слышен и тут, но сам ветер сюда не добирался, и даже снег сверху падал почти отвесно. Ещё откуда-то сверху проникал зимними вечерами свет, завершая картину умиротворяющей гармонии.

Дерево-жизнь

Этот могучий старый клён на набережной стоит особняком. И его не спутаешь ни с каким другим деревом. У клёна короткое, мощное основание, а дальше вместо ствола – кривые, искорёженные ветви, растущие во все стороны. Мне он напоминает ушедший двадцатый век – со всеми его кровавыми изломами, противоречиями, бедами...

«Всё уже было, – как будто говорит нам клён, – и я всё это видел, пережил и продолжаю жить».

Этот клён для меня – символ жизненной силы и стойкости. Я называю его дерево-жизнь и показываю своим друзьям, которые впервые бывают со мной на набережной.

Иртыш

Настоящего ледохода-ледолома на Иртыше нет с тех пор, как он не стал замерзать в черте города. Но можно наблюдать подвижку льда у речного вокзала. А ниже по течению – картину, чем-то напоминающую вечное движение... Шуршание льдин, трущихся друг о друга, лёгкое позванивание... Однажды я видел часть зимней дороги с уцелевшей прорубью на проплывающей льдине...

* * *

Во время разлива Иртыш в широких местах как будто не течёт, а стоит на месте.

* * *

В Павлодаре самое узкое место на Иртыше – у спасательной станции... Вечер... Взгляд каким-то образом захватывает одновременно полосу воды и ущербный диск луны над ней, отчего кажется, что луна тоже движется – навстречу течению.

* * *

300 Ночь. Узкий серп луны над Иртышом и серебряные проплешины на воде... Картина, достойная кисти Куинджи...

* * *

Яркий июльский день, на Иртыше лёгкая рябь, и он серебрится на повороте, как бок большой сильной рыбы...

* * *

Самая чистая, прозрачная вода в Иртыше – в середине осени. Именно в эту пору он – «беглец зеленоводный», как назвал его когда-то Павел Васильев.

* * *

24 августа 2009 года. Иртыш сегодня утром был так тих, так умиротворённо спокоен, что в нём, сохраняя цвет и едва заметно подрагивая, отражался пойменный лес на другом берегу.

* * *

Иртыш в районе Павлодара не замерзает из-за тёплого течения протоки, охлаждающей турбины Аксуской ГРЭС. Это плохо и для самой реки, и для живущей в ней рыбы, и для пойменного леса, вынужденного зимовать в сырости.

В сильные холода, когда нет ветра, Иртыш как будто отгораживается от города белой, зыбкой завесой пара...

* * *

В жаркую июльскую пору на набережной, под соснами, можно услышать, как раскрываются на деревьях с лёгкими щелчками молодые сосновые шишки.

И ещё увидеть, как через несколько дней после обильного дождя собирают под деревьями на берегу шампиньоны наши предприимчивые земляки.

Птицы

Набережную уже давно облюбовали дятлы. Чаще всего их можно тут встретить зимой. С одной стороны, это говорит о неблагоприятии зелёного наряда правобережья в пределах городской черты, ведь дятлы добывают себе пропитание главным образом на больших деревьях. Ну а с другой – о том, что эти птицы стали признавать зелёную часть набережной лесом. И хотя ещё не устраивают здесь свои гнёзда, как, напри-

мер, сороки, но зато охотно кормятся. И стучат, стучат, стучат...

Иногда на отрезке пути от улицы Лермонтова до спасательной станции я насчитывал до четырёх-пяти дятлов. Раньше это всегда были чёрно-пёстрые короткохвостые птицы, а недавно стали встречаться их сородичи совсем другого, если так можно сказать применительно к дятлу, – страшноватого вида. Эти – сплошь чёрные, с удлинённым, конусообразным туловищем – чем-то напоминают героя зарубежных фильмов-страшилок Бэтмена, который в тёмном плаще летает по небу и вершит свой суд.

Однажды в конце лета я видел, как дятел, устроившись на вершине клёна, лушил сосновые шишки. Через несколько дней под ним была целая россыпь «растопыренных» шишек. Я показывал этот «феномен» нескольким людям и предлагал им объяснить, что это, откуда под клёном столько сосновых шишек? И никто не мог правильно ответить, а некоторые мне не верили, когда я им говорил, что это дятел.

...Если я утром иду на работу и встречаю дятла, у меня сразу улучшается настроение – для меня это всегда добрая примета. Такой же считаю суетящуюся пару трясогузок, которые стали попадаться мне (жаль, только летом) у фонтана в верхней части набережной.

* * *

В тот год морозы в январе стояли под сорок, и почти каждый день на Иртыше, в районе спасательной станции, можно было видеть пару диких уток, прилетающих на открытую воду то ли кормиться, то ли греться... А может, за тем и за другим одновременно. Где они проводили остальное время суток, где ночевали, пережили ли зиму?

* * *

Конец октября... Холодно, но снега ещё нет. На берегу неуютно и ветрено. И только сорока-чистюля неслышно скользит меж голых ветвей у самой воды.

* * *

18 августа 2009 года. Опять видел по пути на работу стаю коршунов, летящих откуда-то из-за Иртыша к Павлодару. Впрочем, стаей в прямом смысле слова их вряд ли можно было назвать, хотя, насчитав больше трёх десятков, я сбился со счёта. Они летели разрозненными группами, по нескольку птиц и поодиночке, на разной высоте, некоторые «притормаживали» и кружили над поймой и над рекой... И почему-то коршуны не обращали никакого внимания на потенциальную добычу – голубей, пролетающих внизу и сидящих на песке у воды.

Никогда ещё я не видел над Павлодаром столько коршунов, как минувшим летом. Или это был взрыв их рождаемости, связанный с какими-то природными сдвигами, или изменились традиционные маршруты миграции коршунов, и наш город оказался на их пути по этой причине?

Впрочем, тем летом мне приходилось наблюдать обилие коршунов и в степи, неподалёку от Железинки. Наверное, всё же их вывелось в предыдущие годы больше обычного.

Моржиха

Конец декабря. Раннее утро, ещё темно... Мороз за 30 градусов. На набережной ни души, и только ближе к спасательной станции замечаю впереди одинокую фигуру. Догоняю и слышу:

- Здравствуйте!
- Здравствуйте...
- Вы меня не узнаете?
- Нет... Да и темно...

– Я мама Гали Шестопаловой.
– А что вы тут делаете в такое время?
– У нас назначен сбор группы моржей на девять утра...

– Вы что, и купаться ещё будете? В шесть утра, кажется, 36 градусов было...

– Это в шесть утра, а в начале десятого будет всего тридцать или меньше... Уже можно будет купаться...

Пришёл на работу, послал молодого журналиста: хотелось удостовериться – будут всё же окунаться в воду или нет?

Купались!

Теперь вот и сама Галина Павловна Шестопалова стала завзятой «моржихой». Удовольствие, уверяет, неопишное...

Кто как оздоравливается

Никого уже не удивляют сегодня павлодарцы, обнимающие по утрам на набережной деревья, – кто сосну, кто берёзу. Отождествляя себя с ними, наши земляки черпают из них энергию...

Но вот совсем другая картина... Милицейский постбудка на набережной... Напротив – сосна, у неё вниз головой не то стоит, не то висит, зацепившись валенками за ветку, мужчина. Чуть притормаживаю...

– Привет редактору, – слышится снизу, – ну как там у вас в редакции, власти не донимают?

– Здравствуйте, – отвечаю машинально и замолкаю: как-то не очень часто приходилось говорить с человеком, стоящим-висящим вниз головой...

– Что – удивляетесь? А ничего тут такого нет – нормальное упражнение, я его делаю уже лет двадцать... Отлично себя чувствую – всегда в тонусе. Никакого простатита и прочих мужских болячек. Женщины до сих пор не обижаются...

Ему – 72 года. На дачу и обратно (она в районе тракторного завода) с весны до осени ездит только на велосипеде.

Лошадиная тропа

У поэта Василия Лукова есть такая строчка: «Как вкусно пахнет конский пот...» Кто-то, может, сморщит нос от подобного сравнения, между тем оно очень верное: если вы когда-нибудь в жизни имели дело с лошадью, то никогда не забудете этого неповторимого запаха. Общение с этими удивительными животными, особенно в детстве, остаётся в памяти навсегда. Как первая любовь...

При чём здесь набережная? Притом что в последние годы здесь неизменно появляется статный казах средних лет, а с ним две или три его лошади. На них он за символическую плату катает верхом всех желающих. Чаще всего вокруг него собирается ребятня, которой всё интересно. Девчонок, кажется, всегда больше... Они и смелее садятся на главного хозяйского коня – высокого, статного, тонконового (они чем-то похожи с хозяином). И тогда «учитель» бежит рядом с наездницей, подсказывая ей на ходу, как надо себя вести.

Не думаю, что этот человек много зарабатывает таким образом. Но то, что он делает, заслуживает огромного уважения. Потому что он пробуждает в детях лучшие из человеческих чувств. Как жаль, что наши чиновники от образования до сих пор не додумались до того, чтобы найти достойное применение урокам доброты и человечности, которые он по сути бескорыстно даёт на глазах у всех...

Предложение

Она встретила меня, как только я повернул на набережную. Сначала просто бежала поодаль, будто сама по себе, будто ей нет до меня никакого дела... Потом

приблизилась чуть-чуть, словно приглашая обратить на неё внимание. Потом забежала вперёд и бежала прямо передо мной, всё время оглядываясь и как будто говоря: «Ты посмотри, какая я – красивая, умная, воспитанная! Хочешь, я буду с тобой? Вот увидишь – ты не пожалеешь об этом!»

Это и вправду была очень хорошая собака, она сразу мне понравилась...

Я остановился. Остановилась и она, как будто вновь говоря: «Ну что же ты, давай, решайся!»

«Извини, – сказал я, – вижу, какая ты хорошая, но куда я тебя возьму?» – «Эх ты, – читалось в её ответном взгляде, – я к тебе со всей душой, а ты...»

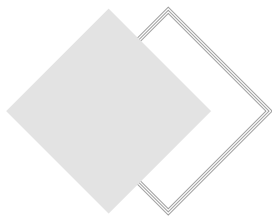
Я ушёл. А она осталась. И больше мы с ней не встречались.

Упорство

Начало 90-х годов теперь уже прошлого века... Каждое утро, идя по набережной на работу, я встречал эту пожилую женщину, бегущую на лыжероллерах. И делала она это так истово, упорно, как будто хотела кому-то (или, может, себе самой) что-то доказать... Я не знал, кто она, есть ли у неё семья, близкие... Мне почему-то казалось, что она одинока. И я пытался представить себе историю её жизни... Когда-то она была молода и, вероятно, обременена шлейфом житейских забот; любила и была любима, растила детей... А теперь всё в прошлом; остались лишь старость да одиночество, и эта давняя страсть к движению – наверное, единственное, что приносит ощущение полноты жизни. И этот бег стал своеобразным ритуалом, с которого начинается её день. Это – и образ жизни, и смысл её, и мировоззрение...

Той женщины на набережной давно уже нет. Теперь мне встречается бегущий мужчина средних лет: коренастый, жилистый, на длинных кривоватых ногах. Бывает, когда я иду от улицы Лермонтова до спасательной стан-

ции, он успевает мне встретиться дважды. В нём то же упорство и та же неистовость, что были в женщине на лыжероллерах. Он ни с кем не заговаривает и не здоровается на бегу. Он весь – в этом беге. И, как когда-то давно, я пытаюсь представить его жизнь. Пытаюсь и не могу... И тогда говорю себе: «Движение есть жизнь», – и ускоряю шаг.

Содержание

У нас в семье...	4
Золотое слово	27
Так это было...	46
Блёстки	150
О странностях любви	225
Про коронавирус	239
«Звездизмы»	241
Встречи с чудом	282
На набережной...	299

Юрий
ПОМИНОВ

Брестки

Издание
третье,
дополненное

Набор: О. Шоканова
Вёрстка: Н. Яницкая, А. Вус
Корректор: Т. Сартакова

Автор примет с благодарностью отзывы
по адресу: pominov@inbox.ru

Формат: 60x84/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,75
Тираж 1000 экз. Заказ №1447 Ц
Отпечатано в ТОО «Дом печати».
140000, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Астаны, 143

